

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Аристангалиева Нургуль Базылгалиевна

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ 30-Х ГОДОВ XIX ВЕКА**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент А.Л. Фокеев

Саратов – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Национальные окраины России как предмет изучения в гуманитарных науках	15
1.1. Изучение национальных окраин в исторической и литературоведческой науках.....	15
1.2. Имагология как литературоведческая наука	24
1.3. Инонациональное этнографическое направление первой трети XIX века	38
Выводы по главе 1	48
Глава 2. Инонациональный этнос в этнографической прозе 1830-х годов....	51
2.1. Этнографическая проза: художественное своеобразие	51
2.2. В.И. Даль и инонациональное этнографическое направление.....	59
2.3. «Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих, орд и степей» А.И. Лёвшина как первое серьезное научно-художественное этнографическое исследование инонационального этноса	72
2.4. Этнографические повести писателей-романтиков (А.А. Бестужев-Марлинский, Е.А. Ган, Н.А. Дурова, В.А. Ушаков)	87
2.4.1. Южные окраины России в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского.....	89
2.4.2. Мир калмыцкого этноса в повести «Утбалла» Е.А. Ган	109
2.4.3. Инонациональные образы в этнографической прозе Н.А. Дуровой («Серный ключ»).....	119
2.4.4. Оппозиция «свой-чужой» в повести В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак».....	125
Выводы по главе 2	132
Заключение	135
Список литературы	141
Приложение	
Приложение 1. А.И. Лёвшин. Этнографические известия о Киргиз-Кайсацких или Киргиз-Козачьих Ордах (Выписки из большого труда). Образ жизни // Литературная газета. 1831. Т. III. №2.....	156
Приложение 2. А.И. Лёвшин. Этнографические известия о Киргиз-Кайсацких или Киргиз-Козачьих Ордах (Вторая выписка из соч.). Вера и Суеверие // Литературная газета. 1831. Т. III. №3.....	158

ВВЕДЕНИЕ

Быт и нравы национальных окраин России ныне становятся предметом изучения многих наук: истории, юриспруденции, политологии и филологии, что обусловлено общественно-политическими процессами, происходящими в мире: опасностью обострения межнациональных и межэтнических конфликтов.

В этом отношении Россия представляет особое явление, поскольку к 30-м годам XIX века в состав империи были включены обширные территории Казахстана и Средней Азии, Кавказа, Урала, Сибири, Поволжья, Польши, Прибалтики, Украины. Процессы вхождения национальных окраин в состав Российского государства, разнообразные формы их управления, этнический и конфессиональный состав стали предметом изучения в работах В. В. Трепавлова, А. В. Ремнева и Н. Г. Суворовой, Р. Л. Павлинской, Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек.

Бескрайние просторы России издавна были источником вдохновения русского фольклора и литературы. При изучении русскими писателями инонациональных образов возникал вопрос о способах их репрезентации и степени проявления «инаковости». Различными аспектами художественной рецепции занимается молодая наука – имагология.

Предпосылки формирования имагологии как науки в российской науке были заложены в трудах представителей сравнительного литературоведения: А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, М.М. Бахтина, М.П. Алексева, Д.С. Лихачева, Г.Д. Гачева. А.Н. Веселовский в своей теории взаимовлияний и заимствований на примере мировой литературе отмечал, что «чужое» принимается «своим» в той мере в какой готово к восприятию: «...Влияние чужого элемента всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать»¹. М.М. Бахтин указывал на значение диалога культур для их взаимного обогащения: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже...Один смысл раскрывает свои глубины,

---

¹ Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 61.

встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...>. При такой диалогической встрече двух культур они не смешиваются, но они взаимно обогащаются»². Г.Д. Гачев, автор научно-публицистических трудов о национальных образах мира³, обновление гуманитарного образования видел в постижении национальных особенностей, культур, ментальности: «Всякий народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечества»⁴, «он умеет то, чего не умеет в такой степени и в таком качестве другой, и именно в своей непохожести дорог и должен быть любим соседом, ибо восполняет его односторонность»⁵.

Хотя В. Б. Земсков отмечает, что имагологические подходы практиковались в литературоведческой науке давно («Картина мира той или иной страны в пространстве другой культуры всегда имеет достаточно длинную историю»⁶), основы имагологии как науки были заложены в 1950-х гг. французскими учеными Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяром; Гийяр определил имагологию как часть компаративистики, цель которой – «пытаться лучше понять, как появляются и живут в индивидуальном или коллективном сознании великие национальные мифы...»⁷. В.П. Трыков считает имагологию «антиподом» компаративистики. О.Ю. и О.А. Поляковы утверждают, что имагология «опирается на весь инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ,

---

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 354.

³ См.: Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М., 1988. 445 с.; Его же. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002. 780 с.

⁴ Цит. по: Бахтикиреева У.М. Упуская время, жил счастливо... Памяти Георгия Дмитриевича Гачева [Электронный ресурс] // Deutsche Allgemeine Zeitung. 2008. 4 апр. URL: <https://daz.asia/ru/upuskaya-vremya-zhil-chastlivo/> (дата обращения 10. 08. 2022).

⁵ Там же.

⁶ Земсков В.Б. Россия на переломе // На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. Земсков В.Б. М., 2011. С. 12.

⁷ Цит. по: Поляков О. Ю. Имагология: учебное пособие. Киров, 2015. С. 128.

нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы»⁸; А.Ю. Большакова говорит об «имагологическом подходе», когда «матричную функцию берет на себя образ страны, региона (континента) или известного города. Выстраиваемые здесь сравнительные ряды предполагают зеркальность, взаимоотражение и даже взаимовлияние возможных компонентов»⁹.

Примеры имагологического подхода при анализе взаимодействий России со странами Запада представлены в работах Н.П. Михальской¹⁰ и Л.Ф. Хабибуллиной¹¹ о рецепции образа России в Англии, Е.П. Гречаной о рецепции образа России во Франции в свете религиозных столкновений, В.А. Хорева о рецепции образа России в Польше¹², Е.А. Мустафиной о рецепции образа России в США¹³.

Имагологическую оппозицию «свое-чужое» внутри Российской империи Л.Н. Сарбаш рассматривает на конкретных многочисленных примерах художественно-публицистических текстов писателей XIX века: С. Т. Аксакова, В. И. Даля, А. А. Фукс, В. Сбоева, С. В. Максимова, Н. Д. Телешова, П. И. Мельникова-Печерского, изображавших инонациональные этносы Казахстана, Сибири и Поволжья¹⁴.

Тем самым Сарбаш обосновывает центральный тезис о том, что «имагология российского пространства <...> в полной мере проявляется в русской литературе XIX в., которая участвует в освоении «инонациональной» почвы

⁸ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. С.7.

⁹ Большакова А.Ю. Сравнительное литературоведение сегодня // Проблемы современного сравнительного литературоведения: сб. ст. / под ред. Н.А. Вишневской, А.Д. Михайлова. М., 2004. С. 25.

¹⁰ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М., 1995. 150 с.

¹¹ Хабибуллина Л. Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань, 2010. 206 с.

¹² Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. 231 с.; Его же. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М., 2012. 240 с.

¹³ Мустафина Е. А. Образ Европы в литературном сознании России и США в XIX веке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 36 с.

¹⁴ Сарбаш Л. Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: Проблематика и поэтика: дисс. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2013. 516 с.

русской действительности»¹⁵. Исследовательница выделяет такие направления репрезентации инонационального в русском литературном процессе: «религиозно-мифологическая этнография – обряды и обычаи, религиозно-мифологические верования; нерусское в типической характерологии времени как социальная этнография; нерусское как осмысление духовно-нравственного опыта и ценностного мира...»¹⁶. Людмила Николаевна указывает на такие ее элементы, которые станут предметом внимания в нашей работе, как «специфика жизненного уклада, обрядовая сторона жизни, религиозно-мифологические верования, поэтическое творчество»¹⁷.

Исследовательница выделяет заслуги Даля, широко введившего в русское эстетическое пространство «чужие» миры Казахстана и Поволжья, изучавшего образ жизни, религиозные верования, обряды и обычаи с кропотливостью исследователя, но, не забывая об эстетическом впечатлении, благодаря которому поэтичность народных обычаев привлекала русскую публику и снимала барьеры между «своим» и «чужим». На примере очерка «Башкирская русалка», который также станет объектом анализа в нашей работе, Л.Н. Сарбаш отмечает, что «художественным способом воссоздания нерусского является мифологическая характерология: <...> органическое соединение конкретного географического описания местности – топонимов, гидронимов, цифровых параметров пещер – с поэтической башкирской мифологией...»¹⁸.

Ее поддерживают Н.Л. Юган¹⁹ и А.Л. Фокеев²⁰ в своих исследованиях конкретизировавшие способы введения Далем в текст этнографических описаний

---

¹⁵Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX в.: рецепция полиэтноконфессионального Поволжья в творчестве русских писателей / Л. Н. Сарбаш // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 142-157. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000619438>

¹⁶Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX.: рецепция полиэтноконфессионального Поволжья в творчестве русских писателей // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 143-144.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 144-145.

¹⁹ Юган Н. Л. В. И. Даль и русская литература 30-60-х гг. XIX века. Луганск, 2011. 400 с.

²⁰ Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 516 с.

и элементов фольклорных жанров. Фокеев видит в В.И. Дале основоположника этнографического направления в реалистической русской литературе, для которого характерно не только изображение героя в «типических обстоятельствах, но и в фольклорно-этнографической среде, что определило событийный ряд произведений, связанный с фольклорно-этнографическими элементами, формирующий специфические формы художественной организации материала в духе литературно-фольклорного синтеза, и усиление роли быта и пейзажа»²¹.

Наряду с этим, этнографические принципы помогают осмыслить культурную традицию, в рамках которой действует персонаж, духовно-нравственные аспекты изображаемой «своей» и/или «чужой» действительности. А.Л. Фокеев выявил особый тип беллетристов-писателей, среди которых важную роль играют А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, С.В. Максимов и другие сотрудники так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин», а в качестве события, реализовавшего их задачи изучения быта и среды, национальных особенностей, элементов народной поэзии и колорита местности – назвал экспедицию по Волге под патронажем Великого князя Константина Павловича²².

Тридцатые годы XIX века в процессе творческого постижения «своей-чужой» действительности занимают особое место. В истории русской литературы понятие «тридцатые годы» трактуется расширенно, включая в себя период времени между поражением декабристов 14 декабря 1825 года и началом деятельности «натуральной школы» сороковых годов. Спецификой периода является то, что в данный момент времени, стремительно сменяя друг друга, а порой и параллельно, развивались различные литературные течения: предромантизм, романтизм и реализм.

В 1835г. В.Г. Белинский, указывая на наступление нового этапа русской литературы, выделял два его аспекта: интерес к изучению действительности и

---

²¹ Фокеев А. Л. Этнографическое направление ... 2004. 516 с.

²² Там же.

связанный с этим переход к аналитическим жанрам, «к прозе, к роману и повести». «Дух времени», пробудивший внимание к родной стране, к ее прошлому, к ее пути, стимулировал и изучение национальных окраин России и населяющих их народов. Уже тогда Белинский призвал к изучению многообразных национально-этнических миров как единой части общего понятия «Россия»: «Великороссия, Малороссия, Новороссия, Финляндия, Остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь – все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и особенно по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов, из которых иные родственны, а иные совершенно чужды ему!»²³.

Научные открытия привлекают к себе все большее внимание, оказывают сильнейшее влияние на самосознание общества. В печатной периодике становятся обязательными и востребованными научно-популярные отделы. Выделяются в этом отношении популярные журналы «Московский телеграф» и «Библиотека для чтения». Статьи об успехах новейшей науки на разных направлениях, наряду с прозой и поэзией, считает необходимым публиковать в «Современнике» А.С. Пушкин. Новое научное аналитическое миропонимание имело важное значение и для литературы. Передовой дух научного исследования способствовал вниманию литературы к реалиям нравов и быта. Символично, что философ и критик И. В. Киреевский, вступая в новое десятилетие, писал в «Обзрении русской словесности за 1829 год» о том, что для современной науки, не исключая философской, характерно стремление «на применение умозрений к действительности, к событиям, к истории природы и человека <...> Поэзия <...> должна была также перейти в действительность»²⁴.

В этом отношении показательно, что для многих авторов 1830-х гг. изучение национальных окраин поначалу носило не творческий, а исследовательский характер, связанный с их деятельностью как граждан своей

---

²³ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под ред. Н. Некрасова. Санкт-Петербург. 1845 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 377.

²⁴ Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. / под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. 2. С. 19.

страны. Так, по долгу службы, исполняя обязанности в государственных органах по управлению национальными окраинами, познакомились с образом жизни, бытом и традициями казахов В. И. Даль и А.И. Лёвшин. А.А. Бестужев-Марлинский заинтересуется языком, традициями, материальной и духовной культурой народов Кавказа, находясь в южной ссылке. Женщины-писательницы Н.А. Дурова и Е.А. Ган знакомятся с бытом народов Поволжья и Калмыкии в путешествиях, о которых они считают своим долгом поведать образованным согражданам.

Инонациональный материал при повсеместном повышении интереса и осознании значимости народной культуры, стихии фольклора и национального языка оказывается идеальным методическим материалом для изучения собственной ментальности. Во многом на основе этого материала происходит переход от романтизма к реализму, формируется этнографическое направление.

Актуальность работы обусловлена важностью проблемы межнациональных отношений и необходимостью осмысления полиэтничности Российской государственности в современную эпоху. Литературное наследие писателей 1830-х годов демонстрирует пример глубокого понимания и принятия культурного многообразия.

Новизна исследования заключается в том, что репрезентация инонациональных образов и инонациональных явлений в творчестве писателей 1830-х годов способствовала развитию реалистических тенденций, ускорила процесс перехода от романтизма к реализму, положила начало формированию инонационального русла в этнографическом направлении русской литературы.

Цель настоящей работы – исследование рецепции инонационального образа в прозе 1830-х гг., различных способов инкорпорации и уровней художественного воплощения иноэтнических, нерусских явлений жизни.

Цель предполагает решение следующих *задач*:

– раскрыть роль В.И. Даля в становлении инонационального этнографического направления в русской литературе, проанализировать фольклорно-этнографические структуры и способы их создания в его произведениях.

– рассмотреть художественно-документальную монографию А.И. Лёвшина как первое научно-художественное этнографическое исследование инонационального этноса.

– обобщить открытия, сделанные в повестях писателей-романтиков Е.А. Ган и В.А. Ушакова при изображении инонационального этноса степной окраины, проанализировать художественные приемы как способы сближения «своего» и «чужого».

– изучить следующую ступень исследования «чужого» этноса, его материальной и духовной культуры в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского и Н. А. Дуровой при изображении Кавказа и Поволжья.

– сопоставить прозу женщин-писательниц с целью найти общие мотивы, призванные сблизить «свое» и «чужое» при изображении женской части изображаемого этноса.

– соотнести выдающихся писателей и авторов второго ряда с целью найти общие черты и задачи, характеризующие эпоху 1830-х гг., и в то же время выявить оригинальность творческой манеры первых.

Объект исследования – этнографическая проза 1830-х гг., посвященная описанию национальных окраин России.

Предмет исследования – поэтика инонационального и способы его трансляции в прозе писателей 1830-х гг. (представителей романтизма и реализма) в русле формирующегося инонационального этнографического направления.

В качестве *материала исследования* избраны следующие тексты, представляющие прозу выдающихся писателей и авторов второго ряда: художественно-документальная очерковая этнографическая проза В. И. Даля и художественно-документальный труд А. В. Лёвшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей»; романтические повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур», Н.А. Дуровой «Серный ключ», В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак», Е.А. Ган «Утбалла».

Методологическая основа за последние годы значительно пополнилась, что сделало возможным настоящее исследование. Это труды по изучению

национальных окраин Российской империи, по исследованию инационального этноса в русской литературе XIX века, по формированию этнографического направления в русской словесности, по теории имагологического анализа В. Г. Базанова, М. М. Бахтина, Г. Д. Гачева, Л. М. и И. Л. Дамешек, В. Б. Земскова, Н. П. Михальской, Л. Р. Павлинской, О. А. Поляковой, А. В. Ремнева, Л. Н. Сарбаш, В. Ф. Соколовой, Н. Г. Суворовой, В. В. Трепавлова, А. Л. Фокеева, Н. Л. Юган.

Для достижения цели и решения задач в диссертации были использованы следующие *методы*: историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический.

При рассмотрении литературных явлений в работе осуществлялся имагологический подход.

Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии роли литературы 1830-х годов в формировании этнографического направления, осмыслении культурного многообразия России. В диссертации обосновывается понятие «инога» в литературе, предвосхитившее современные взгляды на межкультурное взаимодействие.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обращение к национальным окраинам является неотъемлемой составляющей русской литературы 30-х годов XIX века. В связи с этим комплексное исследование художественных произведений 1830-х гг. в контексте инациональной поэтики позволяет говорить о гуманизирующем, объединяющем влиянии русских авторов на российское общество. При изображении укладов жизни и верований нерусских народностей инациональное транслируется как составная часть российского мира: «иное», нерусское, но и не «чужое».

2. Инациональное как философское осмысление ментальных основ жизни, духовно-нравственного опыта и ценностного мира проявляется в произведениях русских писателей, стремясь к универсальному, общечеловеческому контексту. Быт и обычаи, исторические и топонимические

предания, обрядовые песни и праздники раскрывают этнокультурные особенности, философские воззрения и духовно-нравственные идеалы этноса.

3. Этнонациональная картина бытия передается русскими писателями через архетипы национального сознания. При этом этнопсихологический тип, национальный герой в идейно-художественной системе произведений способствуют поэтизации явлений жизни, проявлявшихся в обрядах и обычаях, религиозно-мифологических верованиях и теогонических представлениях.

4. Поэтичность обрядов и обычаев, мифологических верований народов национальных окраин России привлекает внимание писателей-романтиков как всякая «экзотика». Однако именно она помогает избежать стандартизации романтического сюжета, основанного на несчастном любовном конфликте «возвышенных» героев и противостоящей им низменной среды.

5. Особенности изображения «иного» этноса требуют для своего полного раскрытия аналитического изучения повседневного быта, психологии и мировосприятия рядовых членов общества, что исподволь разрушает поэтику романтизма, приближая изображение к реалистическим способам показа действительности и человеческих характеров.

6. Открытия, сделанные русскими писателями 1830-х гг. в области народознания, выбора героев и пейзажа при художественном и публицистическом исследовании национальных окраин России с успехом проецировались на изображение представителей титульной нации. Результатом формирования новых способов эстетического освоения инонационального в литературе стало выделение в этнографическом направлении отечественной словесности его инонационального руслу.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных курсов по русской литературе 1830-х гг.; при чтении лекций, создании учебников и учебных пособий по курсам «Истории русской литературы XIX века», «Литературы народов России».

Результаты исследования были представлены на следующих конференциях: 58-я Международная научная студенческая конференция МНСК-2020 (г. Новосибирск, 10-13 апреля 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы науки и практики» (Уфа, 07 февраля 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития» (Уфа, 02 марта 2021 г.); IX Всероссийская научная конференция «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (г. Саратов, 20-21 сентября 2023 г.); Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные научные исследования в современном мире» (Уфа, 20 сентября 2024 г.).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 11 статей (4 из которых – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России).

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и Приложений.

Во **введении** обозначаются актуальность и новизна диссертации, уровень разработанности определенной научной литературы. Формулируются цели и задачи, объект и предмет исследования, фиксируются используемые методы, материалы и основные источники. Обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, раскрываются ключевые понятия, приводятся положения, выносимые на защиту. Дается информация об апробации основных выводов диссертации, описывается структура исследования.

В **первой главе** раскрываются вопросы изучения национальных окраин в различных науках, а также рассматриваются имагологические подходы при анализе произведений этнографической прозы.

Во **второй главе** дается характеристика этнографической прозе как типу повествования, отмечается роль и заслуга В.И. Даля в развитии этнографического направления в русской литературе, ее инонационального русла, исследуются научно-художественная монография А.И. Лёвшина, посвященная описанию

киргиз–кайсаков, и этнографические повести 1830-х гг. писателей–романтиков, особенности воплощения в них инонациональных образов.

В заключении подводятся итоги работы, делается вывод о способах репрезентации инонациональных образов в творчестве писателей-романтиков 1830-х гг., обозначаются перспективы дальнейшего развития темы.

Глава 1

Национальные окраины России как предмет изучения в гуманитарных науках

1.1. Изучение национальных окраин в исторической и литературоведческой науках

Изучение национальных окраин России, процесс становления ее частью империи, эволюция управления этими окраинами как административной единицей, как отмечают многие исследователи, очень значимо на сегодняшнем этапе развития российского общества. Так или иначе, вопрос о взаимосвязи между центром и национальными окраинами затрагивает все аспекты жизни общества и становится предметом изучения представителями различных наук: историками, этнологами, юристами, географами, политологами, филологами и т. д. На обсуждение общественности были вынесены проблемы, решение которых невозможно рассматривать только в рамках одного научного направления. Изучение этнического и конфессионального состава, изучение путей экономического развития этих территорий было предметом исследований многих ученых.

Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, менялось только внутреннее содержание. Еще в XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала в ней прежде всего пограничную территорию – «окраину». Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного. В 1582 г. своим Указом «О суде над государственными преступниками» он распорядился высылать тех, «который в жалобнице или в суде лжёт и составит ябеду, <...> написати в казаки в украинные города Севск и

Курск»¹. Если обратиться к источникам более позднего периода, то «под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, присоединенные к России с 1552 и до 1905 г.² И «к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных ...»³. В XX столетии исследователи неоднократно пытались определить содержание дефиниции «окраина». Известный исследователь истории Сибири Л. М. Горюшкин много писал об этом, и Сибирь, по его мнению, в конце XIX века была окраинной территорией России. Но ученый также выразил мнение, что Польша не может быть отнесена к окраинам с точки зрения заселенности и вовлеченности в земледельческую культуру⁴.

Таким образом, постепенно развивались понятия «центр» и «периферия», «окраина», и под окраиной стали понимать не только удаленные от центра, но и подчиненные земли.

В XIX веке были определены границы государства, которое в первую очередь отличалось обширной территорией и объединяло два континента: Европу и Азию. В современной науке все больше используется понятие «Евразия» или «евразийское пространство». Оно стало своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в котором различные народы и культуры научились жить вместе, и процесс инкорпорации окраинных территорий в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство являлся одной из приоритетных задач.

---

¹ Филатов А.В. Ссылка и каторга в Российском имперском законодательстве XVI – начала XX века (Обзор) //Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т.7. вып.1. С. 123.

² Дамешек М.И., И. Л. Дамешек. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск: Отгиск, 2015. С. 9.

³ Дамешек М.И., И. Л. Дамешек. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск, 2015. С. 9-10.

⁴ Горюшкин, Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Акад. наук СССР, Сиб. отд–ние, Ин–т истории, филологии и философии; отв. ред. Ковальченко И.Д. –Новосибирск: Наука, 1976. с. 73

Национальные окраины представляют, прежде всего, интерес для исторической науки, и за последнее десятилетие появился ряд исследований, посвященных политике управления окраинами, проблемам взаимодействия и взаимоотношениям центра и окраин России, этнических групп в составе единого государства и в единой политической системе.

Вопросы изучения процессов экономического и политического развития национальных окраин обсуждались на многих международных конференциях. Например, международная научно-практическая конференция, проводившаяся 27–29 сентября 2017 года в Иркутске – «Сибирь в России, Россия в Сибири: история региональной политики как фактор формирования сибирской идентичности». На Международной конференции «Российское государство: 1150 лет опыта. (Москва, 2012г.)» были представлены доклады Н.А. Соболева «Политика русского правительства в отношении Казанского края в XVI–XVII вв. (по материалам казанской эмблематики)» и Л.С. Гатаговой «Имперская политика на окраинах: опыт управления Кавказом (XIX – начало XX вв.).»

Авторы монографии «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления»⁵ также затрагивают вопросы системы управления национальными окраинами многонациональной Российской империи (Поволжье, Южный Урал, Сибирь, Кавказа, Средней Азии, Казахстана и др.).

Национальные окраины стали предметом исследования в трудах А.В. Головнева («Феномен колонизации»⁶), А.В.Ремнева и Н.Г. Суворовой («Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX-начала XX века»⁷), а также этой теме посвящен сборник научных

---

⁵ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. [С.Г. Агаджанов], В.В. Трепавлов. М., 1998. 416 с.

⁶ Головнёв, А.В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: УрОРАН, 2015. 605 с.

⁷ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – 248 с.

статей под ред. Л.Р. Павлинской ««Сибирь в контексте русской модели колонизации XVII – начало XX в.»»⁸.

А.В. Головнев рассматривает колонизацию как естественно-биологический процесс, подчёркивая, что само слово «колонизация» происходит от латинских *colere* (возделывать, населять) и *colonia* (поселение), и в античности означало искусство основания новых поселений под покровительством Аполлона. А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова определяют колонизацию как «заселение какой-либо страны», а П.И. Небольсин ещё в 1849 году использовал термин «система колонизации» применительно к государственной политике заселения территорий за Уралом.

Историки XIX века противопоставляли колонизацию понятию «завоевание», представляя её как мирное движение населения, ставшее главной движущей силой русской истории.

В России термины «колонист» и «колония» часто применялись к иностранным переселенцам, хотя со временем приобрели значение, близкое к «поселенец».

П. Леруа-Болье выделил особенность русской колонизации – её территориальную непрерывность и сходство природных условий между Центральной Россией и Сибирью, что делало процесс более плавным и естественным.

Л.Р. Павлинская указывает на три ключевых различия русской колонизации по сравнению с европейской. Во-первых, русские осваивали смежные территории без необходимости преодолевать океаны, объединив в составе империи около шестой части суши. Во-вторых, предки славян имели длительный контакт с местными народами и во многом влились в их среду, участвуя в этногенезе русского народа. В-третьих, развитие новых земель происходило на основе родственных культурных традиций, особенностей управления и взаимодействия с коренным населением. По её мнению, русская колонизация уникальна и

---

⁸ Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей / отв. ред. Л. Р. Павлинская. –СПб: МАЭ РАН, 2014. С. 3

представляет собой специфический евразийский тип, основанный на генетическом и культурном родстве народов.

Многонациональный характер сложившейся российской государственности отразил в своей монографии историк А. Каппелер: «полиэтничность является неизменной константой российской истории»⁹, так как пример России как нельзя лучше может продемонстрировать образец того, как можно объединить в одно государство «этническое многообразие, охватывающее Европу и Азию, четыре мировые религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов»¹⁰.

В России обширность периферийных областей, в том числе обширные территории Сибири (Ф. Бродель называет Сибирь «бескрайней периферией»)¹¹, предполагала не только освоение территории, но и изучение этносов, населяющих эти территории.

В XIX веке интерес к научно-художественному изучению и описанию окраин Российского государства проявили наряду с учеными-историками и писатели-беллетристы. Этому способствовала, в первую очередь, деятельность Русского географического общества, созданного в 1845 году. В его программу входило всестороннее изучение России – ее географии, природных ресурсов и культуры населяющих народов. В составе общества было этнографическое отделение, возглавляемое писателем и литературным критиком Н.И. Надеждиным.

Различные экспедиции, призванные изучить национальные окраины и предоставить правдивые сведения, организовывались Русским географическим обществом в XIX веке. К участию в этих экспедициях привлекались не только ученые, но и деятели культуры, писатели. Так, великим князем Константином Николаевичем, главой Морского министерства и председателем Географического общества, была организована «Литературная экспедиция». Целью экспедиции

---

⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVIII вв.: В 3 т. / Фернан Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. Время мира Т. 3. М., 1992. С. 17–18; 49.

было исследовать и описать подробности быта, нравы и обычаи того населения, которое занимается промыслами на воде и из которых можно было бы набрать матросов. Эти исследования были необходимы для проекта рекрутирования флота по образцу «французской морской записи», именно теми людьми, которые с малых лет привыкают к жизни и занятиям на воде. Специальной комиссией были отобраны «молодые даровитые литераторы»: А.Ф. Писемский, А.Н. Островский, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин и др. При этом основными критериями послужили «приверженность гражданскому долгу» и «реализм в изображении народной жизни». Им предлагалось обратить особое внимание на «жилища обитателей, их промыслы <.....> разные судоходные орудия и средства <....> физический их вид и состояние, преимущественно их нравы, обычаи, привычки»¹².

Отчеты этой экспедиции печатались в «Морском сборнике» и содержали разнообразные сведения по истории, этнографии, культуре, религии. Писатели, участвовавшие в экспедиции, были представителями поколения писателей переходного периода: между романтиками, погруженными в философскую традицию идеализма, и народниками, приверженцами теории позитивизма.

В эту эпоху рождались новые эстетические концепции, в которых «правдивость» являлась основным критерием. Писатели – этнографы стремились к общественной деятельности, «к исполнению новых социальных ролей в наступающей эре профессионализации (в их сопроводительных документах в графе «род занятий» впервые стояло звание «литератор»)»¹³. Писатели действовали как посредники, обеспечивая своими этнографическими очерками и отчетами связь между «народом», «государством» и «обществом». Очерки народной жизни были результатом длительной и кропотливой полевой работы,

---

¹² Максимов С. В. Литературные путешествия / Вступ. статья и коммент. Ю. В. Лебедева. М., 1986. С. 86.

¹³ Цит. по: Большакова О. В. Клей К. Русские этнографы на службе империи, 1856-1862. Clay C. Russian ethnographers in the service of Empire, 1856-1862 // Slavic rev. - Chicago, 1995. - Vol. 54, n 1. - P. 45-61 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.5, История: Информационно-аналитический журнал. 1997. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-01-013-kley-k-russkie-etnografy-na-sluzhbe-imperii-1856-1862-clay-s-russian-ethnographers-in-the-service-of-empire-1856-1862-slavic-rev> (дата обращения: 10.07.2022).

потому что приходилось преодолевать недоверие простых людей. Так, кто-то из писателей отрастил бороду, кто-то выучил татарский язык, кто-то пил кумыс с башкирами или закидывал сети с поморами.

У писателей-этнографов проявилось новое в исследованиях: тесный контакт с объектом изучения и наблюдения давал особый вид реалистического описания. Эти описания обладали всеми качествами научного исследования и вносили вклад в переосмысление традиций официальной народности, признававшей региональное разнообразие, местные обычаи и нравы.

Писатели-этнографы, выступая с позиции религиозной терпимости, описывали различные религиозные традиции иудаизма, ислама, шаманизма и культа природы, которые сосуществовали и развивались в условиях единой империи. В своих отчетах писатели рекомендовали сохранить культурные формы, особенно те обычаи, которые обнаруживают связь с природой. Таким образом, писатели-этнографы передавали в наследство «народникам» реалистическое восприятие многообразия традиций народов национальных окраин Российской империи.

Наиболее плодотворной по сбору сведений для «Морского сборника» явилась деятельность С.В. Максимова. В дальнейшем на материале наблюдений и собранных сведений С.В. Максимов напишет многочисленные очерки и рассказы о народном быте и нравах. Он путешествовал по Печоре, Двине, Мезени, Пинеге и поморским берегам Белого моря. Впечатления от суровой жизни северных народов легли в основу его двухтомного произведения «Год на Севере», получившего сочувственный отклик в сердцах читателей и высокую оценку в русской критике. Географическое общество удостоило его труд золотой медали. В 1860 году Максимов по заданию Морского ведомства совершил путешествие на Дальний Восток, по итогам которого написал книгу очерков «На Востоке. Поездка на Амур». В 1862-1863 гг. он отправился в новое путешествие – на Каспий и реку Урал. Заслуга С.В. Максимова заключается в том, что одним из первых литераторов он внес существенный вклад в художественное осмысление проблемы национальных окраин России.

Известный историк литературы А.Н. Пыпин в работе «История русской этнографии» (1890-1892гг.) отмечал, что собрание этнографических материалов в 1850-е годы «приняло размеры поистине грандиозные». По наблюдению исследователя, в этот период складывается массовое краеведческое движение по изучению этнографии и фольклора. Пыпин писал, что появляется в литературе «громкая масса местных описаний, где народный быт рисуется в целой картине его внешней обстановки, с его историческим прошлым, нравами и обычаями, преданиями и народной поэзией. Это было нечто прежде небывалое в литературе...»¹⁴.

Пыпин характеризовал развитие литературного процесса в 40-70-е годы XIX века на фоне общественной жизни, рассматривая его как широкое общественно-литературное движение, включающее разнообразный круг явлений, научных идей, эстетических теорий¹⁵. Особую роль он отводил писателям нового типа, назвав их писателями-этнографами, вышедшими из недр народной жизни, глубоко понимающими, чувствующими и реалистически передающими условия народной жизни и быта, в том числе и на национальных окраинах.

Позднее в этот процесс включились не только беллетристы-этнографы, но и писатели первого ряда. В связи с этим следует назвать имя Ф.М. Достоевского. Его творчество – проникновение в глубины человеческой души, размышления о судьбах России, ее месте в мире и сложных взаимоотношениях между центром и окраинами. Для Достоевского окраины не только «географическая» периферия, не просто удаленная территория, а пространство взаимодействия культур, религий и цивилизаций. В своих записных книжках, в знаменитом «Дневнике писателя», он видел в окраинном вопросе многовековой процесс, уходящий корнями в допетровскую Русь, во времена освоения Сибири и формирования государственности. При этом он особо выделял эпохи Петра I и Екатерины II – периоды активного расширения границ империи, когда Россия превратилась в

---

¹⁴ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1, СПб., 1890. С. 26, 53.

¹⁵ Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 216.

одну из ведущих мировых держав. Окраина у Достоевского – это не столько пространственная категория, сколько историческая, культурная и духовная реальность, имеющая глубокое значение для понимания целостности Российской империи и ее будущности¹⁶. В частности, в «Дневнике писателя» он говорит, что «на протяжении тысячелетия русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отстаивали и укрепляли за собою свои окраины <.....> К концу концов, после тысячи лет – у нас явилось царство и политическое единство беспрецедентное еще в мире»¹⁷. По наблюдению Новиковой, «перечисляя в одном ряду Кавказ, Сибирь и Прибалтику, Достоевский подчеркивает особый статус этих земель, акцентирует их “инаковость” <.....> Эти регионы оказываются в роли своеобразного «своего иного»: они, с одной стороны, включены в состав Российской империи, с другой стороны, осознаются русским писателем как инородные, “иные”...»¹⁸.

Ссылка в Семипалатинск стала для Достоевского непосредственным опытом знакомства с Сибирью и казахскими степями. Он описывает степи как удалённое и суровое пространство, но со временем они приобретают у него иное значение, и рассматриваются как важные окраины Российской империи, богатые природными ресурсами и имеющие стратегическое значение. И связано это, по мнению М.В. Михновец, с тем, что степи для Достоевского представляют «потенциал для переориентации вектора развития страны от Европы в противоположную сторону, вглубь, в так называемую «зону суши»¹⁹.

В художественных произведениях, особенно в «Записках из Мёртвого дома» и в «Преступлении и наказании», степь выступает как символ свободы,

---

¹⁶ Михновец М.В. «Окраины» Российской империи в геополитической картине мира Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okrainy-rossiyskoy-imperii-v-geopoliticheskoy-kartine-mira-dostoevskogo> (дата обращения: 21.05.2024).

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 22. Л., 1972–1990. С. 111.

¹⁸ Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Е. Г. Новикова, А. И. Щербинин, С. В. Вировец и др; под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск, 2021. С. 230.

¹⁹ Михновец М.В. «Киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 125. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>

возможного возрождения и духовного обновления. Так, в эпилоге романа «Преступления и наказания», широкая степь становится фоном для внутренней трансформации Раскольникова, что отражает надежду на обновление общества через обращение к своим корням и внутренним пространствам.

Степь в картине мира Достоевского – пространство геополитических и духовных смыслов. Через них писатель размышляет о будущем России, и о необходимости баланса между традицией и прогрессом, между Европой и Азией, между центром и окраиной. Несмотря на то, что тема окраин не стала центральной в его творчестве, она всё же отражает его представление о России как о государстве, которое стоит на пересечении цивилизаций. Важность окраинного вопроса в творчестве Достоевского демонстрирует глубокий интерес русской литературы в XIX веке к осмыслению сложных исторических, культурных и политических процессов, происходивших в Российской империи.

1.2. Имагология как литературоведческая наука

Описание образов иной культуры в различных сферах и способах существования национальной культуры, в том числе, в художественной литературе, а также обоснование их существования как проблема теоретическая и культурно-историческая рассматриваются в современных исследованиях в различных гуманитарных науках – культурологии, истории, философии, социологии, психологии, литературоведении. Актуальность этой проблемы вырастает из своеобразия общественно-исторического развития современной эпохи, с одной стороны, и состояния гуманитарного знания, с другой.

Образы «других» культур, стран, народов – тема, интересовавшая мыслителей и писателей во все времена. Постепенно восприятие и изучение образов «других» приобрело научный характер. Изучение образов «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для восприятия субъекта стало предметом изучения нового направления в науке – имагологии. Ряд исследователей рассматривают имагологию как раздел и метод культурологии,

изучающий представления народов друг о друге в рамках межкультурной коммуникации, устойчивые образы «другого», «чужого» (по отношению к воспринимающему сознанию) этноса, культуры, страны.

Образ «другого» в рамках имагологии рассматривается как сложившееся в конкретной социально-исторической среде обобщенное и эмоционально окрашенное представление, отличающееся определенной устойчивостью. Художественное произведение, несмотря на свою условность, живо и ярко воссоздает национальные характеры, ценностные установки, речевые особенности, межличностные отношения и стереотипы обыденного сознания, присущие той или иной социокультурной среде. В то же время, проведение имагологических исследований предполагает привлечение знаний и методологических подходов из смежных дисциплин – таких как история, этнопсихология, этнография, культурология и другие.

Принято считать, что основы имагологии были заложены в европейской компаративистике и определение как новое направление науки она получила в середине 50-х гг. XIX века. Французские ученые Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяр высказали идею, что стоит анализировать не только взаимовлияние литератур, но и то, как в тексте реализуется образ «другого»/«чужого». Вслед за ними румынский исследователь А. Дима призывал «с крайней тщательностью подходить к портрету той или иной страны в литературе». Д.-А. Пажо подчеркивал междисциплинарный характер исследований в имагологии. Х. Дизеринк в 1966 году конкретизировал основные понятия и задачи имагологии. Положения имагологии, сформулированные Х. Дизеринком, получили развитие в трудах современного ученого-компаративиста Й. Леерссена, который видит в имагологии прежде всего литературоведческую дисциплину, которая изучает этнотипы, под которыми он понимает стереотипные представления о национальном характере, а также взаимоотношения между теми образами, которые характеризуют «других» и теми, которые характеризуют собственную, национальную идентичность.

В России имагология как научная дисциплина получила развитие благодаря исследованиям инонациональных образов, а также анализу рецепции и репрезентации образа «другого». Обстоятельные исследования национальных стереотипов и образов представлены в трудах В.А. Хорева, В.Б. Земскова, Н.П. Михальской²⁰. Изучению образа «другого» в современном литературоведении посвящены работы Е.П. Гречаной, Е.А. Мустафиной, Л.Ф. Хабибуллиной, А.Р. Ощепкова и др.²¹.

Имагология – наука, отличающаяся, с одной стороны, междисциплинарным характером, и тем самым выделяющаяся в отдельную науку, а с другой, по мнению многих исследователей, как зарубежных, так и российских, она неотделима от сравнительного литературоведения как зародившаяся внутри нее.

Сравнительный метод формировался на протяжении XIX века как метод изучения мировой литературы, который должен «снять» национальные различия в идее всеобщности: логика развития мировой литературы виделась как продолжение логики всеобщей истории, и как выражение общечеловеческого.

Основатель сравнительного литературоведения в России А.Н. Веселовский определил предмет, методологию и понятийный ряд этого научного направления. Его исследования продолжили В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, Н.И. Конрад. Проблема «своего» и «чужого» интересовала А.Н. Веселовского в рамках его теории взаимовлияний и заимствований. Изучая и сопоставляя взаимовлияние сюжетов и мотивов в литературе, он приходит к выводу, что «влияние чужого

---

²⁰ См. об этом: Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995. 152 с.; Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. 231 с.; Его же. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М., 2012. 240 с.; Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры) / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/article> (дата обращения 12.05.2022).

²¹ См.: Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797-1825). М., 2002. 317 с.; Мустафина Е. А. Образ Европы в литературном сознании России и США в XIX веке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 36 с.; Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры) / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/article>; Хабибуллина Л.Ф. Миф о России в современной английской литературе. Казань, 2010. 206 с.; Ощепков А. Р. Образ России во французской литературе XIX в.: дисс. .... д-ра филол. наук. М., 2011. 410 с.

элемента всегда обуславливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать»²². А.Н. Веселовский говорит о способности национального, «своего», противостоять влиянию, не отвергнув «чужое», а усвоив его, претворив себе на пользу. «Свое» – основа национальной культуры, но все основательное тяготеет к замедлению, к потере динамики. «Чужое» способно обострить движение, взволновать воображение культуры»²³. «Заимствование» у А.Н. Веселовского всегда осложнено явлением трансформации: заимствованное попадает в сферу влияния, производимого восприятием «усвояющей среды»²⁴.

Теоретические положения имагологии в российской науке изложены в трудах многих исследователей. Прежде чем перейти к их анализу, целесообразно обратиться к определению в «Толковом словаре обществоведческих терминов», согласно которому имагология трактуется как «учение об образах» и одновременно как «составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении»²⁵. А.Р. Ощепков определяет имагологию как сферу исследований в разных гуманитарных дисциплинах, которая занимается изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи²⁶. По мнению, В.А. Хорева, имагология «изучает образ другого народа не только в литературе, но и в других “текстах”, но первостепенным ее предметом является всё же литература»²⁷. Н.П. Михальская подчеркивает, что имагология направлена на исследование восприятия и художественного воплощения в литературных произведениях представлений об иной стране, ее народе, особенностях

---

²² Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 61.

²³ См. об этом: Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи / Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. СПб., 2011. С. 42-43.

²⁴ Там же. С. 44.

²⁵ Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С. 1448.

²⁶ Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251.

²⁷ Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 7.

национального характера²⁸. Е.В. Папилова рассматривает имагологию как научную дисциплину, объектом изучения которой являются образы “других”, “чужих” наций, стран, культур – инородных по отношению к воспринимающему субъекту²⁹. В.Б. Земсков расширяет это определение, полагая, что имагология изучает «рецепцию и репрезентацию не только «мира других, но и своего собственного»³⁰. О. Ю. Поляков и О. А. Полякова также акцентируют внимание на важности представлений о «своем», национальном. По их мнению, имагология – это наука, «изучающая образы “своего” и “чужого”, их происхождение, содержание и историческую изменчивость»³¹.

Из этого следует, что исследование инонациональных образов вполне оправдано на фоне собственной системы мировосприятия и представлений о «своем», национальном. И одним из ключевых концептов имагологии выступает оппозиция «свой – чужой» (или «свой – другой»). Ю.С. Степанов характеризует эту оппозицию как фундаментальное «противопоставление, которое в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»³².

Оппозиция «свой-чужой» имеет древние корни и пронизывает различные аспекты жизни человека. Появление новых подходов к осмыслению её сущности позволяет говорить о сохраняющейся актуальности этой категории в современном мире и её востребованности в рамках культурологических исследований. Процесс интерпретации данной дихотомии развивался с позиции места человека в окружающем мире. Оппозиция строилась, прежде всего, на противопоставлении

---

²⁸ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995. С. 11.

²⁹ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31.

³⁰ Земсков В. Б. Теоретические аспекты: о рецепции и репрезентации «другой» культуры // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). М., 2011. С. 3.

³¹ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. С. 5.

³² Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 472.

«свой мир / люди своего мира – иной мир / существа иного мира / люди из своего мира, связанные с иным миром».

Во времена античности основной антиномией являлось противопоставление «грек / римлянин – варвар», ядром которого являлась базовая бинарная оппозиция «свой – чужой». Для греков принцип полярности был одним из ведущих в их способе восприятия и изображения мира, они пользовались аналитическим приёмом – мыслить «парами оппозиций», формулируя противоположности, которые, структурировали мир. Чужое, варварское первоначально констатировало только языковое различие между «своим» и «чужим», затем различия постепенно приобретали религиозные, политические и культурные смыслы³³.

В средневековье оппозиция «свой – чужой» представляла собой социальное, религиозное и культурное противопоставление между членами сообществ и обозначала такие формы взаимоотношений «своего» и «чужого», как: активное противостояние; уничтожение (вплоть до физического) одного другим; стремление «своего» к мировому распространению³⁴.

В эпоху Просвещения произошли кардинальные изменения в понимании того, кто есть «свой», а кто «чужой». После великих географических открытий европейцы получили возможность через рассказы путешественников расширить собственное мировоззрение и глубже понять как «чужую», так и «свою» культуру. Вытеснение божественного из сфер жизни человека, позволило выделить собственное «Я» и определить иное / другое / чужое / чуждое и т. д.³⁵

В XX в. оппозиция «свой – чужой» переосмысливается как отношение «Я» к «Другому», или к «Другим», что выражается как в противоборстве разных этносов, так и в проблеме социального отчуждения. М.М. Бахтин подверг анализу категорию «Другого» и обосновал её значимость для самопознания личности: «Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет

---

³³ См. об этом: Хазина А. В. Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии [Электронный ресурс] // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 271– 285. URL: <https://goii.ru/r/1/39.17> (дата обращения: 15.10.2024).

³⁴ См. об этом: Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2015. 152 с.

³⁵ Там же.

внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в *глаза другому* или *глазами другого*»³⁶. Он отмечает, что «чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим перед чужой культурой новые для неё вопросы, каких она сама себе не задавала; мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого; при такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются»³⁷.

Ю.М. Лотман, описывая семиотическую модель оппозиции «свой – чужой», замечает, что бинарность является обязательным принципом построения семиотической системы. «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («своё») пространство и внешнее («их») <...> само такое разбиение принадлежит к универсалиям»³⁸. Понятие границы, по мнению Лотмана, является одним из основных механизмов семиотической индивидуальности. «Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер»³⁹.

Имагологические исследования Г.Д. Гачева из цикла «Национальные образы мира»⁴⁰ представляют собой, с одной стороны, научные трактаты, с другой, их можно рассматривать как художественные произведения. Обновление

---

³⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 330.

³⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 354.

³⁸ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М., 1988. 445 с.; Его же. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002. 784 с.

гуманитарного образования он видел в достижении понимания национальных особенностей народов, их культур, психики, ментальности. «Всякий народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечества («он умеет то, чего не умеет в такой степени и в таком качестве другой, и именно в своей непохожести дорог и должен быть любим соседом, ибо восполняет его односторонность»)).⁴¹ Стремление ученого сблизить гуманитарные науки с естествознанием вылилось в теорию национальной целостности «Космо-Психо-Логоса» о единстве местной природы, характера народа и склада мышления.

Исследования Михальской, Земскова, Лукова были посвящены, в основном, изучению образа России в литературе Запада (Польша, Англия, Франция), и в этом случае речь идет об изучении *метаобраза*. Изучение метаобраза является одним из перспективных направлений имагологии, задачей которой выступает изучение представлений нации о том, как она воспринимается другими. «Когда Мы представляем себе, что Другие думают о нас, и когда Другие размышляют о том, что Мы думаем о них»⁴².

Хотя в российском литературоведении больше внимания уделяется изучению метаобраза, в нем присутствуют и исследования репрезентации образов «других», инонациональных образов. Например, в своем исследовании Е.В. Папилова⁴³ изучает образы немцев в русской литературе XIX века на примере русского фольклора, а также произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и др. В.А. Хорев в своей монографии «Польша и поляки глазами русских литераторов»⁴⁴ сопоставляет в русле имагологического видения фольклор, литературу, философию. О. Лебедева и А. Янушкевич в своей работе

---

⁴¹ Бахтикиреева У.М. Упуская время, жил счастливо... Памяти Георгия Дмитриевича Гачева [Электронный ресурс] / У.М. Бахтикиреева // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 2008. – 4 апреля. – Режим доступа: <https://daz.asia/ru/upuskaya-vremya-zhil-chastlivo/> (дата обращения 10.08.2022).

⁴² Leerssen J. Imagology: on using ethnicity to make sense of the world. Op. Cit. P. 24.

⁴³ Папилова Е.В. Немцы глазами русских в художественной словесности XIX в. М., 2014. 136 с.

⁴⁴ Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов: имаголог. очерки. М., 2005. 231 с.

«Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков»⁴⁵ изучают структуру имагологического образа города Неаполя и его жителей. Авторы неоднократно останавливаются на описании местных нравов у Ф.П. Лубянского, В.Б. Броневского, Н.С. Всеволожского, Н.И. Греча, М.П. Погодина, А.М. Зилова, В.Ф. Одоевского. Воплощением местных нравов становится образ беззаботного неаполитанца, праздного, ленивого, бедного, но неизменно жизнерадостного. Не менее важной является мифопоэтика: природные объекты и памятники Античности.

В контексте изучения образов «других» в литературоведческой имагологии исследователями используются термины «образ нации», «национальный образ», «инонациональный образ», «имагологический образ». Разнообразие определений одного и того же объекта исследования обусловлено различием подходов и теоретических позиций, с которых осуществляется анализ образов «других». Понятие «инонациональный образ» основывается на трактовке национального образа. Наиболее чёткое определение традиционного понятия «национальный образ» было дано в диссертационном исследовании И.В. Борисенко⁴⁶, автор которого опирается на работы Г.Д. Гачева и его концепцию «Космо-Психологоса», связанную с формированием «национальных образов мира».

Однако следует отметить, что «национальный образ» (или образ нации) в рамках имагологии и «национальный образ мира» у Г.Д. Гачева – это разные, хотя и родственные понятия. Под «национальным образом мира» понимается своеобразная картина мира, формируемая нацией в процессе самоопределения и самосознания, в единстве трех аспектов «местной природы (космос), национального характера (психея) и склада мышления (логос)»⁴⁷. «Национальный образ», или образ нации, представляет собой целостное, общепринятое среди представителей нации и центральное для её культуры представление о себе как о

---

⁴⁵ Лебедева О.Б. *Europa orientalis. Образы Неаполя в русской словесности XVIII - первой половины XIX веков* / О.Лебедева, А. Янушкевич. – Салерно, 2014. – 436 с.

⁴⁶ Борисенко И.В. *Национальный образ России: философско-культурологический анализ: дис... канд. филос. наук: 09.00.13.* Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 136 с.

⁴⁷ Гачев Г.Д. *Космо-Психологос. Национальные образы мира.* М.: Академический проект, 2007. С. 4.

самостоятельном и уникальном сообществе. Образ нации опирается на базовые ценности культуры, формируется ими и, в свою очередь, способствует их воспроизводству.

В имагологии понятие «имагологический образ» обозначает образ нации как ментально-культурное образование, тогда как «художественный национальный образ» представляет собой эстетическое явление.

Следуя определению «художественного образа», данному М.Н. Эпштейном в «Литературоведческом энциклопедическом словаре», «художественный образ нации» можно охарактеризовать как особое присущее только искусству целостное, чувственное образование, преобразующее, пересоздающее (с позиции автора, жанра, традиции) разнообразные проявления «национального» в реальной политической, социальной, экономической, бытовой и тому подобной деятельности⁴⁸.

Художественные инонациональные образы в целом основаны на отражении национально-ценностного, цивилизационно-культурного и социально-ментального компонентов образа «другой» нации.

С точки зрения диалогических отношений между личностью и культурой, человеком и традицией, а также между различными культурами, национальный и инонациональный образ в художественной литературе выступает как способ и результат межкультурного взаимодействия между «своим» (авторским) и «чужим» (представлением о другой культуре или нации). При этом эти образы чётко демонстрируют общие закономерности межкультурного диалога и сами становятся фактором, влияющим на его развитие⁴⁹.

Образ (нации, национальный, инонациональный) – идеальная, целостная, чувственно воспринимаемая конструкция, создаваемая обществом, объединенным

---

⁴⁸ Эпштейн М.Н. Образ художественный // ЛЭС. С. 252–257.

⁴⁹ Королева С.Б. Миф о России в британской литературе (1790–е – 1920-е годы): дисс. ... докт. филол. наук.

Нижний Новгород, 2014. С. 31.

единством культуры, языка и территории, о себе (других), своих (иных) типичных чертах, национальном характере, своей (другой) стране⁵⁰.

Имагологический образ в литературе является индивидуальным, поскольку создается конкретным автором, однако он обязательно соотносится с общим, традиционным представлением о нации, актуальным для данного исторического момента. Имагологический образ принадлежит, в первую очередь, тексту, а уже затем – автору, культуре и истории. Художественный имагологический образ – как любой художественный образ, подобно любому художественному образу, обладает многомерностью, многозначностью, многоаспектностью и целостностью. Вместе с тем, он конечен по своей природе, поскольку не включает в себя всю совокупность культурной памяти и не претендует на исчерпывающее отражение национального образа.

Инонациональный образ может рассматриваться как сложное знаковое выражение представлений нации о своем-чужом. Ядром инонационального образа выступает оппозиция «свое–чужое» и архетипическое дообразное ощущение «своего». Инонациональные образы в культуре принципиально вариативны и изменчивы, поскольку базируются на национальной идее – политически обусловленной системе обобщенных идеалов и ценностей, характеризующих «миссию» нации по отношению к «другому» миру. Художественный образ национального «чужого» есть важнейшее воплощение целостного представления об инонациональном, существующего как бы над отдельными образами и, одновременно, пронизывающего их. Художественный образ инонационального, иными словами, является особым, авторским и жанрово обусловленным эстетическим образованием.

Художественная литература фиксирует и сохраняет национальные и инонациональные образы. О.В. Томберг считает, что «моделирующая сила образов заключается в том, что они являются своего рода «топосами», общими

---

⁵⁰ См. об этом: Борисенко И.В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 136 с.

местами в коммуникативном поле культуры за счет повторов и аналогов».⁵¹ Национальные образы в имагологии являются, с одной стороны, проекцией «обывательских представлений и слухов»⁵², с другой, фактами эмпирического наблюдения и объективной реальности.

В имагологии подчеркивается неразрывная взаимосвязь между понятиями образа и стереотипа. Стереотип выражается в стандартизированном образе и представлении о социальном явлении, обладающем устойчивыми положительными либо отрицательными ценностными характеристиками. Образ же может являться как результатом, так и основой создания стереотипов. В первом случае, образ возникает на основе стереотипных представлений о других культурах и их носителях, во-втором, образы способствуют формированию данных представлений в случаях, когда отсутствуют знания о «другом». Тогда и образ, и стереотип могут изучаться в одной исследовательской перспективе, транслирующей социально значимые ценностные смыслы о своей (автообразы и автостереотипы) и другой (гетерообразы и гетеростереотипы) культурах.

В связи с вышесказанным следует отметить, что имагология способствует многонациональному разнообразию литературы и исходит из того, что понятие «национальность» представляет собой субъективную картину мира, а не объективный фон. Категория национальной идентичности создается литературой, а не наоборот.

Анализ образов «своих» (автообразов) и «чужих» (гетерообразов) часто осуществляется через понятие этностереотипа как устойчивого ценностного суждения о представителях своей и других культур. Об этом же пишут в своих работах Н.П. Михальская, Е.В. Папилова, О.Ю. Поляков и О.А. Полякова.⁵³ Образ «своего» связан с самоидентификацией, с отношением себя к тому или иному

---

⁵¹Томберг О.В. Имагология как научное направление: аспекты изучения образа //Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты. Екатеринбург, 2019. С. 12.

⁵²Там же.

⁵³ Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара, 2012. 222 с.; Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология. Теоретико-методологические основы. Киров, 2013. 162 с.; Папилова Е.В. Художественная имагология: немцы глазами русских: на материале литературы XIX в.: дис.... канд. филол. наук. М., 2013. 198 с.

«воображаемому сообществу» – будь то нация или религия. «Другое» же существует, чтобы своей «инаковостью» подчеркнуть сходство внутри «своей» группы. При этом отношение к «другому» может быть разным. И здесь нужно отметить различные подходы к восприятию «другого»: «другой» как «еще один» – «иной», и «другой» как «чужой». «Чужое» вызывает страх и неприятие, отношение к нему предполагает стремление к доминированию и борьбу за господство, в то время как «другое» – «иное» скорее вызывает интерес, хотя идентифицироваться с ним все равно невозможно. «Чужой» находится вне круга интересов сообщества, а «Другой» может обладать «определенными качествами или знаниями ... что делает его культурно «Иным», социально «Чужим» или маргинальным». ⁵⁴

Таким образом, имагология основывается на общих положениях, которые можно сформулировать как представление об инонациональном образе, образе другой нации, складывающемся на фоне представлений о «своем», национальном, и, следовательно, о «своих» нормах и ценностях.

Первые описания образов «других» были даны еще Геродотом, а русские летописи сообщали о половцах (кипчаках), хазарах, гуннах. В Галицко-Волынской летописи широко известное по поэтическому переложению А. Майкова предание «Емшан» является самым ярким фактом плодотворного обогащения русского эпического сознания образом «другого», воспринятым не как «чужое», а уже как «свое».

Образ Кавказа в русской литературе зависел от движения эстетической мысли в XIX в. Вначале далекий экзотический край, ставший узлом противоречий эпохи, воспринимался как романтический символ «вольности святой». Становление реализма с его глубочайшим анализом социальных отношений и «диалектикой души» повлекло за собой страстный протест против собирательно-обобщенного наименования всех горских народов «черкесами», дифференциацию многочисленных народностей, пристальное внимание к жизни и быту каждого из

---

⁵⁴ Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого»// Диалог со временем. 2012. вып. 39. С.17.

них, их обычаям и обрядам, проникновению в глубины души «другого». И наиболее реалистичной в имагологическом плане справедливо считают опубликованную в 1912 г. повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Но наряду с эстетическими предпосылками на эволюцию рассматриваемой темы воздействовало упрочение хозяйственно-экономических и культурных связей, что позволило писателям представить Кавказ более многогранно и объемно.

Богатый и многовековой опыт русской литературы, открывавшей все новые этнографические пространства, убеждает в её непосредственном художественном освоении. Действительно, ничто не может заменить непосредственного изучения писателем жизни и быта другого народа и художественного воплощения познанного в оригинальных художественных образах.

Предметом исследования литературоведческой имагологии выступает «инонациональный образ». В этом определении особое внимание уделяется рецепции – восприятию и художественному освоению типа человеческого поведения (поступков, мыслей, переживаний, речевых особенностей), обусловленного иной национальной принадлежностью. Инонациональный образ существует исключительно как художественная реальность, созданная другой национальной литературой. Он не сводится к «зеркальному» отражению реальных черт представителей той или иной нации, а несет в себе авторскую оценку «другого», выражая нравственно-эстетическую концепцию человека.

Ведущую роль в формировании такого образа играют не литературные влияния, а непосредственное изучение «другой» действительности и приобщение писателя к духовной культуре другого народа в самом широком смысле этого слова. Поэтому важнейшим критерием при оценке инонационального образа, созданного писателем, является исторически точное понимание национальных особенностей бытия и сознания «другого», а также отражение в его образе духовно-нравственного опыта того народа, с которым автор соотносит свою жизненную позицию.

1.3. Инонациональное этнографическое направление первой трети XIX века

XIX столетие в развитии русской литературы характеризуется процессом усиленного внимания к народной культуре и к народной старине. Исследователь В.Ф. Соколова связывает это с тенденциями «мировых процессов, которые проходили в странах Западной Европы <.....> начиная со второй половины XVIII века, наблюдается изменение отношения к эстетике классицизма, что в конце столетия привело к перелому в общественном мировоззрении. Менялось и отношение к народной культуре. Значение народной культуры в жизни народов, в том числе и русского, стало рассматриваться в мировом масштабе».⁵⁵ Проявляющиеся в концепциях зарубежных мыслителей гуманистические устремления, связанные с идеями Просвещения, вера в природную доброту и нравственную чистоту простого человека, признание высоких достоинств народного творчества нашли глубокий отклик в прогрессивных кругах русского общества.

В России пробуждается оживленный интерес не только к фольклору и мифологии, но и к национальной старине. Появляются первые этнографические описания Г. Глинки и А. Кайсарова. А. Востоков занимается сбором памятников народного творчества. Достижения в области историко-этнографических изучений народа оказывали серьезное воздействие на прогрессивную часть русской интеллигенции, побуждая ее к изучению народной старины. Историко-национальная тематика и местный колорит становятся отличительной особенностью русской литературы уже первых десятилетий XIX века. Поэмы А. Востокова «Светлана и Мстислав» (1802), «Повислад и Зора» (1802), Г. Каменева «Громвал» (1811), художественные произведения «Славянские вечера» В.Т. Нарезного (1809), «Предслава и Добрыня» К.Н. Батюшкова и др., отражающие далекое прошлое русского народа, своеобразие быта, нравов и обычаев Древней

---

⁵⁵ Соколова В.Ф. Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017, Том 7. № 1А. С. 262.

Руси, были написаны по малоизученным древним летописям, историко-этнографическим и археологическим исследованиям.

В 1830-1840-х годах появляются первые труды по этнографическому изучению русского народа: собрание песен, пословиц, преданий, описания нравов и обычаев старины, народного искусства. Множество песенного и иного этнографического материала появляется в журналах. В эту пору этнографические изыскания, как отмечал А.Н. Пыпин, «исходят уже из сознательного намерения изучить в содержании народной жизни и преданиях старины истинный характер народа в его подлинных выражениях».⁵⁶ Исследователь отмечал, что задачи повествовательной литературы становились глубже и серьезнее. Она стремилась познакомиться с внутренним миром крестьянства, его умственными и нравственными нуждами. Труд художественного творчества «усложнился и затруднился до чрезвычайности, народная жизнь была его предметом, в художественную ткань произведений проникала этнография и публицистика».⁵⁷

В эти годы П.В. Киреевский привлекает к изучению и собиранию фольклора выдающихся современников, среди них А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Результатом становится опубликованный сборник песен, былин и духовных стихов. В журнале «Москвитянин», редактором которого был М.П. Погодин, публиковались результаты собирательской деятельности многих исследователей народного творчества: песни, сказки, описания обрядов, статьи о фольклоре и народном быте. «Интерес к устному народному творчеству писателей обусловил использование ими этнографических и фольклорных материалов в своем литературном творчестве разных жанров на основе переосмысления в качестве

---

⁵⁶ Пыпин А.Н. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская / История русской этнографии. СПб., 1890-1892. Т. 2. С. 363

⁵⁷ Пыпин А.Н. Этнография – История – Россия / История русской этнографии. СПб., 1890-1892. Т. 1. С. 418

источников сюжетов».⁵⁸ Ф. Нелидов отмечал, что «беллетристы «Москвитянина» были беллетристами-бытописателями и беллетристами-этнографами».⁵⁹

В 30-е годы, стремясь к реализму вслед за Н.В. Гоголем и отвечая эстетической программе В.Г. Белинского, прогрессивная литература обратилась к бытописанию, сближаясь с жизнью народа, с повседневной действительностью. Гоголь одним из первых понял значение этнографических реалий в литературно-художественном творчестве. Продолжая лучшие традиции литературы XVIII столетия – творчества М.Д. Чулкова, Э.А. Эмина, А.С. Аблесимова, – и усвоив художественные принципы Пушкина, Гоголь стал первым среди русских писателей, кто глубоко исследовал народную жизнь. Опираясь на фольклорно-этнографический материал, он создал яркие картины национального быта и жизни своего народа.

Особый вклад в изучение этнографических тенденций в русском литературном процессе внес профессор А.Л. Фокеев. В своей диссертации⁶⁰ он рассматривает истоки, типологию, а также общие закономерности развития этнографического направления и его представителей, выявляет особый тип писателей-этнографов, беллетристов-бытописателей, обосновывает научно-теоретические предпосылки, выявляет основные черты, признаки и жанрово-стилевое своеобразие этнографической прозы.

Проблему художественного этнографизма, выделяя роль народнических изысканий в развитии русского социально-психологического романа и в очерковой литературе 1850-х гг, рассматривает в монографии «Народознание и русская литература XIX века» (2009 г.) В.Ф. Соколова.⁶¹ Исследователь дает определение терминов «художественное народознание» и «художественный этнографизм». Художественное народознание основывается, по мнению ученого, на ментальности того или иного народа, и «на специфике его духовной и

---

⁵⁸ Фокеев. А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века ... 516 с.

⁵⁹ Нелидов Ф.А. А.Н. Островский в кружке «молодого Москвитянина» // Русская мысль. 1901. №3. С. 18.

⁶⁰ Фокеев. А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе ... 516 с.

⁶¹ Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIX века. Могилев, 2004. 368 с.

материальной культуры»⁶², художественный этнографизм определяется как неосъемлемая часть народознания, воссоздающая художественно-изобразительными средствами народный быт, фольклор и мифологию.

Появление этнографического направления, по мнению академика А.Н. Пыпина, носило закономерный характер и определялось общественно-историческими условиями жизни России второй половины XIX века. Но, как считает А.Л. Фокеев, этнографические тенденции можно заметить значительно раньше, еще в жанрах и стилях древнерусской литературы. Эта тенденция просматривается и в литературе XVIII века, и в романтической прозе начала XIX века. Но окончательное формирование этнографического направления связывают с именем В.И. Даля. Вся деятельность этого выдающегося ученого-этнографа, лингвиста и литератора состояла в постижении и изучении народного быта и жизни, народного языка. Он не только сам побывал во многих отдаленных местах Российской империи, но также привлекал к исследованию жизни народа видных писателей, фольклористов и общественных деятелей.

Даль был одним из организаторов Русского географического общества, и создание Общества ознаменовало собой, по мнению современного этнографа А.С. Токарева, «наступление новой эпохи в развитии этнографической науки»⁶³. Л.С. Берг утверждает, что сам Даль составил «докладную записку» о создании Общества, в которой подчеркивалось особая важность этнографического изучения России и народов, ее населяющих⁶⁴. К изучению России, быта и нравов ее народов были привлечены такие писатели и ученые-историки, как: ученик и последователь Даля П.И. Мельников-Печерский, С.В. Максимов, Г.П. Данилевский, А.А. Потехин, А.Ф. Писемский, М. Михайлов, И. Железнов. Все они в своем творчестве ориентировались на опыт В.И. Даля.

---

⁶² Соколова В.Ф. Перевозчикова Н. Г. Художественное народознание и его роль в русской литературе XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-narodoznanie-i-ego-rol-v-russkoy-literature-xix-veka> (дата обращения: 23.04.2022).

⁶³ Токарев А. С. История русской этнографии. М, 1966. С.214.

⁶⁴ Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет: 1845-1945. М.-Л., 1946. С. 33.

Интерес к национальной старине проявлялся не только в археологических разысканиях, но и в художественном освещении жизни народа в жанрах очерка, рассказа, повести и романа. Даль призывал к изучению жизни простого народа, выступал за демократизацию русской литературы. Для Даля современность и историческое прошлое, которое писатели стремились постичь через изучение народной культуры, были нераздельны. Это определяло отношение писателя к современной русской литературе. Она, по его мнению, должна быть одновременно и народной, и общечеловеческой. Позднее, в 1854 году П. В. Анненков напишет о «школе Даля», представителей которой объединяло прекрасное знание жизни демократических слоев русского общества и устной народной поэзии, пристальное внимание к мировоззренческим взглядам народной среды, фактографизм творчества и тяготение к описательной манере изложения материала⁶⁵. Он имел в виду творчество П.И. Мельникова-Печерского («Красильниковы», романы «В лесах» и «На горах»), А. А. Потехина («Крестьянка», «Около денег»), А. Ф. Писемского («Питерщик», «Леший») и др.

В.Г. Белинский, выступая от лица русской критики, обозначает новые творческие перспективы для русского литературного процесса, подчеркивая важность освоения полиэтнического многообразия России. В статьях тридцатых годов критик отмечает значимость обращения к инациональным явлениям российского мира, когда в описание попадают не только историко-географические особенности, но и культурно-этнические – нравы, обычаи, и народное творчество, отмечается важность описания народа, его национального «лица».

В этом аспекте следует выделить заметку В.Г. Белинского «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте И. Нефедьевым»(1835)⁶⁶, где критик отмечает важность издания, дающего характеристику народа, его национального «лица». Во вступительной статье к «Физиологии Петербурга» В.Г.

---

⁶⁵ Анненков П. В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб., 1879. 283 с.

⁶⁶ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829-1835 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 148-149.

Белинский также в духе принципов «натуральной школы» призывает писателей к новой творческой задаче: «освоению» литературой богатого и неповторимого жизненного разнообразия, этих природных и культурно-этнических миров, объединенных общим названием «Россия». Критик отмечает историко-географическое и национально-культурное многообразие российской жизни, которое дает необыкновенный материал для художественного изображения, объединяющий в себе синтез в огромном российском мире «чисто русского элемента» с инонациональным, нерусским «множеством других элементов».⁶⁷ Критик утверждал, что для правдивого изображения жизни нерусских народов необходимо уважительно подходить к их национальному укладу и видеть, прежде всего, человека описываемой страны: «... если вы въезжаете в чужую землю с целью изучить ее нравы и обычаи, вы должны забыть на время, что вы гражданин своей земли <...> Иначе обычаи этой чуждой вам страны будете вы оценивать на курс обычаев вашего отечества и, естественно, найдете в ней хорошим только то, что сходно с обычаями вашего отечества, а все противоположное или не похожее на них, безусловно, признаете дурным».⁶⁸

Огромная, неоднородная по этническому составу Россия, жизнь ее народов, их исторические судьбы стали предметом глубоких размышлений и объектом пристального внимания ученого-этнографа, фольклориста-собиравателя, историка-исследователя и писателя-реалиста. Загадочное, таинственное многообразие этнографических красок России находило отражение на страницах произведений русских писателей, во многом определяя характер их творчества.

В произведениях русских писателей находили отражение инонациональные явления, религиозные верования, обряды и обычаи, этнопсихологические типы. Следуя общим историко-культурным тенденциям своей эпохи, русская литература вводила в свое эстетическое пространство инонациональные миры.

---

⁶⁷ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под ред. Н. Некрасова. Санкт-Петербург. 1845 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 377.

⁶⁸ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843-1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 307.

Русские писатели проявляли внимание к многочисленным народностям, культура и быт которых составляли духовное пространство России. В творчестве А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого нашли отражение горская тема, образы горцев и Кавказ. Русская литература обращалась и к другим регионам России – Крым, Малороссия, Север, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток стали предметом пристального внимания беллетристов тех лет. Культурная и общественно-научная установка XIX столетия заключалась в изучении в различных направлениях – историческом, географическом, экономическом, этнографическом, художественно-публицистическом – многонациональной России, и осознание ее как единого государства-империи, населенной разными народами.

Один из теоретиков гуманитарной географии Д. Н. Замятин, размышляя о роли литературы путешествий в формировании географических образов, заметил: «Русская литература уже по своему происхождению, *ad hoc*, принадлежит путешествиям; роль путешествий в формировании русской литературы переоценить невозможно. Во многом посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознавала и осмысляла свои огромные и слабо освоенные пространства. Можно сказать, что русская литература развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам».⁶⁹ Данный вывод может быть применен и к процессу литературного осмысления национальных окраин, включения их как «своей» территории в коммуникативное пространство русских интеллектуалов. Путевые очерки и заметки, мемуары и отчеты о путешествиях в восточные и южные окраины расширяли представления жителей «внутренней России» о чужой и малоизвестной территории, населенной «другими/чужими» народами, формировали узнаваемые образы территорий и населения «азиатских владений» Российской империи, вписывали «новые земли» в ментальные карты образованных россиян.

---

⁶⁹ Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 12–41.

Научно-литературные журналы публиковали на своих страницах «литературу путешествий», осуществляли финансовую поддержку известных писателей, отправлявшихся на окраины России «за новыми темами и впечатлениями», информировали читающую публику о результатах таких «литературных экспедиций».

В вопросе изучения инонационального этнографического направления особая заслуга принадлежит Людмиле Николаевне Сарбаш. В своей диссертации⁷⁰ она рассматривает инонациональное в художественно-публицистических текстах XIX века в произведениях писателей: В.И. Даля, А.А. Фукс, В. Сбоева, С.В. Максимова, Н.Д. Телешова, П.И. Мельникова-Печерского, С.Т. Аксакова, и др. «Русская литература в русле общей историко-культурной тенденции эпохи вводила в свое эстетическое пространство инонациональные миры. Иной образ жизни, иные религиозные верования, иные обряды и обычаи вызывали интерес у писателей, особенно у писателей-этнографов».⁷¹ В ходе своего исследования Л.Н. Сарбаш приходит к выводу, что «репрезентация инонациональных образов предстает в нескольких доминантах: инопоэтическое – как религиозно-мифологическая этнография; как типическая характерология времени – социально-общественная этнография; как универсальная константа – духовный, ценностный опыт народа»⁷².

Описание жизненного уклада, специфики религиозно-мифологических представлений обнаруживает себя в этнокультурных зарисовках и сочинениях с инонациональной тематикой. Писатели создают «иную» картину жизни, обращаясь к национальным архетипам, фольклору, которые раскрывают культурно-историческое своеобразие многочисленных народностей России. Это способствует межкультурному диалогу, расширяет духовно-нравственные и художественно-эстетические представления о мире, помогает принять другие национально-культурные традиции и понять взаимосвязь, взаимовлияние и

---

⁷⁰ Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века ...516 с.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

неразрывность различных этносов, населяющих Россию. Рецепция русской литературой инонациональной российской действительности, творческое воплощение одной национальной модели через призму другой духовно-нравственной системы координат является особо значимой в литературном процессе первой половины XIX века. Целостная историко-культурная концепция воплощения инонационального образа, передающая этническую специфику через описание быта, уклада жизни, обычаев и обрядов, религиозных, нравственно-этических и духовно-эстетических воззрений, а также особенности национального характера, составляют основную задачу инонационального этнографического направления. Она проявляется в новом смысловом и поэтическом содержании, которое выражается в открытости к восприятию другой национально-культурной традиции.

В инонациональном этнографическом направлении наблюдается «творческая трансформация и эволюция, различные уровни проявления этнографизма: от художественной констатации инонациональных явлений до их конкретного культурно-этнического и религиозного воплощения: в национальном костюме, обычаях и обрядах, народном сознании – религиозно мифологических верованиях – и появлении этнического героя как в типологическом, так и индивидуализированном художественном образе»⁷³. В создании инонационального образа используются произведения устного народного творчества. Инонациональный фольклор способствует передаче своеобразия инонационального: легенды и сказания, исторические и топонимические предания, тексты былин и обрядовых песен. Фольклорный материал формирует поэтическую природу произведений, являясь его художественно-эстетическим свойством, определяя жанровую специфику, основанную на синтезе мифологии и объективно-документального описания.

Инонациональное этнографическое направление русской литературы на протяжении всего XIX века становится заметным и важным явлением в историко-литературном процессе, где инонациональное предстает в органическом

---

⁷³ Сарбаш Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века ...516 с.

соединении документально-этнографического и художественно-эстетического осмысления.

Традиции инационального этнографического направления XIX века в современной русской литературе получили развитие в исследованиях Э.Ф. Шафранской⁷⁴. Социокультурная ситуация конца XX – начала XXI века, обусловленная изменениями в социально-политической и историко-культурной сферах жизни, позволила ей вывести изучение современной русской литературы на новый уровень. Шафранская выделяет новое теоретико-практическое направление в исследовании этнохудожественной литературы, предлагая аналитическую оценку большого количества иноэтнокультурных произведений. Эти произведения формируют принципиально новую художественную концепцию восприятия историко-общественных событий.

В произведениях «бикультурных/полидомных/транслитературных авторов отражаются сложнейшие в своем противоречии процессы эпохального этнокультурного развития, в которые по воле истории и Личностей были втянуты все народы, населяющие в разные периоды Российскую империю, а затем и Советское государство»⁷⁵. Этнокультурный феномен творчества писателей, на инациональном материале повествующих на русском языке об иной этнической реальности, говорит о новом явлении в современной русской литературе. Этническое мифопространство определяется в концепции Шафранской как главное условие «внутреннего ядра» героев произведений А. Чудакова, Н. Громовой, Д. Рубиной, Л. Бау, М. Шишкина, С. Янышева., Г. Яхиной. Анализ иноэтнокультурной проблематики, представленный в исследовании (еврейский текст, таджикский текст, татарский текст и т.д.), вписаны в синхронию и диахронию русского литературного дискурса рубежа XX–XXI веков. В произведениях Ю. Карабчиевского, А. Мелихова, А. Карива, В. Медведева, Г.

---

⁷⁴ Э.Ф. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика инокультурного текста в русской прозе: дисс. ... д-ра филол. наук. М, 2008, 482 с.

⁷⁵ Гарипова Г. (2020). Этнософия Другого как проблема современной русской литературы в научно-образовательной парадигме постколониального мира (Э.Ф. Шафранская, Современная русская литература: иноэтнокультурная проблематика, Издательство Юрайт, Москва 2020). *Iudaica Russica*, (2(5)), 137-145. <https://doi.org/10.31261/IR.2021.05.09>.

Яхиной, А. Волоса, А. Ганиевой, Т. Пулатова, С. Афлотуни и других развернут мифопоэтический анализ этнических мифов, соотнесенных с построением нового типа этногероя, порожденного реалиями современной истории. При анализе иноэтнокультурного текста в русской прозе Шафранская делает акцент на фольклоризм и мифологизм прозы как главные категории мифопоэтики.

Таким образом, инонациональное в русской литературе на протяжении XIX-XX-XXI вв. неизменно привлекает внимание писателей и остается актуальным в разные эпохи. Иноэтнокультурный дискурс в произведениях русских писателей характеризуется репрезентацией национальной нерусской духовной культуры, передаваемой через фольклор и мифологию, через описание обычаев, нравов, традиций, поскольку всё это составляющие общей картины мира любого этноса.

Выводы по главе 1

Таким образом, первая половина XIX века стала важным периодом в развитии русской литературы, когда внимание к народной культуре, фольклору и этнографическим исследованиям приобрело особую значимость. Этот процесс был обусловлен как мировыми тенденциями (идеями эпохи Просвещения и интересом к народной культуре в странах Западной Европы), так и внутренними изменениями в общественно-политической жизни России. В то же время разнообразный этнический и конфессиональный состав национальных окраин России стимулировал развитие науки об этносах, способствовал изучению культуры и быта народов, их населяющих.

Безусловно, национальные окраины государства представляют, прежде всего, интерес для исторической науки, и за последнее десятилетие появился ряд исследований, посвященных политике управления окраинами, проблемам взаимодействия и взаимоотношениям центра и окраин России, этнических групп в составе единого государства и в единой политической системе.

Эти проблемы стали предметом исследования в трудах А.В. Головнева, А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой, ставились они и в коллективном сборнике научных трудов «Сибирь в контексте русской модели колонизации XVII – начало XX в.».

В XIX веке интерес к научно-художественному изучению и описанию окраин Российского государства проявили наряду с учеными-историками и писатели-беллетристы. Этому способствовала, в первую очередь, деятельность Русского географического общества, созданного в 1845 году. Известные писатели А.Ф. Писемский, А.Н. Островский, С.В. Максимов и другие участники «Литературной экспедиции» 1855 года свои наблюдения запечатлели в этнографических очерках. В них они стремились к правдивому отображению жизни инонационального этноса, сочетая элементы художественного описания и научного исследования, внося вклад в переосмысление официальных подходов к народности.

Не только писатели-этнографы, но и литераторы первого ряда проявили интерес к осмыслению национальных окраин. Важность окраинного вопроса в творчестве Ф.М. Достоевского отражает глубокий интерес русской литературы к осмыслению сложных исторических, культурных и политических процессов, происходивших в Российской империи.

Изучению инонациональных образов и явлений в литературе способствует имагология, научное направление, предметом которой является выявление способов репрезентации образов «других», «чужих» в художественных произведениях. Развитие этого направления обусловлено современными общественно-историческими условиями и признается перспективным при анализе инонациональных образов. Оппозиция «свой-чужой» представляется ключевой в литературоведческой имагологии, и изучение инонационального образа в контексте этой оппозиции является сложным знаковым выражением культурной идентичности, отражающей восприятие «другого» сквозь призму национальных, исторических и социальных стереотипов. Имагологические исследования основаны на междисциплинарном подходе и используют методы истории, этнопсихологии, этнографии и культурологии. Образ «другого» предстает как

сложившееся в конкретной социально-исторической среде обобщенное представление, имеющее эмоциональную окраску и устойчивость.

Репрезентация инонациональных образов и явлений в русской литературе первой трети XIX века обусловлена в большей степени развитием этнографического направления, формирование которого связано с деятельностью В.И. Даля. Даль, как ученый и писатель, особо обращал внимание на народный быт, язык и культуру. Его путевые заметки, очерки, рассказы знакомили читателей с образом жизни, обычаями, нравами и традициями этносов национальных окраин России.

Стремление осмыслить культурное многообразие национальных окраин посредством описания быта, обрядов, традиций, фольклора и мифологии в творчестве писателей явилось показателем особой специфики русского литературного процесса 1830-х гг., поскольку духовная культура инонационального этноса представляла органичную часть единого культурного пространства Российской империи. Эти процессы способствовали созданию целостной картины многонациональной России, объединяющей различные этносы через осмысление её духовно-нравственных ценностей. Полиэтничность и многонациональность России стали ключевыми темами, которые писатели стремились осмыслить через репрезентацию инонациональных образов и явлений. Инонациональное в русской литературе, начиная с XIX века, отражает богатство и разнообразие духовной и культурной жизни народов России, формируя целостную картину мира через фольклор, мифологию, обычаи и традиции.

Глава 2

Инонациональный этнос в этнографической прозе 1830-х годов

2.1. Этнографическая проза: художественное своеобразие

Появление в русской литературе второй половины XIX в. нового и актуального для того времени явления, получившего уже в ту пору в журнальной критике, а позднее и в литературоведении ряд сходных наименований: «этнографическая литература» «этнографическая беллетристика», «этнографическая проза», связано, как писал А.Н. Пыпин, с формированием новой науки – этнографии. Свое развитие этнографическая проза получит благодаря В.И. Далю, его литературной и собирательской деятельности. С 1833 по 1841 г. во время службы в Оренбурге Даль впервые обратился к описанию жизни, быта, обычаев различных народов, проживавших в Оренбуржье.

Позднее этнографическая беллетристика станет основным жанром у писателей-шестидесятников. Рецензент журнала «Современник» за 1864 г. писал: «...Этнографическая литература получила особенный смысл. Она становилась для общества средством познакомиться со множеством тех различных условий и отношений быта, которые прежде ускользали от его внимания, или вовсе не интересовали его и были ему неизвестны»¹.

Этнографизм для многих теоретиков и практиков литературы был одним из признаков народности. Так, В.Г. Базанов, рассматривая прозу 60-70-х годов XIX века, пишет, что «наибольшего успеха в познании современной народной жизни, народного быта и народной поэзии, в их совместном изучении достигли <.....> писатели и публицисты из «Современника ...»². Ученый вводит такое понятие как

---

¹ Новые книги. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. СПб., 1864 // Современник. 1864. № 9. С. 55.

² Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С. 81.

фольклоризованная беллетристика по отношению к прозе П.И. Якушкина, считая писателя создателем этого типа беллетристики. Исследователь дает ее истолкование, которое может быть распространено на характерологические особенности этнографической прозы в целом.

А. Горелов отмечает, что «этнографическая – в широком смысле этого слова – проза <.....> имела своей целью запечатление фольклорно- этнографических картин в их «самопроявляемости», в самостоятельном житейском качестве»³.

Этнографическую прозу со всеми присущими характерологическими признаками как особый тип повествования в своем исследовании широко осветил профессор А.Л. Фокеев, отмечая, что ни в учебниках по теории литературы, ни по истории русской литературы и введению в литературоведение она не выявляется. Есть лишь упоминание о литературной школе писателей-этнографов в учебнике по истории русской литературы XIX века (40-60-е годы) под редакцией В.Н. Аношкиной и Л.Д. Громовой⁴. В то же время в литературоведении и литературной критике XIX века этнографическая беллетристика была замечена на уровне целого литературного направления, были выявлены этнографические черты и элементы в творчестве отдельных писателей, называемых критикой – этнографами (Н. и Г. Успенские, Ф. Решетников, В. Слепцов, С. Максимов и др.). А.Л. Фокеев на основе анализа содержательно-структурных элементов этнографической прозы выявляет ее характерные особенности, специфику трех ее разновидностей: очеркистика шестидесятых годов, творчество С.В. Максимова, народническая литература⁵. Исследователь называет целый ряд отличительных черт этнографической прозы: «... народоведческий смысл деятельности писателей <.....>, основные принципы изображения быта в жанре этнографического очерка и рассказа; строгий документализм <.....>, исследовательское начало в

³ Горелов А. А. Введение // Русская литература и фольклор (конец XIX в.). Л., 1987. С. 5.

⁴ История русской литературы XIX века. 40-60-ые годы / под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. М., 2006. 512 с.

⁵ Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе ... 516 с.

творческом методе писателей, включение в художественную ткань произведений фольклорно-этнографических материалов»⁶.

Особенностью этнографической прозы как повествовательного жанра является присутствие в тексте фольклора как элемента культуры и быта (народные песни, смеховая культура, народный театр, балаганы, пословицы, поговорки, загадки, заговоры, причитания и т.д.)⁷.

В этнографической прозе художественное воплощение национальной картины мира и народной культуры достигается посредством реалистичного изображения быта и повседневной жизни, социальных аспектов и этнопсихологических особенностей национального самосознания. Особое внимание уделяется типологии национальных героев, их взаимодействию с окружающим миром. Сочетание фольклорных и этнографических элементов определяет и степень этнографизма, и разновидности прозы, но основным критерием остаются литературно-фольклорный синтез и жанрово-стилевое единство.

Для этнографической прозы характерен фольклорный генезис типов и образов, изобразительных средств, народнопоэтические словесные формы языка, психологические и этические категории, психологический контекст, подтекст, коллизии. Здесь могут присутствовать различные формы фольклоризма: стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя литературного произведения и фольклоризм социально-этнографический.

Особенности сюжетно-образной структуры этнографической прозы – особая повествовательная форма с этнографическими компонентами и фольклорными включениями, трансформация фольклорно-этнографического материала в художественном тексте произведения. Как считает А.Л. Фокеев, этнографическая проза характеризуется «протокольность» повествования, объективностью наблюдений, хроникальностью сюжета и документализмом. По наблюдению ученого, пейзаж также имеет свою особенность, типологическое

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

своеобразие, выступает как топографическая, географическая, этнографическая, временная и социальная категории. К пейзажу могут быть отнесены распространенные в этой прозе культурологические описания: использование национальной традиции, народнопоэтических национальных образов⁸. Герой в этнографической прозе – персонаж из реальной жизни, точное и достоверное изображение его в «типических обстоятельствах», содержащий в себе этнографические признаки, культурную традицию, духовно-нравственные аспекты.

Все эти особенности прозы закрепляются «в жанре этнографического очерка в разных его разновидностях и рассказа с фольклорно-этнографическими элементами»⁹. Как основной жанр этнографической прозы очерк характеризуется идейно-художественной определенностью. В очерке все внимание сосредоточено на внешних реалиях этнографического характера (географической, социальной, экономической, культурологической), описываемые события связаны с фольклорно-этнографическими элементами. Писатель рассматривает народный быт как объект художественного познания. Погружаясь в стихию фольклора и этнографии, писатель в эстетическом овладении действительностью посредством определенных форм художественной организации материала создает в этнографической прозе своеобразный литературно-этнографический синтез, особую жанрово-стилистическую форму.

Развитие этнографического очерка связывают с «натуральной школой» 40-х гг., а достигает он своего расцвета в 60-70-е гг. XIX в., но предпосылки возникновения этнографического очерка, его некоторые характерные черты можно обнаружить в «путешествиях» писателей-сентименталистов: «Прогулка по Москве» К. Батюшкова (1810), «Новый живописец общества и литературы» Н. Полевого (1832), «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Письма путешественника» Н.М. Карамзина. В своих «путешествиях» А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин сознательно отбирали явления действительности,

---

⁸ Там же.

⁹ Там же.

их «путешествия» отражали объективную реальность, что в дальнейшем будет основным маркером в этнографическом очерке. Этому же следовал в «Путешествии в Арзрум» и А.С. Пушкин. Эстетические принципы художественного повествования, выдвинутые им, – краткость, простота, ясность – определяют весь стиль его «Путешествия ...».

Очерк как литературный жанр присутствует в русской литературе на протяжении многих эпох, однако его роль и значимость особенно возрастали в определенные периоды, когда он становился одной из ведущих форм публицистического и художественного осмысления действительности. Это происходит, прежде всего, в период формирования и утверждения новой политической, социальной идеологии, с целью активно вмешаться в жизнь, общественное устройство, перестроить, изменить общественное сознание. С развитием буржуазно-экономических отношений в 40-е годы XIX века очерк начинает играть одну из ведущих ролей в русской литературе. Особое значение для развития жанра очерка приобретает литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского, обратившего свое внимание на необходимость и востребованность отражения реальной жизни России во всем ее разнообразии. С этого времени очерк – физиологический очерк – выдвигается на передний план русской литературы как наиболее демократический жанр. Его развитие связано с эстетической программой «натуральной школы». Именно физиологический очерк становится репрезентативным жанром «натуральной школы». А.Г. Цейтлин, автор специальных исследований о русском физиологическом очерке, отмечал, что «натуральная школа» была обязана физиологическому очерку своим рождением в большей мере, нежели повести и роману¹⁰. Представители физиологического очерка относили его к разряду «беллетристики», т.е. таких произведений, которые, не ставя перед собой собственно художественных задач, знакомят читателя в живой форме с нравами и бытом, со всем разнообразием социальных укладов, с этнографией и географией различных мест России. В этом отношении

---

¹⁰ Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965. С. 92.

особо стоит выделить жанровую особенность очерков В.И. Даля, соединивших в себе признаки физиологического и этнографического очерка. Общим для очерков Даля является их идеологическая концепция, которую сам писатель сформулировал так: «Во всю жизнь свою я искал случая поехать по Руси, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень .....»¹¹.

В этнографических очерках Даля отображались все стороны жизни народа: хозяйственная деятельность, социальные отношения, быт и нравы, устное творчество, особенности говора и т.д. Примером этнографического очерка может служить «Уральский казак», в котором Даль обращается к истории Уральского казачества, отмечает особый уклад жизни казачества, приводит сведения о занятиях казаков – рыболовстве и скотоводстве. Из очерка Даля тогдашний читатель мог вынести более или менее полное и довольно яркое представление о типе уральского казака, о своеобразном строе его жизни. Характерные черты очерков Даля – меткая наблюдательность, верность натуре, точность бытовых и этнографических описаний, живость языка. Следует отметить, что тенденция, получившая развитие в очерковой литературе «натуральной школы», была заложена несколько раньше и проявлялась в том интересе, который питали русские журналы первых десятилетий XIX века к территориям и народностям России, мало известным широкой, особенно столичной, публике. Такие журналы, как «Чтения в Беседе любителей русского языка», «Благонамеренный», «Отечественные записки», «Славянин», «Вестник Европы» охотно публиковали авторов из провинции.

В конце 1810-х гг. известный просветитель, историк Г.И. Спасский издает журналы «Сибирский вестник» (1818–1824), посвященной Сибири, и «Азиатский вестник» (1825–1827) – о странах Центральной и Юго-Восточной Азии, которые выходили в Петербурге.

Другой известный издатель того времени – П.П. Свиньин, в журналах которого на протяжении второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. публиковалось наибольшее количество материалов, дающих представление об

---

¹¹ Грот Я.К. Воспоминание о В.И. Дале: (С извлечениями из его писем). СПб., 1873. С.6.

инонациональном населении России. Журнал «Заволжский муравей», издававшийся в Казани в 1832–1834 гг., также публиковал статьи, посвященные Поволжью и Западной Сибири. Именно в русской журналистике в ее разножанровых материалах конца 1810-х – 1820-х и 1830-х гг. «рождались на свет та область литературного творчества, что позднее получила название этнографической беллетристики или этнографической прозы. <.....> Соединение документального и художественно-беллетристического начал с пристальным вниманием к «чужому», «другому» образу мира, со стремлением запечатлеть его как можно яснее и в то же время занимательнее для читателя создает содержательную специфику этнографической литературы ...»¹².

Произведения середины 1820-х и 1830-х гг., выполненные на инонациональном материале, изображавшие народы национальных окраин России, хоть и следовали жанровому канону романтической поэмы, но были уже с познавательно-этнографическим уклоном. В.М. Жирмунский видел в этих произведениях тенденцию этнографического романтизма¹³. Сопоставляя творения Байрона и Пушкина на «восточную» тематику, он отмечает, что описания элементов обстановки «служат выделению того “этнографического колорита”, который для романтической эпохи является существенным фактором поэтической экзотики»¹⁴. И в этом «большую роль играла литературная традиция *этнографического романтизма* ...»¹⁵. Романтические повести этого времени, как считает Е.К. Созина, – это «сочетание литературного романтизма и интуитивно нащупываемой струи достоверного повествования, за которой было будущее русской литературы»¹⁶. Один из писателей-романтиков, П.М. Кудряшев, автор повестей «Киргизский пленник. Быль Оренбургской линии» (1826), «Искак. Татарская повесть» (1830), «Даржа. Калмыцкая повесть» (1829), «Абдряш.

---

¹² Созина Е. К. Этнографическая беллетристика Южного Урала в российской печати 1820 - 1830-х гг. // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 48

¹³ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. 425 с.

¹⁴ Там же С. 170

¹⁵ Там же. С. 172.

¹⁶ Созина Е. К. Этнографическая беллетристика Южного Урала в российской печати 1820 - 1830-х гг. ... С. 49.

Башкирская повесть» (1827), писал в письме издателю Свиньину: «Может статься, что сии повести однообразны, но этого избежать было невозможно, потому что, при сочинении их, я поставил себе за правило не упускать из виду разно<на>родных обрядов, суеверий, предрассудков, обыкновений и, по возможности, старался включать оные в повествование, чтобы короче познакомить читателей с действующими лицами»¹⁷. Введение этнографического и исторического элемента в жанровую форму романтической повести, приурочивание места и времени действия в произведении к определенному, хорошо знакомому автору, вполне реальному хронотопу – все эти моменты, характерны в конце 1820-х – 1830-х гг. для творчества авторов позднего романтизма. Эти повести становились уже достоянием беллетристики – относительно нового, нарождающегося в России вида или типа литературы. При этом сам беллетристический сюжет с любовной фабулой в центре не был для автора самоцелью, но выполнял роль своего рода структурного механизма, связующего все элементы повествования.

Этнографическая проза в жанре этнографической повести в творчестве писателей позднего романтизма отразилась в «восточных» повестях. Хотя по жанровым особенностям этнографические повести гораздо реалистичнее и «достовернее» классических восточных повестей в плане воплощения инонационального образа и изображения особенностей нравов и быта.

Этнографическая повесть 1830-х гг. имеет свои особенности и характерологические черты: привлечение фольклорных мотивов и мифологии, описание географического и природного ландшафта края, возвышенный образ героя, представителя инонационального этноса, точные описания обрядов и обычаев. В этнографических повестях писателям свойственен демократический, общегуманный взгляд на народ, традиционно присущий русской интеллигенции: несмотря на все различия в образе жизни и быта, все равны в сфере чувств, гражданских поступков.

---

¹⁷ Кудряшев П. М. Письма П. П. Свиньину // РО РНБ. Ф. 679. Свиньин. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л.36

Таким образом, этнографическая проза в жанре этнографического очерка и этнографической повести в русской литературе XIX века является характерной чертой не только в творчестве писателей «натуральной школы» 40-х гг., литературы 60-70-х гг. XIX в., но гораздо ранее, в творчестве писателей-романтиков, со всеми признаками и особенностями, присущими этнографической прозе. Реалистичные картины быта инонационального этноса в творчестве писателей позднего романтизма положили начало развитию реализма в литературном процессе, а жанр «путешествий» положил начало путевому очерку, который вместе с физиологическим очерком способствовал появлению этнографического очерка.

2.2. В.И. Даль и инонациональное этнографическое направление

Велика заслуга В.И. Даля как основоположника этнографического направления в русской литературе XIX века, но вместе с тем следует отметить, что в рамках этого направления он также развивал ее инонациональное русло. Выделяя этнографическую направленность очерков и повестей 1830-х гг., В.Г. Белинский в своих статьях характеризовал Даля как бытописателя и этнографа. Он называет Даля «человеком бывалым, коротко ознакомившимся с бытом России почти на всех концах её»¹⁸. Об этом же он говорит в рецензии 1847 года на сборник повестей, сказок и рассказов Казака Луганского. «И в самом деле, где не бывал он? Он участвовал в польской кампании и в хивинской экспедиции, он бывал в Молдавии, в Валахии, в Бессарабии; Новороссия с Крымом ему как нельзя больше знакомы, а Малороссия – словно родина его. Он знает, чем промышляет мужик Владимирской, Ярославской, Тверской губерний, куда ходит он на промысел и сколько зарабатывает. Даль – это живая статистика живого русского народонаселения»¹⁹. Белинский отмечает в качестве основной черты

¹⁸ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1843-1845 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 58.

¹⁹ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1846-1848 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т.10. С. 82.

творчества писателя его врождённую наблюдательность, умение «мастерски схватить с натуры» изображаемые картины народной жизни. Рецензируя сборник «Физиология Петербурга», в котором Даль поместил свой очерк «Петербургский дворник», критик отмечает, что этот очерк – один из лучших, а автор «так хорошо знает русский народ и так верно схватывает иногда самые характеристические его черты»²⁰. Белинский пишет, что Казак Луганский своим творчеством создал «особый род поэзии, в котором у него нет соперников»²¹. Этнографизм Даля воспринимается Белинским «как особенность мышления и как структурный элемент художественной системы бытописателя и этнографа»²².

Многолетние поездки по национальным окраинам Российской империи, яркие жизненные впечатления, накопленные за время этих поездок, повлияли на литературную деятельность Даля. Его первая публикация в 1830 году в журнале «Московский телеграф», повесть «Цыганка», написана на основе впечатлений от поездок по Малороссии. Все жизненные впечатления В.И. Даль воплощал в своем художественном творчестве, об этой взаимосвязи жизненного опыта и творчества писал в письме М. П. Погодину: «Все повести мои, если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, живал и сам всё видел. Я не умею писать поличия на авось; вот почему и не могу слишком бойко и скоро писать или создавать новое. Турция породила Кассандру и Болгарку; Польша – Подолянку, Оренбург – Мауляну и Майну; Русские Губернии – Вакха, Бедовика; Малороссия – Василия Граба, Южная или Новая Россия – Мичмана Поцелуева»²³. Во всех этих произведениях заметны этнографические

---

²⁰ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1845-1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 50.

²¹ Там же. С. 398.

²² Фокеев А.Л. В.И. Даль – родоначальник этнографического направления в русском литературном процессе XIX века // Москва: Портал "О литературе", LITERARY.RU. 20 марта 2008. URL:

<https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206019785&archive=1206184486>
(дата обращения: 10.07.2022).

²³ Цит. по: Юган Н.Л. В. И. Даль и русская литература 30 – 60-х гг. XIX в. Луганск, 2011. С. 108-109.

черты и народная поэтика в обрисовке образов героев, привлечение фольклорных жанров.

Первая повесть В.И. Даля «Цыганка» отражает установку на этнографизм, присутствующий в описании бытового уклада: расположение города Ясс, пестроту населения, нехарактерные продукты питания (дульчец, щербет), детали одежды мужчин и женщин. Подстрочные примечания расширяют этнографические данные, писатель пытается углубить, объяснить особенности уклада жизни с помощью обращения к истории. Иноязычные слова в повести характеризуют героев как представителей других национальностей, способствуют погружению в реалии инонациональной жизни. Даль как лингвист дает характеристику языку: «Природный язык крайне беден и необработан: волошский и молдавский суть наречия, коих корнем почитается латинский; выговор иных слов весьма сходен с итальянским, а посему славянская грамота и печать весьма некстати принята молдаванами, и не соответствует вовсе ни произношению, ни правописанию языка. Приличнее было бы в сём отношении поменяться молдаванам и полякам, которые весьма удобно могли бы писать нашими славянскими буквами»²⁴. Писатель даёт профессиональный комментарий, он вплетён в широкие размышления о культуре, о своеобразии и путях развития нации. В «Цыганке» уже просматриваются основные особенности творческого метода В.И. Даля: этнографизм, установка на раскрытие национальных черт характера, наблюдение реалий народной жизни, бытописание, интерес к живому народному слову.

В небольших повестях «Болгарка» и «Подольянка» В.И. Даль органично сочетаются элементы автобиографии, воспоминаний и этнографического повествования. В этих повестях этнографические описания являются фоном для показа военных событий, а также дают представление о природе края, о быте и нравах народа. Вот как описывает Даль соляные копи Польши: «Но знаменитейшая вещь, по близости Кракова, есть соляноломня в Величке, в Галиции. Мы съездили туда и видели подземные палаты, церковь, озёра,

---

²⁴ Даль В. И. Повести и рассказы. // В.И. Даль. Полн. собр. соч. СПб., 1898. Т. 7. С. 86.

площади, улицы и переулки, простирающиеся в три яруса на 140 сажень в глубину, в непрерывной толще каменной соли. Ломня существует с 1043 года. Пласт соли покрыт пластом известковой ракуши в 86 сажень толщины. Каплица украшена соляными изваяниями, во весь рост, островерхими памятниками, изсеченными из полупрозрачной породы со стоялами...»²⁵.

Фольклор и быт этносов Оренбургского края послужили Далю материалом для создания статей, рассказов и очерков: «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумысе», «Скачка в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Башкирская русалка», «Охота на волков», «Бикей и Мауляна», «Майна».

«Башкирская русалка» была написана на материале башкирского фольклора: в его основе древнейшее эпическое сказание о Зая-Туляке и Хыу-Хылу. В ней повествуется о любви батыра Зая-туляка и прекрасной русалки – дочери владыки озер Ассулы и Кандры. Необычна композиция произведения: в первой части дается вводный историко-этнографический обзор; во второй излагается любовная история. В первой части писатель дает краткую, но исчерпывающую характеристику края и народа «башкурт»: природа, поэтическое творчество, племенная символика. Даль прибегает к разным способам художественного использования этнографического материала, что является характерной особенностью В.И. Даля в изображении инонациональной жизни. Он дает картину жизни и быта инонационального этноса: описание одежды – мужской наряд чапан, бурзенская шапка; поселения и жилище – аул, юрта; музыкальный инструмент – чибызга-курай; родовые знаки – тамга, уран; пищу – кумыс, курт; атрибуты повседневной жизни – сабы, турсуки, нагайка; описание демонологических существ: шайтан, дью-пари, джин, подводный падишах, див.

Художественное отражение инонациональной этнографии осуществляется через включение в идейно-образную систему сюжетов башкирского фольклора, башкирских мифологических преданий, отражающих духовную и нравственную природу народа. «Реальные исторические и этнического характера сведения «соседствуют» в повествовании, тесно переплетаются и «срачиваются» с

---

²⁵ Там же. С. 159.

преданиями устного поэтического творчества, которые являются структурообразующей частью произведения, его эстетическим свойством»²⁶.

При описании природы Башкирии писатель географическую характеристику местности соединяет с поэтическими преданиями. В реальное описание Бельской пещеры вводится башкирская легенда: в ней обитало какое-то особое племя людей, а также джины, дивы и дью-пари. Даль объясняет, что в башкирских легендах дью-пари – это злой дух; знаменитые башкирские батыры прославились битвами с этим чудовищем, принимающим обличье человека, кошки, собаки, а также барса и тигра. Присутствуют в идейно-образной системе «Башкирской русалки» и топонимические народные сказания. Писатель поясняет, что у кочевых башкир много преданий, в которых одушевляется природа: леса, горы, пещеры и озера населены лешими, русалками – по-башкирски «джинами», злыми или добрыми духами; каждую горою, каждым озером владеет какой-либо джин. Так, на горе Шуллюгань-таши находится каменная собака, которой подвластны облака: она боится плети, не может снести ста ударов – издаёт вой, и в это время идёт обильный дождь. Многочисленные предания и легенды создают неповторимый мифопоэтический мир башкирского края. Пещера Тименетау – жилище дью-париев, которые живут в подземной мельнице: «дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотками»²⁷; в подошву горы Зимен-тау входит речка «подземельная», которая ворочает жернова шайтана; в скале Тауча светятся огоньки, обитают духи. Озеро Ачулы прибывает и убывает без видимых причин: башкиры уверены, что это случается перед какою-либо бедой. Озеро Елкикичкан – царство могучего падишаха водяных, наградившего смелого Кунгрбая, башкира Бурзянской или Усергенской волости, косяком лошадей: храбрый башкир на своём знаменитом жеребце преодолел неприступную для других пучину. Башкирское название озера сопровождается русским переводом – «конский выгон». Аналогичная легенда отражена и в сказе: отец русалки даёт Зая-Туляку на

---

²⁶ Юган Н.Л. Инонациональная этнография в творчестве В.И. Даля как этап развития русской литературно-этнографической школы // Научн. вестн. Междунар. гуман. ун-та. 2015. №19. С.78.

²⁷ Даль В.И. Повести и рассказы. ... Т.7. С. 333.

обзаведение табун выплывших из озера коней, от которых произошла, как замечает рассказчик, знаменитая порода димских башкирских лошадей.

В «Башкирской русалке» происходит соединение реально-географического описания с мифологической традицией, прослеживается «многовекторность национально-культурного диалога <.....> этническое становится художественно-эстетическим качеством произведения»²⁸. Ю. П. Фесенко справедливо замечает, что «Башкирская русалка» являет собой жанровое образование, первая часть которого «этнографический очерк башкир», а вторая – обработка национального «эпического сказания»²⁹.

Если в «Башкирской русалке» наравне с этнографическим описанием присутствует мифопоэтический мир, выраженный в легендах и в трагической истории любви башкирского принца и русалки, и речь идет об «этнографическом романтизме», то в казахском цикле В.И. Даля такая же трагическая история любви («Бикей и Мауляна») основывается уже на реальных событиях, и отражает семейно-бытовой конфликт. Древние родовые понятия казахского общества, столкновение имущественных интересов внутри одной семьи приводят к гибели героев. Но сюжетное повествование невозможно без пояснений особенностей жизни кочевого казахского общества, без которых читатель не смог бы понять мотивы поведения героев, оценить их действия, если бы этнографические сведения о нравах, быте и культуре отсутствовали. Но помимо объяснений поступков героев, этнографическое описание дает полную картину мира казахского этноса. «Рассказывая о жизни казахов начала XIX в., писатель использует не только материалы наблюдений реальной жизни народа, но и официальные документы, допуск к которым он имел по должности»³⁰.

Казахские рассказы «Майна», «Бикей и Мауляна» характеризуются точностью этнографических описаний быта и нравов национальной среды. В рассказе «Майна» Даль приводит обряд сватовства с использованием

²⁸ Юган Н.Л. Инонациональная этнография ... С.78.

²⁹ Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб., 1999. С. 125.

³⁰ Умарова Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. Уральск, 2012. С. 49.

характерных деталей казахского обихода. С подробностями описывает Даль и другие казахские свадебные обряды. Описывая национальные этнографические черты в одежде бедняков, подчёркивает социальное неравенство народа. В рассказе «Майна» воспроизводится образ обнищавшего бедняка, голодного, всеми гонимого. «Куций лето и зиму ходил в одном платье: в нагальном косматом тумаке или малахае... в стёганом полосатом халате, покрытом до последней нитки заплатками всех цветов и родов – шёлковыми, бязевыми, ситцевыми, суконными, наконец, кожаными и меховыми»³¹. В одной из таких заплаток между лопатками была зашита спасительная молитва, которая, «однако не спасала Куцего от частых побоев толстою плетью по этому самому месту»³².

Даль характеризует нравы степных кочевников, при помощи социальной этнографии показывает процесс расслоения среди них, обнищание степи, уход в русские села и города. В казахских рассказах Даль – объективный наблюдатель. Как писатель-этнограф он сосредоточен на изучении и правдивом показе жизни народа, её национальной специфике, социальных, семейных отношениях, народном характере и психологии казахов. Как отмечает А.Н. Евстратов, он «целеустремленно изучал и условия жизни, быт, обычаи, традиции казахов»³³. Темы, затронутые Далем, дают возможность не только узнать о конкретных деталях жизни казахского этноса, но и представить целостную картину. Даль выступает умным наблюдателем, полным сочувствия к казахскому народу, этнографом-очеркистом, поражающим добросовестным изучением инонационального материала. Даль, указывая на достоверность описываемого события («Бикей и Мауляна»), говорит, что «все происшествие рассказано так, как было < .....> и в таком виде, как было, представляет цепь действий и последствий, составляющих одно стройное целое, основанное на чудном сплетении умственных способностей и нравственных качеств человека, на

---

³¹ Даль В.И. Повести и рассказы. ... Т.7. С. 289.

³² Там же.

³³ Евстратов А.Н. Путевые очерки В.Г. Короленко в литературном процессе конца XIX века. Уральск, 2012. С. 24.

*обычаях народных, местных..»*³⁴. По мнению М.И. Фетисова это является своего рода «творческой декларацией» писателя. «Он всегда правдив, точен в описаниях, но далек от беспристрастного фотографирования действительности или беспорядочного протоколирования фактов».³⁵

Помимо правдивой истории любви в повести «Бикей и Мауляна» дается полная картина национальной жизни. Писатель, описывая различные состязания, игры, особое внимание уделяет скачкам («после еды и обжорства четвероногие обитатели степей кони – первые действующие лица, а люди уже второстепенные»), состязаниям молодого парня с «отборною молодецкою девкою на лихом скакуне», соревнованиям в стихотворных импровизациях: «Девки и парни садятся особыми кружками, одни поодаль от других, а нередко девки и внутри кибитки, а женихи снаружи, за решеткой, и обе стороны перепеваются взапуски, отвечая друг другу в очередную четырехстишиями. Импровизаторы, запевала и запевалка выказывают при этом всю остроту и витийство свое, и толпа тешится, слушает, хохочет и повторяет те из стихов, которые ей более понравились»³⁶.

Даль внимателен к музыкальному творчеству казахского народа, видя в нем проявление духовной жизни изображаемых людей. Своеобразие казахских песен он видит в том, что казахи обычно поют «наобум, о том, что у них в глазах < .....> Но есть певцы записные, певцы наобум, без которых и пир не живет; они являются всюду, где только режут баранов, где только сходятся в кучу и пьют кумыс; они же играют и на кобызе, на гудке плотницкой отделки < .....> играют и на домбре < .....> у башкиров играют и на чибызге, на дудке, сопелке...»³⁷.

В духе народной поэтики Даль создаёт образы своих главных героев, близких к былинным и сказочным богатырям. Таков батыр Бикей. Он отважен, героичен, победитель в спортивных состязаниях, искусный наездник. Герой

³⁴ Даль В.И. Повести и рассказы. ... Т. 7. С. 265.

³⁵ Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана 30-50-е годы XIX века. М.: АН СССР, 1956. С.138.

³⁶ Даль В.И. Повести и рассказы. ... Т. 7. С. 298-299.

³⁷ Там же. С. 299-300.

наделён незаурядным умом, он талантлив и смел. Однако в отличие от фольклорных образов («Башкирская русалка»), автор реалистически изображает героя, подчёркивая его связь со средой, сословными предрассудками, родовыми интересами. Народные начала отражены в образе Мауляны – красавицы казахского аула. Портрет героини изобилует этнографическими подробностями и, вместе с тем, её образу присущ и некоторый психологизм. Это – «душа страстная, пылкая, необузданная, неразгаданная», свободолюбивая. Её характер впервые раскрывается на фоне картины национальных народных обрядов, спортивных состязаний, игр, сцены единоборства девушки и джигита. Автор приводит подробное описание национальной игры и реакцию зрителей. «И в тот же миг она (Мауляна – *Н.А.*) полетела вихрем на него, – народ отхлынул с криком, и ребяташки в давке завизжали < .....> обмахнула повисшей на темляке нагайкой два быстрых круга около головы (Бикей) – и промелькнула < .....> на всех игрищах и пирах никто ещё не догонял её, не обнимал»³⁸.

Даль интересовался и поэтической стороной жизни народов, выраженной в преданиях и поверьях, стремился передать национальную демонологию, веру казахов в таинственные силы природы. Поверья, по его словам, «заслуживают нашего внимания как значительная частица народной жизни....»³⁹. Даль вводит в текст повестей много слов тюркского происхождения (баранта, батырь, курсук, кун, кади, калым, кунак, чекмень, байгуши и др.), пословиц и поговорок («Нужда придет, работа не уйдет: на голодного коня травы в поле много, на долгую твою работу дней у бога много»; «тутовому дереву хорошо расти в ханском саду», «богатому всюду хорошо, а бедному везде худо» и др.).

В «Майне» показана вера казахов в фантастическую силу змеи-шамран, приносящую в дом счастье. Также крепка у казахов вера в баксы (шаман). В «Бикей и Мауляне» братья Бикей прибегают к помощи баксы: «братья, составив с отцом совет, решились прибегнуть к последнему средству: позвать баксы,

³⁸ Даль В.И. Повести и рассказы. ... Т. 7. С. 278.

³⁹ Даль В.И. «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа». М., 2017. С. 3.

киргизского шамана, обещать лучшего стригуна, жеребенка, если он откроет им средство, как наказать брата и воротить от него все добро свое»⁴⁰.

Так, в казахском цикле Даля представлена национальная, культурологическая и социальная этнография. Творческое изучение прошлого народа, углубление в стихию казахской жизни, в ее ежедневное бытие помогли Дально почувствовать простор, созерцательность, щедрость этого народа, его искусство побеждать тяготы быта смехом и юмором. В образах главных героев рассказов писателя отразились позитивные и негативные черты национального характера, своеобразие культуры и быта, тесно связанные с народными традициями, экономическими и политическими условиями жизни.

Исследователь Г.С. Умарова считает, что «реалистические произведения Даля как бытописателя, как изобразителя нравов, как создателя многочисленных типов-характеров из казахской жизни представляют собой немаловажный вклад в сокровищницу русской литературы <.....> активное использование этнографических и фольклорных материалов при изображении нравов стали достоянием русской словесности, вызывая глубокий интерес читателей»⁴¹.

Описания национальных особенностей жизни, быта, этнографических деталей и народной культуры казахского народа органично вошли в русскую литературу. На основе этнографического материала раскрывались основные черты национального характера и роль народа в историческом процессе. В этнографическом плане Даль показывает национальные черты характера своих героев, которые отражают общие психологические особенности народа. Характерной для писательской манеры Даля является близость к народной точке зрения, постижение народной мудрости, овладение народной сказовой манерой. Всё это характеризует его демократические устремления, сочувственное отношение к простому народу.

---

⁴⁰Даль В.И. Повести и рассказы. ... 7. С. 308.

⁴¹Умарова Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах ... С. 169.

Сюжетно-композиционной особенностью инонациональной этнографической прозы Даля является соединение в художественной системе произведения разнородных жанровых элементов: документального научно-географического очерка и художественно-этнографического описания на основе фольклора – разнообразных поэтических преданий народной словесности, которые предстают не формально-познавательным компонентом, а эстетическим качеством произведения. Инонациональное интересует В.И. Дalia в разнообразных этнических проявлениях: особенности жизненного уклада, поэтическое творчество, обряды и обычаи как определённые явления национальной жизни, в которых сказывается самобытность народа, его религиозные и духовно-нравственные представления. Писатель-этнограф в обрядовой культуре усматривает этнопсихологические особенности народного сознания: «народы вселенной» не могут обойтись, как он считает, «без внешней или вещественной обстановки» – обрядов, в которых Дalia усматривает «представительство» духовно-нравственных истин.

В.И. Дalia был одним из первых русских писателей, для которого инонациональная фольклорно-этнографическая традиция явилась творческой основой многих произведений. В дальнейшем эта художественная тенденция заявит о себе в русском литературном процессе XIX в.: в произведениях П. И. Мельникова-Печерского («Очерки Мордвы»), Д.Н. Мамина-Сибиряка («Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слёзы царицы»), Ф. Д. Нефёдова («Зигда», «Ушкуль»), Н.Д. Телешова («Живой камень»), Н.Г. Гарина-Михайловского («Зора»), А.М. Фёдорова («Степь сказала»), М. Горького («Немой») и многих других.

В произведениях В.И. Даля, посвященных инонациональному этносу, четко прослеживается имагологическая дихотомия «свой-чужой», выражающаяся как «русское – азиатское»: оренбуржцы делятся на жителей города и кочевые этносы Оренбургского края («Домик на Водяной улице», «Полуночник», «Бикей и Мауляна»). Домик капитана, помощника коменданта, противопоставляется киргизскому жилищу: если в привычной для киргизов кибитке, по словам жены

капитана, холодно, ее «горой заносит снегом», то «и крыша, с резным гребнем, со шпильями на нем, с конями по концам конька, была... дивом»⁴², «жители вновь заложенного города и всей окружности его: башкиры, татары, киргизы сходились подивиться на дом о пяти окнах, который казался им палатами»⁴³.

«Азиатское» в произведениях В.И. Даля лишь номинативно связано с этническими характеристиками: в целом его олицетворяют татары, казахи, башкиры. Оренбург место встречи Европы и Азии, Запада и Востока, и в произведениях В.И. Даля оренбургского периода мы видим мирное сосуществование разнородных культур и разных цивилизаций.

Первая глава повести «Бикей и Мауляна» начинается как раз с изображения всего этнического многообразия города Оренбурга (сцена прихода каравана на меновой двор). Даль отмечает: «И толпа, многоязычная, многоглавая и разнообразная, <...> Тут шло несколько чиновных и должностных, с фамилией и с семейством; тут были торгаши, в долгополых сюртуках, были и приписные и беглые мещане; были и татары»⁴⁴.

Для Даля азиаты-горожане – это пока еще не ассимилировавшиеся с русскими, но в то же время они не являются в городе «чуждыми», «низшими». «Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей» («Майна»)⁴⁵. Казахи обладают своими патриархальными обычаями, которые могут быть не менее нравственными, чем обычаи у православных русских. Например, Бикей, несмотря на тяжелое оскорбление со стороны родственников, не отвечает им тем же – он сдержан и великодушен. Как подчеркивает Даль, «это... самый горький, унижительный и непримиримый способ состязаться с противниками» («Бикей и Мауляна»)⁴⁶. Азиатские персонажи демонстрируют своё понимание власти, наказания и полезной

---

⁴² Даль В. И. Повести и рассказы. ... Т. 8. С. 181.

⁴³ Даль В. И. Повести и рассказы. ... Т. 8. С. 180.

⁴⁴ Даль В. И. Повести и рассказы. ... Т. 7. С. 233.

⁴⁵ Даль В. И. Повести и рассказы. ... Т. 7. С. 360.

⁴⁶ Там же. С. 257

деятельности. Русский и азиатский миры представлены как два противоположных начала: оседлость и кочевье, лес и степь, христианство и ислам. Однако Даль не занимает позицию просвещенного «белого» среди «дикарей». Он не связывает преступление – убийство Бикея братьями – с якобы низкой культурной развитостью казахов. Напротив, писатель подчеркивает, что, несмотря на различия в быту и уровне общественного развития, казахи остаются такими же людьми, как и европейцы: они испытывают чувства, решают имущественные споры, сталкиваются с семейными конфликтами. Красота Мауляны, дочери природы, воспринимается автором как более естественная и ценная по сравнению с внешностью столичных чопорных красавиц. Мотив убийства – зависть братьев к более умному, красивому и любимому сыну – напоминает как библейские сюжеты (например, историю Иосифа Прекрасного), так и сюжеты народных сказок.

Однако в некоторой степени В.И. Даль видит причину преступления в специфике мусульманского быта, в частности – в многоженстве: «Многоженство мусульман всегда бывает поводом к раздорам семейным, которые может переносить равнодушно только заостенелая в исламизме душа»⁴⁷. Даль стремится учесть все факторы, способствовавшие злодеянию: как внешние, связанные с образом жизни кочевых мусульман, так и внутренние – недостаток нравственного самосознания у человека.

Главная задача Даля – не романтизация образа кочевника, не противопоставление цивилизации и природы, а достоверное, научное изучение малоизвестной культуры. Он выступает одновременно и как исследователь, и как художник, стремясь дать объективный и правдивый ответ на вопросы, волнующие каждого исследователя инонационального этноса.

Говоря о художественном методе Даля и его влиянии на отдельных писателей, следует иметь в виду конкретные текстуальные связи, манеру письма, художественные приёмы, а также более широкое воздействие основных идейно-художественных принципов. А.Л. Фокеев выделяет общие существенные черты

---

⁴⁷ Там же. С. 249

поэтической системы художественных произведений Даля и писателей, идущих следом за ним. К ним относятся: погружение в стихию народной жизни; использование народной, фольклорной фразеологии; введение в литературу жанра сказа; фактографический, документальный характер этнографизма, фольклорно-этнографический колорит, насыщенность этнографическими деталями; преобладание описания над сюжетом, вставные сцены, эпизоды; широкое привлечение разных фольклорных жанров как источников сюжета, метод переработки фольклорного сюжета как материала для характеристики быта и мировоззрения разных социальных групп, как художественного элемента в создании характера героя; роль фольклорно-этнографических элементов в типизации образа и психологической характеристики героя; обращение к подлинному фольклору и реалистическое выражение его в конкретно-исторических условиях жизни⁴⁸.

2.3. «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» А.И. Лёвшина как первое серьезное научно-художественное этнографическое исследование инонационального этноса

Одним из тех, кто, как и В.И. Даль, обратился к описанию национальных окраин России, был А.И. Лёвшин. Он так же, как и Даль, проходил службу в Оренбургской пограничной канцелярии.

Алексей Ираклиевич Лёвшин (1798-1879) – видный государственный деятель и ученый первой половины-середины XIX в., один из основателей Русского географического общества, почетный член Российской Академии наук, действительный член 16 научных обществ России и зарубежных стран, в том

---

⁴⁸ Фокеев А.Л. В.И. Даль – родоначальник этнографического направления в русском литературном процессе XIX века // Москва: Портал "О литературе", LITERARY.RU. 20 марта 2008. URL: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206019785&archive=1206184486> (дата обращения: 10.07.2022).

числе Парижского географического азиатского общества, Королевского датского общества северных антиквариюв и т.д.

В его литературном творчестве удачно соединились талант ученого-исследователя и писателя-беллетриста⁴⁹. Еще в студенческие годы им были опубликованы в Харькове в 1816 году «Письма из Малороссии». Эта книга, по мнению современников, «представляла для своего времени значительный литературный интерес»⁵⁰. В ней проявились большая эрудиция, наблюдательность и способность к дискурсивному мышлению автора. В ней Лёвшин приводит немало ценных сведений о культуре и быте украинского народа. Продолжатель традиций Н.М. Карамзина, автора «Писем русского путешественника», Лёвшин использовал широко распространенный в то время эпистолярный жанр. Повествование в форме путешествий или писем представляло собой разнообразные сведения по географии, истории, этнографии, политике, антропологии. В «Письмах...» отражены личные впечатления о памятниках Украины, этнографические описания местного населения, историческое прошлое украинского народа. Размышления о человеке, о проявлениях общечеловеческих ценностей в нравах, традициях, праве и искусстве отдельных народов не меньше занимают философский ум писателя.

Будущий профессор-славист И.И. Срезневский, высоко оценивая талант писателя и, надеясь на помощь в подготовке своего альманаха, писал Лёвшину: «...как сами Литератор и как покровитель наук и Литературы...»⁵¹. Сам Лёвшин, отправляя А.Г. Тройницкому собранные материалы для сборника, посвященного Одессе, писал: «... я смотрю на вас как на литературного собрата, который в должной мере оценит побуждения мои и участием своим может придать цену

---

⁴⁹ Об этом см.: Аристангалиева Н. Б. А.И. Левшин – исследователь национальных окраин России (Монография «Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей») / Н. Б. Аристангалиева // Казанская наука. 2021. № 10. 11-14.

⁵⁰ Багалея Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. // Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков, 1906. С. 94.

⁵¹ Цит. по: Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963. С. 20.

всей работе»⁵². Все это говорит о том, что в литературных кругах А.И. Лёвшина ценили, прежде всего, как литератора.

Главным успехом А.И. Лёвшина в качестве исследователя инонационального этноса можно считать монографию по истории, географии и этнографии казахских степей: «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей». Этот труд принес известность Лёвшину не только в России, но и за рубежом, и он сразу же оказался в ряду блистательных беллетристов своего времени. Позднее известный казахский ученый и просветитель Ч.Ч. Валиханов высоко оценил вклад А.И. Лёвшина в изучение истории, культуры и этнографии казахского народа и почтительно назвал его «Геродотом казахского народа»⁵³.

Современная Лёвшину критика отмечала большую познавательную ценность книги, новизну самого предмета исследования и литературные достоинства работы. В рецензии одного отечественного издания говорилось, что «мало выходит на русском языке книг, написанных так хорошо, составленных с таким тщанием и обогащенных таким множеством любопытных сближений и замечаний»⁵⁴.

Из современных исследователей работ А.И. Лёвшина стоит отметить И. Ерофееву. Она пишет: «Имя Алексея Ираклиевича Лёвшина (1797-1879) – выдающегося деятеля первой половины-середины XIX века по праву занимает одно из видных мест в истории научной и общественной мысли дореволюционной России. Европейски эрудированный писатель и публицист, неутомимый путешественник, большой знаток классической литературы и «изящных искусств», талантливый историк, этнограф, статистик, географ, искусствовед, экономист, редактор и видный организатор науки – А.И. Лёвшин оставил неизгладимый след своего глубокого и разностороннего интеллекта на

---

⁵² Там же.

⁵³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: в 5 т. // Ч.Ч. Валиханов. Собр. соч. Алма-Ата, Т. 1. С. 164.

⁵⁴ Цит. по: Ерофеева И.В. А. И. Лёвшин и его труд «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей» // Лёвшин А.И. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996. С. 564.

многих важных событиях культурной жизни....»⁵⁵. Она считает, что в «Описании...» проявились глубокие и разносторонние знания, исследовательский талант и блестящие литературные способности автора.

В 1818 году А.И. Лёвшин поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а затем после её реорганизации работал в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, выполнявшем ответственные поручения по линии среднеазиатской политики правительства. Здесь А.И. Лёвшин проявляет интерес к архивным документам, содержащим сведения о казахах, что в дальнейшем сформирует круг его интересов и усилит влечение к науке и историческим исследованиям. Непосредственный его начальник и руководитель в Оренбурге – В.Ф. Тимковский, опытный администратор-дипломат, немало сделал для установления дружественных отношений России с казахским народом. Под влиянием этого незаурядного человека, выдающегося государственного деятеля, который считал, что «собирать предварительно верные известия о подлинном состоянии сего кочевого народа, вникнуть в его дух и свойства и сходно с ними принимать благоразумные и твердые меры к его устройению, и, так сказать, <...> приготавливая к новому бытию политическому, вести постоянно к высшему образованию»⁵⁶. А.И. Лёвшин намеревался глубоко изучить все доступные материалы о казахах в местных архивах. В результате этой деятельности появилась серия научных статей и фундаментальный трехтомный труд, посвященный казахскому этносу.

Изучая архивные документы и непосредственно общаясь по долгу службы с казахами Младшего жуза, он близко знакомится с жизнью кочевого народа, изучает его быт, образ жизни, историю, культуру. Заинтересованность в изучении истории и культуры казахов в действительности органично вписывалась в систему гуманитарных ценностей и познавательных ориентиров, и соответствовала типу мировоззрения А.И. Лёвшина.

---

⁵⁵ Там же. С. 533.

⁵⁶ См. об этом: Избасарова Г.Б. Служба В.Ф. Тимковского в Оренбургском крае. [Электронный ресурс] // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2016. №1(17). URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/16_17_2016.pdf (дата обращения: 22.07.2022).

В октябре 1820 года А.И. Лёвшин в составе группы из числа сотрудников Оренбургской комиссии посещает ставку хана Младшего жуза, и под впечатлением от этого визита готовит и публикует в журнале «Вестник Европы» свою первую статью по этнографии казахов под названием «Свидание с ханом Меньшой киргизской орды». Статья была написана в жанре путевых записок и содержала подробное описание убранства казахской юрты, предметов домашнего обихода и народных обычаев. Наравне с реалистическими картинами быта казахского этноса в статье присутствует яркое и образное описание в духе романтических традиций: «картина жизни кочевого народа должна быть сходна с картиною времен патриархальных, и взгляд на киргизцев легко напоминает нам современников Авраама, также кочевавших в земле обетованной. Степь киргизская и обитатели оной любопытны не только для ума наблюдателя, но и для воображения стихотворца»⁵⁷. Лёвшин записывает свои наблюдения, сведения, полученные от других лиц, образцы фольклора, делает этнографические зарисовки. Все это он фиксирует в дневниках, которые дополняются выписками из архивных документов и научной литературы. В оренбургском архиве А.И. Лёвшин обнаружил ценные документы: расспросные речи русских посланников в казахскую степь (М. Арапова, Я. Гуляева, Д.Гладышева, И. Муравина, И. Уракова и Уразлина), переписку казахских ханов, султанов и родоправителей с местной администрацией, путевые дневники и карты путешествий по казахским землям русских дипломатов, горных инженеров, купцов, статистические ведомости. Все эти полученные сведения он впоследствии будет использовать в своем «Описании...».

В 1823 году А.И. Лёвшина переводят в Одессу в канцелярию новороссийского генерал-губернаторства. В этот же период он завершает несколько разделов основного своего труда. В 1824 году в «Северном архиве»

---

⁵⁷ Вестник Европы. 1820. Ч.114. [Электронный ресурс] // URL: https://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1820/1820-22/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 22.07.2022).

выходят две статьи: «Известие о древнем татарском городе Сарайчике»⁵⁸, содержащее описание развалин бывшей столицы Ногайского ханства в XIII-XVI вв., и «О просвещении киргиз-кайсаков»⁵⁹, где приводятся образцы песен, описываются религиозные обряды, народная медицина. Последняя была переведена на французский язык и напечатана в одном из изданий Парижского азиатского общества.

Надо отметить, что сведения об истории и этнографии казахов в России стали публиковаться еще до появления научного труда Лёвшина, во второй половине XVIII века. В работах П.И. Рычкова «История Оренбургская (1730-1750)» и «Топография Оренбургской губернии»⁶⁰ описаны территории Приуралья, Южного Урала и Казахстана. В этих трудах содержался историко-этнографический материал о народах, населяющих этот регион, где наряду с башкирами, татарами, мещеряками имеются сведения и о казахах. Помимо сочинений П.И. Рычкова, в отчетах участников различных экспедиций и посольств, направлявшихся в Среднюю Азию в XVIII – начале XIX в., встречаются тоже некоторые сведения о казахах.

Однако наиболее обстоятельно и достоверно, объемно и полноценно сведения о казахах содержатся именно в монографии А.И. Лёвшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». Как сам А.И. Лёвшин отмечал: «я желал сделать сочинение мое, <....> удовлетворительным для людей, ищущих в истории малоизвестного народа предметов для нравственных наблюдений, равно как и для чиновников, кои, подобно мне, по обязанностям службы будут находиться в сношениях с народом киргиз-казачьим»⁶¹. Некоторые

---

⁵⁸ Цит. по: Ерофеева И.В. А. И. Лёвшин и его труд «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей» // Лёвшин А.И. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996. С. 566.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Издание Оренбургского губернского статистического комитета /под ред. и примеч. Н.М. Гутьяра. Оренбург, 1896. 95 с.; Его же. Топография Оренбургская, то есть Обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч.1. СПб., 1762. 331 с.

⁶¹ Лёвшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 33.

материалы из монографии ученого, до выхода ее в свет отдельным изданием, печатались в виде статей в «Московском вестнике». Например, статья «Об имени киргиз-кайсаков и отличии их от подлинных, или диких, киргизов», где он подробно останавливается на этногенезе казахского этноса. Этот журнал издавался историком и литератором М. П. Погодиным. Но задуман он был А.С. Пушкиным и его московскими друзьями как орган «пушкинской литературной группы». Поэт стремился придать «Московскому вестнику» направление, отвечавшее самым насущным задачам общественного и литературного развития. Поэтому он лично очень деятельно заботился о собирании материалов для этого журнала. «Статья Лёвшина была ученым сочинением совсем иного рода: сугубо конкретным, хорошо написанным (недаром автор был почти профессиональным литератором!) и связанным с предметом, который представлял незаурядный общественный интерес. Привлекала она и своей оригинальностью, своим полемическим, почти сенсационным заголовком. Это была первая в отечественной науке печатная работа, специально посвященная вопросу об отличии киргизов от казахов»⁶².

Также в 1831 году по инициативе А.С. Пушкина еженедельная «Литературная газета», издаваемая поэтом А.А. Дельвигом, в двух номерах опубликовала «Этнографические известия о киргиз-кайсаках или киргиз-казачьих ордах» А.И. Лёвшина. В примечаниях к статьям от редакции отмечалось, что это «выписки из большого сочинения» А.И. Лёвшина, где живо и реалистично описывался неведомый суровый кочевой быт, поразительные нравы и обычаи. Редакция дала высокую оценку труду этнографа: «Почтенный автор долго путешествовал по Киргизской степи и собрал все возможные сведения о народе, кочующем по оной <...> и мы смело скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь знаменательные по своему предмету

---

⁶²Цит. по: Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963. С. 28-29.

и по образу воззрения сочинителя, и притом оживленные столь хорошим увлекающим слогом...»⁶³.

Внимание русской общественности к народам национальных окраин, к объективному рассказу очевидца о жизни и быте инонациональных этносов стало важной чертой времени и культуры. Возможно, это определило успех книги не только в России, но и за рубежом, в странах Европы. Читателя эпохи 20-30-х годов XIX века больше интересовали не романтические рассказы о народах национальных окраин, а достоверные сведения об отдельных регионах, ценилось умение автора отобразить во всей полноте культуру и быт и при этом сохранить эстетическую дистанцию между своим временем и историческим прошлым изучаемого народа, а также его гуманная, человеколюбивая позиция. Все это превосходно реализовал в своем труде А.И. Лёвшин, обстоятельно внося коррективы в поверхностное изображение кочевников, в излишнюю романтизацию быта казахов.

Монография состоит из трех томов: первый том посвящен описанию общих физико-географических характеристик казахских степей, во втором томе излагается история казахского народа с древнейших времен до начала XIX века, третий том содержит подробнейшее этнографическое описание казахов. Для филологической науки наибольший интерес представляет этнографическое описание инонационального этноса. И здесь стоит сказать об особом таланте писателя-этнографа, бытописателя национальных окраин России, об особой художественной манере А.И. Лёвшина: перед нами научно-художественное сочинение. Он представляет своеобразную этнографическую и художественную программу описания этноса, выделяет те аспекты, которые необходимы при характеристике народа, считая их важными в создании национального «лика». Среди них: численность народа, разделение на жузы, роды и племена, сословия, образ жизни, пища и питье, одежда, вероисповедание, праздники и обряды,

---

⁶³ Цит. по: Асанова Г. Научное наследие А.И. Левшина как первоклассный источник по истории казахской государственности // Электрон. научн. журн. «edu.e-history.Kz», 8(2). С. 41. URL: https://doi.org/10.51943/2710_3994_2021_26_2_36-51 (дата обращения 22.08.2022).

нравы, обычаи, поговорки и пословицы, способы врачевания, счисление времени, счет и мера и т.д., что представляет собой всестороннее изображение казахского этноса в реалистических художественных образах.

Этнографический материал представлен в «Описании...» в яркой художественной форме литературного произведения, с неизменным присутствием авторского мнения, философских размышлений и суждений. Например, рассказывая о кочевом виде хозяйственной деятельности казахов, Лёвшин подводит к мысли, что перевод казахов на оседлую жизнь и занятие земледелием может неблагоприятно сказаться на благосостоянии народа и ухудшит экономическое положение: «... при настоящем образе жизни в ныне занимаемых ими землях, не могут поселиться <...> чтобы они состояние богатых пастухов не меняли на состояние бедных земледельцев; и что самые степи их как будто нарочно созданы для кочевой жизни»⁶⁴, делая заключение при этом, что географическая степная местность способствует занятию именно кочевым скотоводством и, что «они имеют слишком мало мест способных к хлебопашеству...»⁶⁵. Там же описаны частные случаи из жизни казахского народа, этнограф называет имена реальных исторических личностей. В повествовании органично соединяется художественное начало с научно-этнографическим элементом исследования: историко-этнографическое описание находит воплощение в поэтической форме изложения.

Описывая казахский этнос, исследователь в определенной последовательности рассматривает жизнь казахов от их административного и политического устройства, до верований, обычаев и культуры. Сама логика расположения материала в работе помогает выявить особенности научного метода писателя-этнографа. Этнографическое описание состоит из семнадцати глав, раскрывающих образ жизни, нравы, обычаи казахов, их духовную и материальную культуру. Так, в главе 4 «Образ жизни», говоря об образе жизни

---

⁶⁴ Лёвшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С.301.

⁶⁵ Там же. С.302.

кайсаков, он пишет: «Вид целого народа пастушесствующего, <...> живущего исключительно для своих стад <...> простота и близость сего состояния к природе имеют много занимательного и пленительного для глаз романиста и поэта <...> глядя на киргизов, представлять себе беспечных пастухов счастливой Аркадии»⁶⁶. Кочевой уклад жизни Лёвшин считает «живой картиной времен патриархальных»⁶⁷, сходный с образом жизни других кочевых народов, однако у казахского народа он имеет свою специфику и отличия.

Свой исследовательский фокус ученый заостряет на жилище казахов. Это мобильная быстро и легко разбираемая и собираемая конструкция: «снимая и вновь разбирая таковую кибитку в полчаса времени, киргиз перевозит ее летом на верблюде туда, где находит для скота своего достаточный корм и воду»⁶⁸, и перекочевка с места на место для казаха не только не утомительна, но они видят «..в оных одно из первых удовольствий, и почитают себя счастливыми, что не привязаны к земле»⁶⁹.

В главе 6 – «Физические свойства» – ученый подробно описывает внешность казахов: черты лица, форму глаз, цвет волос, рост, телосложение. Помимо внешних данных, ученый особо подмечает их выносливость: «Пробыть день без питья и два без пищи совсем не тягостно для здорового киргиза».⁷⁰ Все это говорит о казахах, как о физически крепком народе, закаленном суровыми природными условиями. По мнению Лёвшина, умение держаться в седле, которым владели не только мужчины, но и женщины, достойно восхищения: «искусство ездить верхом, с самого младенчества, приобретаемое киргиз-казаками, составляет первое гимнастическое их достоинство. Они <...> рождаются на лошадях и с самими дикими из оных обращаются необыкновенно смело и ловко»⁷¹.

---

⁶⁶ Там же. С. 295.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 296.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 298.

⁷¹ Там же.

Упомянув о пище в главе 8, этнограф отмечает её простоту и неприхотливость, она состоит исключительно из продуктов скотоводства: мясо – баранье, лошадиное, козлиное, верблюжье. Из кислого молока делают *курт*, продукт, который спасает от голода в долгой дороге. Кумыс, напиток употребляемый казахами, не только утоляет жажду, но и считается лечебным. Пьют, в основном, его летом, он помогает при чахотке. Описывая одежду казахов, этнограф отмечает, что она у мужчин и женщин не имеет особых отличий и состоит из халатов, которые надеваются один на другой и изготавливаются из разных тканей: парча, бархат, тафта, шелк. Головные уборы украшаются выдровым и бобровым мехом, золотыми и серебряными бляхами. «К полному одеянию их принадлежит и конский убор <...> сделанный из серебра и золота, украшенный камнями (бирюзой, сердоликом), и такой же нарядный, как и одежда самого казаха»⁷².

Говоря о вероисповедании в главе 10 – «Вера и суеверие», писатель утверждает, что трудно считать казахов мусульманами в «чистом виде», что языческие ритуалы тоже присутствуют в жизни. «Все они вообще имеют понятие о высочайшем существе, сотворившим мир, но они поклоняются ему по законам Корана, другие смешивают учение исламизма с остатками древнего идолопоклонства, третьи думают, что кроме божества благого, пекущегося о счастье людей и называемого ими *худай*, есть злой дух, или шайтан, источник зла»⁷³. Отсюда следует, что казахи – непоследовательные мусульмане, берут из ислама то, что им кажется приемлемым в кочевой жизни. Вместе с тем, Лёвшин отмечает присутствие в жизни суеверия, на нем же основывается и лечение некоторых болезней, когда применяются шаманские ритуалы для врачевания.

В главе 11 «Нравы» описываются черты характера казахского народа. Писатель говорит, что «они не изнежены, не слабы и не знают не только рабства, но и подданства», угрюмые «и не поддаются шумным веселостям», «легкомыслие и доверенность...суть черты, наиболее приближающие их к природе... киргизы

---

⁷² Там же. С. 310.

⁷³ Там же. С. 313.

доверчивее прочих жителей Азии, потому, что не живут под игмом деспотизма».⁷⁴ Казахи не избалованы роскошью, все их богатство заключено в табунах и стадах. В доказательство автор приводит слова одного из казахов: «Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает – они мои, и всякий говорит, что я богат»⁷⁵.

У казахов трепетное отношение к Отечеству, к Родине при том, что они не привязаны к определенной местности. Это определяется их кочевым образом жизни: месторасположение может меняться от времени года и от пастбищных угодий для скота. Однако родная земля для них священна. А.И. Лёвшин пишет: «Благоразумнейшие из них очень чувствуют, что безначалие и раздоры долго еще не позволят им наслаждаться благоденствием народным, но все хотят лучше терпеть, нежели оставить те места, на которых родились и выросли, тот образ жизни, к которому привыкли»⁷⁶. Привязанность к родным корням, к родной земле, следование традициям и обычаям являются характерными чертами казахского этноса.

В 13 главе монографии А.И. Лёвшин говорит о просвещении народа, о народной медицине и о музыкальной культуре казахов, приводит примеры лирических песен.

Важная составляющая в создании национального «лика» казахов – их образование и культура. Лёвшин отмечает: «Знания по астрологии и метеорологии, знания движения небесных светил помогают им ночью безошибочно найти путь без дорог и тропинок и определить время, «он смотрит на небо, как европеец на карманные часы», «а расстояние меряют временем, зрением и слухом»⁷⁷. Писатель убежден, что в этом кочевой народ в силу сложившихся привычек и традиции ничуть не уступает цивилизованным европейцам.

---

⁷⁴ Там же. С.322.

⁷⁵ Там же. С.327.

⁷⁶ Там же. С. 327.

⁷⁷ Там же. С. 345.

Обычаями и обрядами регламентирована вся жизнь казахов от рождения до смерти. Обратим внимание на важную мысль этнографа, что «обычай и обряды народа составляют часть нравственности его»⁷⁸. Говоря об обычаях казахов, следует сказать, что все важные моменты жизни человека: рождение, выбор имени ребенка, воспитание, свадьба, погребения и поминки – все строго регламентировано традициями. Все обычаи, как правило, сопровождаются празднествами. Во время праздников организуются скачки, стрельба из лука, борьба. Описывая их проведение, этнограф подчеркивает единство самого народа, социальное, возрастное и духовное равенство всех его участников. В работе красочно описаны ритуалы свадебных торжеств и поминок, сватовства, рождения детей, обычаи приема гостей.

Интересно и наблюдение Лёвшина о фольклоре казахов. Исследователь пишет о сходстве сюжетов казахских сказок с европейскими рыцарскими романами XII–XIII вв., «исполненные чудес, волшебства и убийств <....> Герои ездят по степям искать приключений, сражаются с колдунами, богатырями»⁷⁹.

А.И. Лёвшин, описывая музыку и поэзию казахов, обращает внимание на их импровизаторское искусство: «это обстоятельство делает их чрезвычайно занимательными и разнообразит увеселения поющих».⁸⁰ Народные певцы «прославляют подвиги своих героев, описывают природу и поют про любовь. Слова сих песен редко выучиваются и никогда почти не переходят в неизменном виде от одного к другому, но всякий сам сочиняет их, всякий киргиз импровизатор и по- своему выражает происшествие, мысли и чувства, мешая их с изображениями встречающихся глазам предметов»⁸¹. А «красноречивые рассказчики умеют украшать повесть уподоблениями и природе подражающими словами: они голосами изображают крики разных животных, дополняют описания

---

⁷⁸ Там же. С. 332.

⁷⁹ Лёвшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 346.

⁸⁰ Там же. С. 344.

⁸¹ Там же. С. 352.

телодвижениями»⁸². Импровизаторское искусство казахов выражается также в так называемых «песенных дуэлях», где поющие разделяются на две группы (мужчины и женщины) или дуэты. Где «женщины в песнях выражают преимущества своего пола и жалобы на мужчин, мужчины, в свою очередь, оправдываются, выхваляют себя и описывают прелести любви»⁸³.

У Лёвшина свой особый взгляд на казахский этнос и, если говорить словами Ощепкова А.Р., инациональный этнос показан у него «как объект заинтересованного и благожелательного наблюдения и изучения, а в некоторых отношениях и как образец для подражания»⁸⁴. В это время в России отношение к кочевникам приобрело окраску попечительской заботы о своих «дикарях» с характерной установкой на их «охранение» и просвещение, она брала на себя роль просвещающего и воспитывающего наставника, направленного на искоренение тех качеств казахов, которые в представлении имперской власти ассоциировались с дикостью как стадией развития общества: «диких нравов» кочевников, их своевольного характера, невежества, неэффективной системы управления и общественного устройства, самого кочевого образа жизни. Однако Лёвшин проявляет меньшую категоричность в оценке казахов-кочевников, которых традиционно рассматривали как «дикое» племя. Ему удалось рассмотреть в инациональном образе, в образе «чужого» проявления общечеловеческого понимания мироустройства, основанного на разнообразии форм человеческого существования.

Подробно рассмотрев третий том работы писателя-этнографа, можно сделать вывод об особенностях подхода ученого к описанию инационального этноса. Следует признать, что монография А.И. Лёвшина многогранное и всеобъемлющее исследование по своему содержанию и структуре, по своему подходу в описании этноса, по затрагиваемым вопросам и проблемам. Подход А.И. Лёвшина в описании казахского этноса сопровождался переоценкой

---

⁸² Там же. С. 353.

⁸³ Там же. С. 345.

⁸⁴ Ощепков А. Р. Образ России во французской литературе XIX в.: дисс. .... д-ра филол. наук. М., 2011. 410 с.

прежнего подхода к народам Азии. Последователь Ж.Ж. Руссо, современник Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, этнограф поднимал в своей монографии важные вопросы. Так, вопрос о соотношении литературы и истории был очень актуальным, поскольку писатель выступал в литературе и как автор беллетристических произведений, и как автор научных исторических трудов. В связи с этим он старался дать всестороннее описание этносу, способное расширить горизонты науки и способствовать осознанию русским обществом реальных проблем социально-экономического и культурного развития национальных окраин.

Древнейшая кочевая культура, патриархально-родовой строй, аскетизм и натуралистичность бытового уклада привлекали внимание многих исследователей. Несмотря на существовавший в мировой и европейской науке того времени стереотип, согласно которому кочевники воспринимались как дикий и непросвещенный народ, А.И. Лёвшин в своей монографии стремился понять внутренний мир народа – его духовное состояние, национальный характер и культурную специфику. Подробное описание быта, нравов, обычаев и хозяйственной деятельности позволило автору не просто представить этнографический материал, но раскрыть национально-культурное своеобразие казахов.

Лёвшин не ограничился сбором обширных сведений о казахском народе – он расположил их в строгой последовательности, что позволило выявить особенности его научного метода как писателя-этнографа. Описывая казахский этнос, исследователь движется от общего к частному: сначала знакомит читателя с административным устройством, затем переходит к физическим особенностям, образу жизни, уровню образования, религиозным воззрениям, культуре и фольклору. Такая композиционная стратегия способствует постепенному раскрытию национального «лика» народа.

Таким образом, исследование А.И. Лёвшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» является ярким, всеобъемлющим художественно-научным трудом, значимость которого трудно переоценить.

2.4. Этнографические повести писателей-романтиков 1830-х годов

(А.А. Бестужев-Марлинский, Е.А. Ган, Н.А. Дурова, В.А. Ушаков)

Время возникновения и расцвета романтизма как литературного направления – конец XVIII и первая треть XIX века. Глубокое толкование романтической поэтики, романтического взгляда на мир, противопоставление действительности и мечты, того, что есть, и того, что возможно, – это самое существенное в романтизме, определяющее его глубинный пафос. Реальной, отвергаемой им действительности романтизм всегда противопоставляет другую, «высшую», поэтическую действительность. Антитеза «мечта – действительность» становится у романтиков конструктивной, она организует художественный мир романтика, становится для него одновременно и важнейшим идеологическим, и важнейшим эстетическим принципом. Отрицание сущего, реально данного – и в мире материальном, и в мире духовном – является социально-мировоззренческой предпосылкой романтизма как особого литературного направления. Романтизм отталкивался от реально данной действительности, отталкивался от многих господствовавших в эпоху Просвещения понятий и идей, отталкивался от господствовавших литературных (классицистических) теорий и традиций.

Отстранение от мира, данного в реальности, порождает в произведениях романтиков качественно нового героя. Это герой, находящийся во враждебных отношениях с окружающим обществом, противопоставленный прозе жизни, «толпе». Это человек внебытовой, необыкновенный, чаще всего одинокий и трагический. Из романтического отрицания «мира сего» вытекает и стремление поэтов-романтиков ко всему необычайному и экзотическому – ко всему тому, что выходит и выводит за пределы отвергаемой каждодневной реальности. Романтиков влечет к себе не близкое, а отдаленное. Все дальнее – во времени и в пространстве – становится для них синонимом поэтического. Все романтики, по

словам Г. Поспелова⁸⁵, «искали свой романтический идеал за пределами окружающей их реальной действительности, все они так или иначе противопоставляли «презираемому здесь» – «неопределенное и таинственное там». Жуковский искал свое «там» в потустороннем мире, Пушкин и Лермонтов – в вольной, воинственной или патриархальной жизни нецивилизованных народов, Рылеев и Кюхельбекер – в героических, тираноборческих подвигах древности»⁸⁶. Поэты и писатели тяготели к истории, охотно пользовались в своих произведениях историческим материалом. История была для них «там», а не «здесь». Обращаясь к истории, романтики видели в ней основы национальной культуры, глубинные ее источники. Существенным и подлинным для них был не столько сам исторический факт, сколько поэтическое толкование факта, не историческая действительность, а историческое и поэтическое предание.

В первой трети XIX века романтическая повесть в русской литературе занимает особое положение. Как писал А. Григорьев: «Романтизм, притом наш, русский, в наши самобытные формы выработавшийся и отлившийся, романтизм был не простым литературным, а жизненным явлением, целую эпохой морального развития, эпохой, имевшей свой особенный цвет, проводившей в жизни особое воззрение...»⁸⁷. В романтической повести отразилась общественная жизнь на самых разных ее уровнях – от светского салона до купеческих палат. Белинский обозначил русскую романтическую повесть формой времени, выразившей идеи времени. Время наивысшего расцвета романтической повести приходится на 30-е годы XIX в.

Повести писателей-романтиков 1830-х гг.: «Мулла-Нур» А.А. Бестужева-Марлинского, «Утбалла» Е.А. Ган, «Серный ключ» Н.А. Дуровой, «Киргизкайсак» В.А. Ушакова, написанные в романтическом русле, привлекают внимание воплощением не только романтических коллизий, переживаний, конфликта, но и тем, что главными героями этих повестей выступают представители

---

⁸⁵ Поспелов Г. Может ли быть романтизм без романтики? // Вопросы литературы. 1964. № 9. С. 116.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 233-234.

инонационального этноса⁸⁸. Включение в ткань повествования этнографических элементов, описания образа жизни, быта, традиций, обычаев, фольклора и мифологии представителей различных этносов, населяющих национальные окраины России, позволяют характеризовать эти произведения как этнографические повести.

2.4.1. Южные окраины России в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского

Одним из крупных писателей-романтиков 1830-х гг. был А.А. Бестужев-Марлинский, в творчестве которого, особенно кавказского периода, отразились тенденции к этнографическому описанию образа жизни, обычаев и традиций инонационального этноса. Александр Александрович Бестужев, взявший себе псевдоним «Марлинский», известен в русской литературе первой половины XIX века как декабрист, поэт, переводчик и критик. Он переводит отрывки из «Мизантропа» Мольера и «Метаморфоз» Овидия. Большую известность приносят критические статьи о переводе П.А. Катениным трагедии Расина «Эсфирь» и о «Липецких водах» Шаховского, помещенные в «Сыне Отечества».

Будучи в составе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, он знакомится и заводит дружбу с Дельвигом, Баратынским, Рылеевым, Вяземским, переписывается с Пушкиным. В жанре путешествий публикует «Поездку в Ревель», в которой отразились его прибалтийские впечатления. В это же время эстетические вкусы писателя обращаются к романтизму. Бестужев видит в нем тематическое и содержательное раскрепощение литературы от старых образцов. Вместе с Рылеевым он издает альманах «Полярная звезда», который сыграл огромную роль в пропаганде декабристских идей. На страницах альманаха Бестужев ратовал за национальную

---

⁸⁸ См.: Аристангалиева Н. Б. «Этнографический романтизм» в повестях Н.А. Дуровой «Серный ключ» и Е.А. Ган «Утбалла» / Н. Б. Аристангалиева // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 5 (33). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.13.>; Аристангалиева Н.Б. Кавказ в этнографической прозе А.А. Бестужева-Марлинского // Сб. научных трудов. Саратов, 2023. Вып. 9. / под ред. проф. Т.Д. Беловой, А.Л. Фокеева. С. 3-9.

самобытность литературы, ее прочную связь с политическими идеями современности, за романтизм, означавший для него свободу человеческого духа, полноту и естественность выражения чувств. В историческом прошлом, по мнению Бестужева, заключаются истоки национального характера. Произведения этого времени («Михаил Тверской», «Роман и Ольга», «Изменник», «Ревельский турнир» и др.) написаны в духе романтического историзма и являются примером свободолюбия в эпоху общественного подъема. Бестужев считает, что содержание литературных произведений должны составлять национально-патриотические и гражданские идеи. Эти же идеи 14 декабря 1825 года подвигнут его к агитации Московского полка на Сенатской площади.

Как сама жизнь, так и творчество Бестужева разделится после подавления восстания на два жизненно значимых отрезка: до восстания – жизнь на родине и творчество, отличающееся осуждением деспотизма, свободолюбием и гражданственностью, а после – жизнь в ссылке (сначала в Сибири, а потом на Кавказе). В этот период, характеризующийся философскими размышлениями писателя о человеческом бытии, он создает очерки, письма, рассказы и повести о быте, нравах и обычаях окружающих его инонациональных этносов. Это время глубоких раздумий, непрестанной работы ума, большого литературного труда, а главное, это годы постижения действительности, пристального изучения народа и определенного сближения с ним.

В якутской ссылке Бестужев пишет статью «О романтизме», в которой ставит важнейшие философские вопросы, такие как отношения бытия и мышления, возможности и действительности. Бестужев признает существование объективного, независимого от воли человека мира. Философия искусства, по мнению Бестужева, познание истины двумя средствами, «...первое, весьма ограниченное, – *опыт*, другое, беспредельное, – воображение». Не умаляя значение опыта, Бестужев выделяет приоритет воображения в процессе художественного познания мира и человека. Оно обеспечивает наиболее полное постижение истины в ее бесконечности: «Опыт постигает вещи, каковы они суть или каковы быть должны, воображение творит их в себе, каковы они *быть*

могут, и потому условия первого – необходимость, границы его – *мир* – но условия второго – *возможность*, и оно беспредельно, как сама вселенная»⁸⁹. Проблема идеала, как типичное и родовое свойство романтизма, станет определяющей в творчестве Бестужева. Именно следуя этой эстетике, он воплотит в своих кавказских произведениях художественные образы, основываясь на правдивых, достоверных источниках, на «опытах», а «воображение» поможет ему постигнуть психологию инонационального этноса, увидеть «национальный лик» народов Кавказа.

Жизнь и творчество А.А. Бестужева-Марлинского стали предметом изучения многих исследователей. Известны монографии Н. Котляровского «А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский» (1907), М.П. Алексеева «Этюды о Марлинском» (1928), В.Г. Базанова «Очерки декабристкой литературы» (1953), Ф.З. Кануновой «Эстетика русской романтической повести» (1973), «Кавказские повести А.А. Бестужева-Марлинского» (1995). В этих работах исследователями использован обширный биографический и эпистолярный материал, были введены в научный оборот важнейшие документы о Бестужеве, собраны и систематизированы сведения о жизни и творчестве писателя, исследованы исторические, этнографические, фольклорные источники его произведений. Из современных исследователей творчества Бестужева можно отметить Л.А. Нурбагандову, З.И. Гасанову, Л.А. Эмирову. Так, Л.А. Нурбагандова в своей работе изучает кавказскую публицистику и художественные произведения Бестужева, отмечает «преобладание реалистического взгляда на Кавказ и его народности».⁹⁰ Л.А. Эмирова и З.И. Гасанова в своих исследованиях речь ведут о сущности русского и горского менталитетов в историческом и культурологическом аспектах на примере творчества Бестужева⁹¹.

---

⁸⁹ Бестужев-Марлинский А.А. О романтизме. // Бестужев-Марлинский А.А. Собр. соч. М., 1981. Т. 2. С. 465-470.

⁹⁰ Нурбагандова Л.А. Кавказская публицистика А.А.Бестужева-Марлинского: дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала. 2008, 146 с.

⁹¹ Эмирова Л.А. Кавказская проза А.А. Бестужева-Марлинского проблемы русского менталитета в евразийском диалоге культур: дисс. .... канд. филол. наук. Махачкала. 2002, 175 с.;

По ходатайству А.С. Грибоедова Бестужев из сибирской ссылки был переведен в действующую армию на Кавказе. Там он проведет восемь лет, четыре из них в городе на берегу Каспия – Дербенте. Все исследователи подчеркивают значимость этого периода в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского. Из более чем тридцати произведений, написанных писателем после 1825 г., почти половина посвящена Кавказу.

Кавказ поразил Бестужева своей неповторимой природой, грозной и одновременно притягательно-завораживающей. Вот как отзывается Бестужев о ней: «Баловни судьбы, поклонники суеты светской, есть ли в ваших галереях такие картины, в ваших дворцах такие сокровища, в вашем быту такие наслаждения? <...> О, придите, приезжайте сюда, полюбуйтесь на эти горы, упейтесь воздухом этих долин, отведайте хотя бы раз природы ....»⁹².

Еще находясь в ссылке в Якутске, он изучал обычаи и языки местных народов, а попав на Кавказ, продолжает свои этнографические исследования. Бестужев писал: «Мы жалуемся, что у нас нет порядочных сведений о народах Кавказа <...> между тем никакой край мира не может столь нов для философа, для историка, для романтика»⁹³. Кавказ увлечет писателя не только своей природой, но и самобытностью и неповторимостью нравов, обычаев, традиций. Он начинает изучать язык горцев (азербайджанский), овладеет им настолько хорошо, что сможет тесно общаться с горцами. Знание языка поможет в познании истории, культуры, традиций и обычаев горцев. Этот период творчества Бестужева станет самым плодотворным. Он создаст здесь очерки и повести, в которых будет представлена реальная действительность Кавказа.

Некоторые исследователи творчества Бестужева относят кавказские повести к ориентальной литературе, или как до недавнего времени говорили – жанру «восточной» повести, который развивался во многом благодаря переводу

Гасанова З.И. Кавказский горский менталитет в изображении русской литературы XIX века: дисс. канд. филол. наук. Махачкала. 2009, 177 с.

⁹² Бестужев-Марлинский А. А. Переезд от с.Топчи в Куткаши // Бестужев-Марлинский А. А. Собр. соч. М., 1958. Т. 2. С. 221.

⁹³ Бестужев-Марлинский А.А. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев // Бестужев-Марлинский. Собр. соч. М., 1958. Т. 2. С. 299.

«1001ночи». Восточные мотивы в произведениях русских писателей появились еще в XVIII в. под влиянием западноевропейской переводной литературы, с одной стороны, а с другой – благодаря переводам с языка оригинала на русский язык. С «восточной повестью» связаны имена М. Хераскова («Золотой прут»), И. Крылова («Каиб»), П. Львова, Ф. Глинки и др.

Специфическое географическое положение России – между Западом и Востоком – наложило свой отпечаток на литературное движение эпохи. «Россия, занимающая положение между двумя культурами и органически сплотившая лучшие достижения обеих, была промежуточным звеном, посредником»⁹⁴. В русской концепции Востока прослеживаются две тенденции: западная, заимствованная, и собственная, связанная с национальными обстоятельствами. «В рамках русского ориентального дискурса был актуализирован историософский вопрос о месте России и русской культуры в западно-восточной дихотомии, вследствие чего географическая близость восточных стран (и, что более важно, включенность восточных народов в состав Российской империи) была осмыслена как основательное отличие русского ориентализма от западноевропейского»⁹⁵.

Первоначальные абстрактно-книжные знания ориентализма А.А. Бестужева-Марлинского сменились познанием реального Востока, изучением восточных (персидского и азербайджанского) языков и литературы. Писатель, как теоретик и критик, изложил роль и значение восточной литературы в истории и развитии европейского и русского романтизма в рецензии «О романе Н. Полевого: Клятва при гробе господнем»⁹⁶. В своих кавказских произведениях Бестужев неоднократно обращается к персидской классике, к персидскому стиху – газелям Хафиза и назиданиям Саади, и в лице поэтов пушкинской эпохи в будущем появится художественный феномен органичного сплава двух разнонациональных поэтических систем, своеобразная «двунациональность

⁹⁴ Рахманов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. Душанбе, 2020. С. 18.

⁹⁵ Алексеев П.В. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования. // Филология и человек. 2013. №4. С. 18-25.

⁹⁶ Бестужев-Марлинский А. А. Стихотворения и полемические статьи // Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Ч. 11. С. 245-351.

самого художественного видения мира», которая будет известна как «западно-восточный литературный синтез»⁹⁷. У истоков этого явления стоял А.С. Пушкин. Многие русские писатели начала XIX века внесли свой вклад в синтез двух культур: это и восточные повести О.И. Сенковского, и кавказская романтическая проза, и стихи на восточную тему, и опосредованные переводы из восточного (персидского языка) А.А. Бестужева-Марлинского.

Впечатления от суровых картин природы и первого знакомства с воинственными жителями Кавказа, с жизнью и бытом, традициями и обычаями кавказских народов А.А. Бестужев-Марлинский описал в путевых очерках «Путь до города Кубы» (1836), «Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты» (1834), «Последняя станция к старой Шамахе» (1834), «Переезд от с. Тоги в Куткаши» (1834), «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы» (1835), «Письма из Дагестана» (1832). В.И. Кулешов во вступительной статье к собранию сочинений в двух томах⁹⁸, отмечает, что «Бестужев изучает Кавказ досконально, создает ценную очерковую литературу о нем, изобилующую реальными наблюдениями над бытом и нравами горцев».

Трагические и реальные истории из жизни народов Кавказа писатель излагает в кавказских повестях «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур». Но наиболее ярко этнографизм проявился в изображении инонационального этноса в повести «Мулла-Нур».

Исследователь В.Г. Базанов относил эти повести к этнографической прозе декабристов, отмечая их обращение к этнографии народов национальных окраин: ведь декабристам приходилось соприкасаться с инонациональным этносом в ссылках (Сибирь, Кавказ). Интерес к инонациональным этносам исследователь объясняет самой идеей декабризма: «Бестужев – знаток Кавказа <...> через фольклор, через этнографию он стремился понять истинную физиономию народа,

---

⁹⁷ Рахманов Б.Р. Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода). Душанбе, 2016. С.152.

⁹⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Повести. Рассказы // Бестужев-Марлинский А. А. Собр. соч. М., 1981. Т. 1. С. 26.

его потребности, его живую историю. Бестужев не просто писатель-этнограф: он писатель с политической программой, практик декабристского народознания, рассматривающий быт и этнографию Кавказа в свете общих идей декабристов»⁹⁹. Рассматривая естественного человека глазами европейца «от «Аммалата-бека» к «Мулла-Нуру», он идет по пути формирования диалога между характерами, временами, вероисповеданиями и культурами»¹⁰⁰.

Кавказские повести А.А. Бестужева-Марлинского в этом отношении отличаются скрупулезной точностью в описании национальных отличий. По словам В. Гусева, «романтизм его психологически нередко есть реализм: Бестужев описывает то, что реально видел и что реально с ним было <...> Описания его, как правило, точны и добросовестны, его деятельный дух, натура с любовью обращалась к жизни, этносу, природе каждого народа, в среду которого закидывала его фортуна; его живой разум <...> цепко схватывали факты <...> он, как и следует романтику, глубоко ценил народное, национальное начало в литературе и <...> быстро умел схватить изнутри дух каждой национальности и ее легенд, всего фольклора ...»¹⁰¹. Кавказское творчество Бестужева – это движение «от вымысла ко все более глубокому проникновению» и изображению реальности, и «психологизм как художественный принцип во многом обязан своим становлением и развитием в русской прозе Бестужеву и, в частности, его циклу кавказских произведений»¹⁰².

Писатель в произведениях представил реальные исторические события, но основу повестей А.А. Бестужева-Марлинского составляют легенды и были, отображающие эти события: оборона Дербента во время восстания Кази-муллы, исторические лица (генерал Ермолов, Мулла-Нур, Султан-Ахмет-хан). Писатель чаще всего описывает события, свидетелем которых он был сам. Для своего

---

⁹⁹ Базанов В. Очерки декабристской литературы. М., 1953. С. 453.

¹⁰⁰ Реслан. Г. Проблема восточного колорита в прозе А.А. Бестужева-Марлинского: дисс. .... канд. филол. наук. М., 2000. 129 с.

¹⁰¹ Гусев. В. Судьба А. Бестужева / Память и стиль. Современная советская литература и классическая традиция. М., 1981. С. 86-87.

¹⁰² Мустафина Р.М. Русская литература на Кавказскую тему в критике В.Г. Белинского: дис...канд. филол. наук. Баку, 1991. С. 18-19.

времени Бестужев был крупным знатоком истории, этнографии и фольклора кавказских народов, хорошо изучил Кавказ, и в своих произведениях широко использовал фольклорно-этнографические материалы.

Сам писатель отмечает важность знаний о Кавказе в плане изучения нравов: «... для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев»¹⁰³. Определив этнографию как науку, изучающую народные нравы, обычаи и привычки, Бестужев подчеркивает сложность изучения Кавказа, где каждое племя имеет «отличный язык, особые поверия».

Таким образом, Бестужев одним из первых указал на важность языкового и фольклорного материала для этнографических и исторических построений. Он как прогрессивный человек своего времени отчетливо понимал, что включение в культурное, экономическое, политическое пространство России Кавказа невозможно без его детального, точного этнографического изучения и описания.

Повесть «Мулла-Нур» создана на реально-исторической и фольклорной основе и выделяется по насыщенности этнографическими элементами, по обилию описаний быта, традиций, обычаев, внешнего вида жителей Дербента. При этом в ткань произведений они вводятся органично, дополняя образ героя, либо характеризуя обстановку, в которой происходит действие. Бестужев в очерке «Путь до города Кубы» писал о том, что ему «прожужжали уши про Мулла-Нура». Историю о легендарном разбойнике Мулла-Нуре, действовавшем в районе Тенгирского ущелья, который собирал деньги и зерно с проезжавших ущельем богачей и раздавал их беднякам, Бестужев услышал по дороге на новое место службы – в Ацалцах.

О разбойнике по имени Мулла-Нур упоминает также В.И. Даль в своем очерке «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих». Даль пишет: «В это время

---

¹⁰³ Бестужев-Марлинский А.А. Рассказ офицера, бывшего в плену // Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Ч.10. С. 10-11.

в тех местах на большом пространстве славился известный разбойник Мулла-Нур, смелость его и неустрашимость были ведомы всякому, и его боялись»¹⁰⁴.

В повести ярко представлены картины жизни города Дербента: показан дом дербентского жителя, базар в жаркий полдень, лавки купцов, мастерская ювелира-ремесленника, собрание народа в Джума-мечети, народные празднества, мистерия в честь святых Али и Гусейна. Подробно описаны обычаи, домашняя утварь, одежда, предметы быта. В повести появляются представители различных социальных слоев: разорившиеся беки, муллы, старейшины, жители города, окрестные крестьяне, нищие, русские солдаты, разбойники, безымянные торговцы ветошью, купцы, полицмейстер Кала-бек, русский комендант.

Также в повести описываются хозяйственные занятия жителей, своеобразный порядок управления под началом русского коменданта, народные легенды о возникновении города Дербента. Представлена галерея образов – разбойник Мулла-Нур и его сподвижники, юноша Искандер-бек, шутник Гаджи-Юсуф, святоша Фетхали, мулла Садек, мастер Джафар, юная Кичкине, тетушка Адже-ханум, крестьянин лезгин Аграим, толстяк дербентец Гусейн, сухопарый Ферзали, жена Муллы-Нура – Гюльшади другие персонажи. Картины жизни Дербента, разнообразные люди – все это образует пеструю панораму жизни народа. Вся повесть проникнута поэзией народного быта.

Описывая в повести «Мулла-Нур» быт, нравы и этнографию горцев, Бестужев далек от идеализации кавказских обычаев, нередко он высмеивает местные социальные предрассудки и суеверия.

Повесть начинается с описания обстановки в городе: в Дербенте засуха, которая грозит голодом и нищетой, и жители города надеются на долгожданный дождь: «Грустно раздаётся намаз, будто поминки по ясном дне, отлетевшем в вечность.

– Жарко, душно в Дербенте! Взойди-ка на кровлю, Касим; посмотри, как падает за горы солнышко: не краснеет ли запад, не собираются ли тучи на небе?

---

¹⁰⁴ Даль В.И. Рассказ лезгинца Асана. // В.И. Даль. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1897. Т. 2. С. 169.

– Нет, ами (дядя)! Запад голубее глаз моей сестрицы. Солнце упало ярко, словно "золотой цвет" на ее груди. Ни один взор его не гаснет в тумане.

Ночь распахнула звездистый веер свой. Темно.

– Взойди-ка на кровлю, Касим; присмотрись, не канет ли капель росы с молодого рога май-месяца, не прячется ли он в ночную радугу, как жемчужина в перламутровую раковину.

– Нет, ами! В чистой синеве плывет месяц; не слезы, а стрелы сыплет он на море! Кровли сухи, как степь Мугана; по ним весело бегают скорпионы: вещуют зной и на завтра!

– Беда без дождя! -- говорит старик дядя, засыпая; а город уже спит».

А утром снова:

– Взбеги на кровлю, Касим; погляди, не катится ли туман с гор Лезгистана. Не чернеет ли море, не скачет ли белогривый прибой через камни?

– Нет, ами! Горы облиты божьей позолотой; море сверкает будто зеркало. Флаг на крепости Нарын-Кале обнял древко, как обнимает чадра стан красавицы. Ни одна волна не рассыплется жемчугом на берег; ни малейший ветерок не завьет в кудри пыли по дороге. Смирно все на море, тихо все на земле, ясно на небе!»¹⁰⁵.

Троекратный повтор вопроса-ответа настраивает на восточный лирический тон, и с первых строк повести читатель окунается в атмосферу быта инационального этноса – горцев. Прежде чем перейти к главной теме, к изображению Мулла-Нура, Бестужев дает подробнейшее поэтическое описание религиозного обряда во время засухи: в мечети, где мусульмане слушают речь имама, выбирают самого чистого душою юношу – Искандер-бека – и посылают его со своей молитвою на вершину горы Шах-даг, чтобы набрать священного снега и принести его в Дербент для умиротворения моря. И как по мановению волшебной палочки на город обрушивается долгожданный дождь, принесший благодатную влагу на поля¹⁰⁶: «И, говорят, прыснуло море о камни, когда

¹⁰⁵ Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести // Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. СПб., 1839. Ч. 9. С. 7-8.

¹⁰⁶ Бестужев замечает, что не может объяснить, каким образом это произошло: «Предоставляю судить господам философам и естествознателям, явилась ли в этом призванном

благословенная вода пролилась в его лоно. Прыснуло и зашумело глухо. И черные тучи покатались с гор Табасаранских, как будто в раздумье налегли на край Дербентского угория <....> Грянул далекий гром, горное эхо проснулось из мертвого сна, окрестность загудела под вихрем <....> и дождь проливной зашумел, напоая обильными струями исчахнувшую землю, освежая раскаленный зноем воздух. < .... > Восклицаниям и молитвам не было конца! Все обнимали, все поздравляли друг друга»¹⁰⁷.

В повести две сюжетные линии: одна основная, связанная с любовью Искандер-бека, прекрасного, нравственного, мужественного юноши к очаровательной «с черными, как смоль косами» Кичкене. Но на пути у возлюбленных множество препятствий в виде сословных и религиозных предрассудков. В решительный момент борьбы за личное счастье Искандер-беку помогает знаменитый разбойник Мулла-Нур. Обязанный Искандер-беку жизнью, Мулла-Нур выручает его из беды и ускоряет счастливую развязку повести. Вторая сюжетная линия связана с Мулла-Нуром, она носит незавершенный характер и повествует о судьбе благородного разбойника, о его жизненной философии.

Помимо основной сюжетной линии в повести множество этнографических зарисовок, иногда носящих форму справочного материала, и объясняющих обычаи и порядки горцев. Так, например, обряду вызывания дождя (выливание священной снежной воды с вершины Шах-дага в море) предшествуют не только религиозные, но и языческие ритуалы: «Принялись за языческие поверья. Мальчики расстилали платки на перекрестках и собирали с проходящих деньги на воск, да розовую воду; и потом, обвязав ветвями хорошенького, как ангел, мальчика, обвесив, разукрасив этот пук цветами и лентами, пробегали по улицам, напевая в лад песни в честь Гюдуля, вероятно бога рос и дождей»¹⁰⁸. И тут же приводит текст песни:

«Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!

дожде счастливая игра случая, или колдовство. Я просто рассказываю дело, которому был очевидцем».

¹⁰⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. ... Ч. 9. С. 184-185.

¹⁰⁸ Там же. С. 17.

Вослед тебя дождик идет!
 Встань, красавица, на ноги,
 Поди пополнить свой ковш»¹⁰⁹.

Народ, замечает писатель, привлекает во всех празднествах и религиозных действиях больше всего его обрядовая сторона.

Об обряде сватовства и женитьбы Бестужев говорит, что утверждение, будто мусульмане женятся, не зная друг друга, справедливо только в отношении к имущим классам, где брак является политической и экономической сделкой: «Не верьте, пожалуйста, господам, путешественникам по Востоку, будто все женитьбы мусульман совершаются так, что будущие супруги не видят и не знают друг друга. Это справедливо только в отношении к ханам, богатым купцам, людям власти или роскоши, которые на слух сватают или покупают себе жен»¹¹⁰. Неверно и представление о распространенности многоженства. «Многоженство, впрочем, кроме самых богачей, редко до невероятности!»¹¹¹. Далее следует описание обряда сватания и свадьбы: «Начинается дело расчетов. Тесть просит много каbinу (калым – Н.А.) за честь <...> Зять сбавляет, думая про себя о красоте. Наконец торг кончился: бьют по рукам. Часть каbinу по условию отдают вперед, и на эти деньги снаряжают приданое; остается сводить невесту с торжеством в баню, и на другой день к вечеру, когда все пожитки ее перенесены с музыкою в дом жениха, ее сажают на осла (пророческая выдумка) и под пологом везут в новое жилище, с кликами, с бубнами, с пальбою из ружей. Назавтра она уже супруга. Нет ни обручания, ни венчания. Мулла прочел молитву над условием брака: остальное в воле аллаха и мужа»¹¹².

Бестужев видел в народной поэзии средство для раскрытия психологии нравов народа. Он воспроизводит легенду о возникновении города Дербента, передающую и шутливо-ироническое отношение к родному городу ее жителей: «Бог построил горы, человек – города <...> Дербентцы судят свой город с гораздо

---

¹⁰⁹ Там же. С.18.

¹¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹¹ Там же. С. 76.

¹¹² Там же. С. 77.

большую справедливостью: они говорят, что их город построен чертом. Геркулес Персидского баснословия, Рустем, так отзубрил однажды бока своему завистнику, шайтану, что тот запросил: «Аман, аман!». К Рустему за час перед этим поступило прошение от поселян несчастной деревнишки, где сидит теперь Дербент, защитить их от горных набегов <...> «Кстати, – сказал Рустем черту, – ведь мне на тебе не ездить; смотри ж, собачий сын, чтобы к утру ты мне выстроил тут город со стенами и с башнями. Да станет Дербенд!» И стал Дербенд. Черт строил в потемках и торопливо; месил в своих лапах камни, дробил их, плевал на них, бросал дома один на другой, отбивал улицу по хвосту; к рассвету Дербент поднялся на ноги, но заря ахнула от изумления, взглянувши на него впервые: это был поток камней и грязи с трещинами вместо улиц, которых сам почтенный строитель не распутал бы среди белого дня. Все дома родились слепыми, все их черепы были расплюснуты адскою пятою, все они пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных-предлинных стен. Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешую домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море»¹¹³.

Однако сам Бестужев описывает город не без восхищения, не жалея эпитетов и сравнений: «Вид был прелестный: слева крепость Нарын-Кале ярко отделялась своими белыми зданиями и красноватыми башнями на зелени предгорий, а яркая зелень обнимала холмы, как фата грудь красавицы <....> справа играло море, как оживленное серебро <.....> жемчужная бахрома прибоя то обнажала, то покрывала опять взморье; два брига, как спящие киты, тихо зыбились на влажном поле»¹¹⁴.

Описание путешествия на вершину Шах-Дага сопровождается живописными пейзажами окрестных гор: «Скалы, обросшие многовечными деревьями < ..... > Огромные дубы, вырванные бурей из расщелин, лежали, истлевая у подножия. Великанские орешники, склонившись над ними, одевали их

---

¹¹³ Там же. С. 64-65.

¹¹⁴ Там же. С. 99.

ночную тенью, а широкие перевязи плюща, то перекидываясь по локтистым сучьям, то падая на землю, оплетали живыми кружевами подол этого плаща, будто сброшенного с плеч утеса. <...> Вода, сверкая по каменной чешуе, заставляла волноваться растения, подернувшие дно ее: казалось, катится каскадом зелени, а там вверху, где высокий уступ задвинул ущелье, через него низвергался луч потока, разлетающийся в глубине в дым и в пену, будто газовый шарф, затканый в узор битью и шелками по кайме своей. Дивная игра природы дала все цвета призмы порослям, детям влаги, оживляющим скалу, так, что ручей, играя светом солнца, переливался как прозрачная радуга накрест другой окаменелой радуги. Вверху его струйки, прядая через порог, белелись и веялись, будто страусовое перо, и, распыскиваясь о камни, играли снопами павлиньих перьев»¹¹⁵.

Так же подробно писатель описывает кавказские деревни и их жителей: «дагестанские поселяне живут очень опрятно; дома всегда в два яруса; построены где из нежженого кирпича, где из плетеной мазанки, но выбелены и снаружи и внутри. У одной стены – камин, выходящий углом; кругом комнаты в рост человека – лепной карниз, уставленный посудой; на полу, если не паласы, то очень чистые циновки, гасиль. Окон почти никогда нет, потому что все работы и беседы происходят на открытом воздухе, даже зимой»¹¹⁶.

Рассказывая о Дербенте, Бестужев упоминает о фонтанах, расположенных на дорогах, дарящих прохладу и утоляющих жажду: «Никогда я не миную придорожного фонтана в мусульманских краях без умиления и благодарности. Они выстроены с большими издержками, с немалыми трудами, в безлюдных степях и на безводных распутьях для утоления и омовения прохожих, и выстроены не казною, не обществом частных людей, но всегда кем-нибудь одним для общей пользы – «на помин души», или «по обету», как видно из надписей, врезанных на мраморной доске над бронзовыми трубами»¹¹⁷.

---

¹¹⁵ Там же. С.130-131.

¹¹⁶ Там же. С. 124-125.

¹¹⁷ Там же. С. 57.

Описывая восточные базары, писатель отмечает, что «по восточному обычаю, каждая лавка – вместе и рукодельня, где поет тетива шерстобоя, визжит пила ружейника, играет шило чеботаря и рядом с ткацким станком бречит молоточек кубичинца, насекающего дивные арабески на кинжалах»¹¹⁸.

Повесть «Мулла-Нур» характеризуется изобилием тропов в восточном стиле, особым поэтическим синтаксисом, яркой афористичностью: «Только бездна глухо рычала, точно тигр, когда пожрал свою жертву, щелкает языком, зарясь на новую, и лижет еще окровавленную морду»¹¹⁹. «Одна за другой облетели с неба звездочки, как поблеклые блески с бледно-голубой чадры ночи»¹²⁰, «Просветлело небо, как взор девственницы, и вот закипел восточный край моря, подобно заздравному кубку; солнце брызнуло лучами на горы...»¹²¹.

Этнографический окрас повести придают бытовые, иногда комические сравнения: «Клялся как ведьма на экзамене у сатаны»¹²², «Подул ветер, из Персии, жаркий, словно лисья шуба, и смахнул долой прелестное облачко»¹²³, «Яркая зелень обнимала холмы, как фата грудь красавицы»¹²⁴.

В тексте повести присутствует множество тюркизмов, которые естественно вписываются в речь героев. Объясняет значение слов Бестужев либо сразу же в тексте повести, либо в примечаниях. К каждой главе повести Бестужев подбирает эпиграф – это либо отрывки из стихов восточных поэтов, либо отрывки из Корана. Повесть изобилует афоризмами, которые вложены в уста Муллы-Нура: «Кто так сильно боится смерти, тот не достоин жизни»¹²⁵, «Трус умирает сто раз, храбрый однажды»¹²⁶, «Верь немногим, а берегись всех»¹²⁷.

---

¹¹⁸ Там же. С. 68.

¹¹⁹ Там же. С. 152.

¹²⁰ Там же. С. 164.

¹²¹ Там же. С. 164.

¹²² Там же. С. 142.

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 99.

¹²⁵ Там же. С. 147.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Повести и прозаические отрывки // Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. СПб., 1839. Ч. 12. С. 283.

Инонациональные образы героев – Искандер-бека, Мулла-Нура – представленные в романтическом духе, обладают всеми признаками исключительного, идеального героя – смелостью, храбростью, честностью, сочетают в себе как общечеловеческие, так и национальные черты характера. Неразрывная связь героев с народом подчеркивается Бестужевым описанием обычаев и традиций, которых они придерживаются. Мулла-Нура, хоть и изображен разбойником, но отличается от классического образа разбойника: на Кавказе он разбойник «по убеждению»: «Разбойник – самое занимательное лицо азиатских сказок и поэм, неизбежное лицо напутных анекдотов, и вообще весь быт его так плотно вкраплен в характер народа, его слава так заманчива, а неприступность гор и покровительство жителей, даже ханов, дает столько способов удачно и безнаказанно быть им <...> Непокорные горцы хищничают, вкрадываясь под личиною мирных; мирные делают то же под именем непокорных...»¹²⁸. На самом деле разбойник в Дагестане был бунтарем, защитником бедняка-крестьянина, грозой купцов, беков и ханов. Народ поэтизировал таких разбойников, он слагал песни и легенды об их смелости и благородстве, связывая с ними свою мечту о социальной справедливости и мести угнетателям. В народном сознании разбойник становился защитником интересов и свободы народа. Балагур Гаджи-Юсуфа говорит о нем: «Мулла-Нур большой шутник; если заметит у кого душа вынимается, вместе с червонцами, оберет до нитки; с иного, напротив, если ему взгляд по душе придет, не возьмет и рубля. У того потребует золота весом на две, на три пули: у другого серебряных монет сколько уложится на кинжал»¹²⁹.

Бестужев изображает Мулла-Нура в традициях народных легенд о благородных разбойниках. Такова сцена встречи Муллы-Нура с Искандер-беком. От народной сказки взят мотив победы молодого и прекрасного юноши над знаменитым разбойником, мотив их братания. Сначала идет своего рода испытание на выдержку и благородство. Оно выражается в традиционных

---

¹²⁸ Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. ... Ч. 9. С. 160.

¹²⁹ Там же. С. 105.

формулах: «Пускай же судьба решит, кому проехать этою дорогою, – возразил Мулла-Нур, – Стреляй!» «Стреляй ты – сказал Искандер – Я не прячусь за коня»¹³⁰.

Искандер-бек – отважный горец, решившийся побороться с природной стихией, покорив труднодоступную вершину Шах-даг, где не ступала нога человека. Сами жители Дербента о нем отзываются как о «розе среди цветов», «соколе между птиц»¹³¹. Бестужев так описывает Искандер-бека во время сражения за Дербент: «... догнать его было можно, обогнать никогда. Он, как серна, прыгал <...> метко метал смерть из своей винтовки и потом с диким воплем кидался на врагов, махая кинжалом ...»¹³², «... мой Искандер-бек в одном архалуке, с засученными рукавами, опершись, на винтовку; он был живописен, он был гневно-прекрасен тогда»¹³³. Получив отказ опекуна Кичкене на предложение руки и сердца, он беснуется, не сдерживая гнева и обиды: «... какое бешенство обуяло Искандер-бека, когда ему слово в слово был передан насмешливый отказ. Наконец пена ярости скипела, и он затаил глубоко в сердце обманутую страсть свою и голодную ненависть»¹³⁴, «Искандер-бек неистовствовал: разбил вдребезги хрустальный кальян свой, выбросил за окно зеркало <...> Но потом азиатская природа передвоила все бурные чувства в тихий, медленный яд желания и мести. Он перебирал и отвергал все средства отмстить вероломному Фетхали ...»¹³⁵.

Оба героя выражают в себе как положительные, так и отрицательные черты горцев: благородство, храбрость, смелость, безудержность, мстительность, необузданность.

Эта повесть – синтез художественного и публицистического стилей, что нисколько не умаляет ее литературных достоинств. В ней просматривается традиционное клише русских романтиков: описать присоединение Россией Кавказа как важную часть борьбы европейской цивилизации против отсталого

---

¹³⁰ Там же. С. 150.

¹³¹ Там же. С. 37.

¹³² Там же. С. 51.

¹³³ Там же. С. 51-52.

¹³⁴ Там же. С. 83.

¹³⁵ Там же. С. 200-201.

Востока. Однако Бестужев одним из первых пришел к выводу, что европейские понятия о гуманности и справедливости и привычные европейцам нормы поведения абсолютно неприменимы в замкнутом мире Кавказа, местным народам они непонятны.

Рассматривая повесть с имагологической точки зрения, можно отметить, что изображение «чужого» и «чужой» жизни у Бестужева отличается от общепринятых на тот период представлений о народах Кавказа. Это позволяет утверждать, что категория «чужого» трансформируется в категорию «иноного», и в ряде случаев – даже приближается к образу «своего» (как в образах Аммалат-Бека, Мулла-Нура).

Пограничное положение между Востоком и Западом обусловило одну из ключевых особенностей русской литературы – её «протеизм» (В.Г. Белинский), то есть способность принимать разнообразные формы выражения, а также её «всемирную отзывчивость» (Ф.М. Достоевский), проявляющуюся в глубоком интересе к другим культурам и народам.

Расширение географических границ Российской империи за счет присоединения к ней «восточных» земель и связанные с этим процессом войны, философские споры о роли России в истории человечества и ее национальном самоопределении «между» Востоком и Западом – все это способствовало особому восприятию русской литературой южных окраин как геополитическому, философскому и эстетическому понятию, и, следовательно, к человеку Востока, несущему в своем характере многомерное сочетание привлекательного, интересного, близкого и непонятного, порой чуждого – национально-специфического. Доброжелательное стремление познать иной мир, иную культуру, найти точки соприкосновения и, приобщившись к глубине и сложности инонационального взгляда на мир, расширить границы собственного мировидения, – таким виделось Бестужеву понятие инонационального, которое было одним из проявлений народности, а проблема инонационального придавала романтической, а затем и реалистической теории народности особое, эстетически и философски перспективное направление. Бестужев шел по пути поэтического

«освоения» живого Востока с его конкретными реалиями и самобытными характерами. И на первое место выходит вопрос о постижении и художественном воплощении именно национальной специфики восточного мира и характера человека Востока – его образ мыслей, системы взглядов и способа восприятия окружающей действительности. Именно эти особенности определяют то вечное и непреходящее, что отличает один национальный мир от другого. У Бестужева образ «чужого» тесно связан с природной средой, в которой он существует: с «климатом» и «местностью». Это положение подтверждается словами Г. Гачева: «Первое, очевидное, что определяет лицо народа, – это природа»¹³⁶, поскольку «национальный образ мира есть диктат национальной (местной – *Н.А.*) природы в культуре»¹³⁷. Такой подход особенно уместен применительно к национальному характеру горца, так как народная философия Востока рассматривала человека как органичную, неотъемлемую часть природы и всего безграничного, божественного мира. Единый и неделимый мир, созданный и «опекаемый» Аллахом, включает в себя земную природу и человека, растворенного в ней.

Таким образом, природа предстаёт не как фон, на котором разворачивается действие, а как важный художественный способ постижения сущности инонационального характера, как одна из ключевых основ его концепции. Именно такой подход к изображению природы как инструменту понимания национальной специфики казался многим русским писателям наиболее верным и прямым путём к раскрытию особенностей восточного мира. Идея единства «восточного» человека и природы находит своё воплощение в системе художественных образов произведений – в их структуре, символике и логике сложных ассоциативных связей, что позволяет глубже передать специфику мировосприятия другого народа.

Горец у Бестужева предстаёт почти как «свой». Подтверждением этому – финальная встреча автора с Мулла-Нуром. На протяжении всей повести образ разбойника Мулла-Нура выстраивается как образ благородного отступника,

---

¹³⁶ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. С. 47.

¹³⁷ Там же. С. 431.

выступившего против общества, пусть и в рамках одного города – Дербента. Он добровольно становится изгоем и преступником, что придаёт его образу черты романтического героя. Бестужев романтизирует образ Мулла-Нура, однако в нём прослеживаются реалистические черты характера горца: сочетание «дикости», «необузданных страстей» и «мстительности» с такими качествами, как готовность прийти на помощь (например, помощь Искандер-Беку) и даже сентиментальность – особенно в рассказе о своей жизни.

Автор в этом эпизоде словно становится «своим» у горцев, соблюдая их традиции и обычаи. Так, дарение оружия становится символическим жестом: «Не надобно долго жить с азиатцем, чтобы понять этот намек. Я отстегнул с пояса ножны и, приложив правую руку к сердцу, поднес левою кинжал Мулла-Нуру»¹³⁸.

Общественная, социально-политическая действительность Дагестана 30-х годов XIX века повлияла на Бестужева, она привела его к определенным эстетическим открытиям, заставила критически взглянуть на прежние убеждения и многое пересмотреть.

Таким образом, в широком плане речь идет об изучении закономерностей эстетического воздействия жизни народов национальных окраин России на художественно-эстетическое мировоззрение русских писателей, обратившихся к описанию этой жизни. Возможность правдиво изобразить характер горца открывалась по мере преодоления просветительского взгляда на индивидум и понимания реальной зависимости между человеком и средой. Повести Бестужева о Дагестане – это мир, полный героических образов, поэзии. Он трезво оценивает достоинства и недостатки характера горца, отвергая теорию о его хищной природе. Нужна была большая смелость художника, чтобы в то время, когда литература изображала главным образом дикость и необузданность горца, правдиво показать его противоречивый характер.

На основании вышеизложенного, повесть «Мулла-Нур» можно отнести к этнографической прозе. Описание обычаев, традиций, нравов и быта, а также инонациональные образы южных окраин Российской империи, в частности Кавказа,

---

¹³⁸ Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. ... Ч. 12. С. 288.

позволяет говорить об особом романтическом этнографизме Бестужева, ведь в основу положены реальные жизненные впечатления и непосредственные наблюдения самого автора над инонациональным этносом. В некотором смысле можно говорить об особой «отзывчивости» Бестужева на «чужие, в том числе порожденные иной культурой, идеи и мысли»¹³⁹, которая «служила вдохновляющим примером для всех, кто стремился в своем восприятии истории и культуры выйти за узкие рамки европоцентризма»¹⁴⁰. Новые литературные формы, способные совместить научную точность с занимательностью изложения, были необходимы для научного и творческого осмысления и изложения событий, происходящих на Кавказе. И с полной уверенностью можно утверждать, что Бестужеву удалось создать художественные произведения по всем канонам инонационального этнографического направления, совместить в своем произведении точные, документальные сведения о быте и нравах народов Кавказа с эстетикой романтизма.

2.4.2. Мир калмыцкого этноса в творчестве Е.А. Ган

Творчество Е.А. Ган приходится на 30-е годы XIX века, и в своих произведениях она обращается к репрезентации инонационального образа, а именно, образа калмыцкого этноса. Елена Андреевна Ган, урожденная Фадеева, вошедшая в русскую литературу под псевдонимом Зенеида Р-ва, также, как и другая ее современница Н.А. Дурова, одна из представительниц романтических традиций в русской литературе. Детство и юность она провела на юге России, в Екатеринославле, где отец ее, Андрей Михайлович Фадеев, состоял на государственной службе, в конторе, заведовавшей поселенцами. Мать писательницы, Елена Павловна (урожденная княжна Долгорукова), была образованной женщиной, говорила на пяти языках, оказала большое влияние на

---

¹³⁹ Корневский А. В., Сень Д. В. Запад и Восток: власть (не)знания и право "говорить за чужого" [Электронный ресурс] // Новое прошлое, 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapad-i-vostok-vlast-ne-znaniya-i-pravo-govorit-za-chuzhogo/viewer> (дата обращения: 23.04.2022).

¹⁴⁰ Там же.

формирование литературных и интеллектуальных способностей Е.А. Ган. Также, как и мать, она владела несколькими иностранными языками: французским, итальянским, немецким, английским¹⁴¹. Встреча с издателем журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковским в 1836 году в Петербурге станет судьбоносной – в 1837 году в журнале будет напечатана первая повесть писательницы «Идеал». В повести найдут отражение две темы – тема женской судьбы и конфликт личности и общества.

Среди исследователей творчества Е.А. Ган следует отметить М.А. Сизову и Элизабет Шорэ. Сизова в своей диссертации¹⁴², рассматривая жанровое своеобразие повестей Е.А. Ган, отмечает влияние французской писательницы Жорж Санд и А.А. Бестужева-Марлинского на творчество Ган и определяет жанр ее повестей как «светские». Элизабет Шорэ рассматривает творчество писательницы в свете актуального в современном обществе гендерного подхода¹⁴³.

В 1838 году в журнале «Библиотека для чтения» Е.А. Ган опубликовала повесть «Утбалла», названную так по имени главой героини – калмычки. Материалом для повести послужили впечатления от поездки на юг, к родителям, в Астрахань, где служил отец писательницы. Проезжая через калмыцкие степи, останавливаясь на ночлег в селениях калмыков, Ган старалась запомнить в мельчайших подробностях картины быта и нравов калмыков. Эти описания войдут в повесть, придавая ей реалистический характер. Сюжетом «Утбаллы» станет романтическая история любви калмычки и русского офицера – Бориса Снежина.

---

¹⁴¹ См. об этом: Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь/ П.А. Николаев (гл. ред.) и др. М., 1989. Т. 1. С. 519-520.

¹⁴² Сизова М.А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А.Ган: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 217 с.

¹⁴³ Elisabeth Cheaure: Elena Can – die russische George Sand? In: Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Ingeborg Ohnheiser. Innsbruck. 1996, S. 307-318; Шорэ Э. Чужой мужчина: дискурс об идентичности и альтеричности (Надежда Дурова и Елена Ган) // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 2000. С. 498-521.

Стремясь передать поэзию калмыцкой жизни, писательница включает в текст повести два предания. Первое «Предание степей» – о цветке, раскрывающемся ночью под лучами звезды, – имеет «сюжетообразующую и характерологическую функции (соотнесено с биографическим, культурным и духовным опытом героини) и призвано создать инонациональный колорит повести»¹⁴⁴.

Второе предание – о калмыцкой княгине, полюбившей своего подданного, молодого зайсанга, и уговорившей его убить своего мужа, – предание фольклорного характера. Этот вставной рассказ, соотнесенный с сюжетом повести (героиня предания противопоставлена героине повести), предваряет трагический финал произведения.

Само имя героини – Утбалла, производное от «удвал цэцэг» – по-монгольски означает хризантема, и в повести не раз Утбаллу будут называть «степным цветком». Повесть делится на две части, события происходят в двух разных жизненных обстоятельствах и разной природной среде: жизнь Утбаллы в светском обществе и жизнь в родном улусе среди калмыков. Утбалла – дочь русского и калмычки, в детстве и юности она находится на попечении отца, где живет в довольстве и достатке, получает европейское образование и воспитание. В это же время она влюбляется в брата своей наперсницы Софьи, в доме которой ее любили и заботились о ней. Когда семья Софьи переезжает в Петербург, Утбалла остается с отцом. Она не надеется на воссоединение с возлюбленным, поскольку понимает, что им не быть вместе, но она готова жить одной мыслью о «милом друге», жить воспоминаниями о счастливо проведенных днях, когда «огонь любви пылал в сердцах обоих возлюбленных»¹⁴⁵. Несмотря на расставание, Утбалла уверяет Бориса, что они обязательно свидятся. После смерти отца, родственники отправляют ее к матери, в калмыцкий улус, в степь на юге России. Связь с Борисом, поддерживаемая письмами, прерывается. В

---

¹⁴⁴ Вяткина Е. А. Этнопоэтика повести Елены Ган «Утбалла» // *Oriental Studies*. 2013. № 6(1). С. 73.

¹⁴⁵ Ган. Е.А. Идеал. Утбалла. Джелаледин // *Сочинения Зенеиды Р-вой псевд.* СПб., 1843. Т. 1. С. 152.

калмыцком улусе она находится под присмотром зайсанга, которому было поручено строго следить за девушкой. Не имея возможности вернуться к прежней жизни, Утбалла решается на самоубийство, но остается жива. Дальнейшая жизнь среди калмыков для нее не имеет смысла, и она свыкается со своим положением. Позднее ее выдают замуж за престарелого князя, и «с той поры положение Утбаллы во многих отношениях улучшилось: добрый старик нежил ее, окружал роскошью по своим понятиям и, в угодность ей, перенял еще более европейских обычаев»¹⁴⁶. Борис, не имея вестей от Утбаллы, свыкается с мыслью, что больше не увидит свою возлюбленную.

Однажды после ранения в военном походе по пути на лечение на Кавказ Борис вместе со своим родственником, статским советником Зерковым, которому по долгу службы надо было исследовать калмыцкие поселения, заезжают в Астраханскую губернию. Здесь он встречается Утбаллу, и забытые чувства вспыхивают с новой силой. Утбалла и Борис вновь переживают любовные чувства, проводят вместе несколько дней. Скрыть это от соплеменников Утбалле не удастся, и девушка понимает, какое наказание ждет ее за неверность. Ценой своей жизни Утбалла спасает от возмездия Бориса.

Повесть, как и все произведения Е.А. Ган, посвящена теме судьбы женщины. Писательница показывает конфликт личности и общества, что характерно для романтической традиции, но в повести «Утбалла» конфликт усугубляется различием в мироощущении и миропонимании главных героев. Такой ход необходим писательнице, чтобы показать различия не только в образе жизни, в национальных традициях, но и в понимании общечеловеческих ценностей героями повести. Ган в точном этнографическом описании обычаев, нравов, традиций инационального этноса старается выделить те моменты, которые характеризуют героиню как представителя иной цивилизации, иной материальной и духовной культуры.

Писательница в целях создания этнографической картины жизни улуса рассказывает о кибитках (по-калмыцки «ишкэ гер» – «войлочный дом»), которые

---

¹⁴⁶ Там же. С. 166.

было принято расставлять особым образом: «Около ста кибиток были расположены правильным кругом, посреди возвышались хурулы-храмы богов и кибитки владельцев»¹⁴⁷. Как указывает современный исследователь, «сакральное пространство каждого конкретного рода связывалось с местом его кочевий, а центр – с поселением. Все кибитки в хотоне располагались по кругу, центром которого являлось жилище старшего в роду...»¹⁴⁸.

Ган приводит подробное описание княжеской кибитки, детализирует особенности внутреннего убранства: «Круглая, довольно большая палатка, крытая войлоком, была обита внутри богатыми коврами, на полу были разсланы тонкие узорчатые циновки, в глубине стояла кровать под балдахин из шелковой материи малинового цвета, по обеим сторонам возвышались сундуки, поставленные один на другой и также покрытые шелковой материей; на левой стороне кровати, на сундуке, в маленькой раззолоченной кумирне, видна была человеческая фигура, сидящая на троне в золотой остроконечной шапке и парчовой одежде: то было изображение Будды или Шакья-Муни, верховного божества буддистов. Перед кумирней горели тибетские благовонные свечи и стояли серебряные чашки с цветами, яствами и питием, а вверху, над идолом, висел портрет Далай-ламы, первосвященника веры и властителя Тибета, расписанный яркими красками»¹⁴⁹. Продолжая описывать кибитку, автор акцентирует внимание на ключевой детали – очаге, который находился в центре жилища, и дым от него «клубился в отверстия, проделанные вверху кибиток»¹⁵⁰.

Далее автор останавливает свой взгляд на стене, увешанной ружьями, кинжалами, шашками. Ган отмечает, что «у калмыков оружие переходит от деда к внуку, и всякий зубец на лезвии имеет свое предание, которое восходит иногда до времени самого Чингис-хана»¹⁵¹.

---

¹⁴⁷ Там же. С.182.

¹⁴⁸ Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста, 2009. С.16.

¹⁴⁹ Ган. Е.А. Идеал. Утбалла. Джелаледин. ... Т. 1. С. 183.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. С. 184.

Затем Ган описывает обряд встречи гостей. Когда двое путешественников подъезжают к кибитке нойона, их встречают «у порога кибитки», приветствуя «Менды, менды!» («Здравствуйте, здравствуйте!»), приглашают внутрь и усаживают на самое почетное место – на ступени кровати, устланные коврами и бархатными подушками. По калмыцкому обычаю гостей всегда встречают свежеприготовленным чаем. Национальный калмыцкий чай, сваренный с маслом, молоком и солью, подается в «искусно выточенных из древесного корня чашечках»¹⁵².

Кроме чая, путешественникам предлагают и трубки: «Началось угощение чаем, трубками»¹⁵³. У калмыков строго соблюдались правила застольного этикета, согласно которым «гостей угощали свежесваренным молочным чаем и подносили раскуренные трубки»¹⁵⁴. Как отмечает литературовед Р. М. Ханинова, исследовавшая портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии на примере лирики поэта Михаила Хонинова, «это – трубка мира, знакомящая с одной из традиций калмыцкой культуры, когда женщине полагалось для гостя раскурить трубку и подать ему в знак уважения»¹⁵⁵.

В повести трубка во рту становится неотъемлемой частью образа жизни калмыков: «...мужья, вечно праздные, только охотились в поле или лежали на солнце с трубкой во рту»¹⁵⁶; «...старые калмычки курили трубки»¹⁵⁷. Русский этнограф Я.П. Дуброва, изучая быт калмыков Ставропольской губернии, обращает внимание на «сильно развитую привычку табакокурения, которому предаются положительно все калмыки от мала и до велика. Если нет табаку, то сосут чубук. Женщины курят гораздо более мужчин...»¹⁵⁸.

---

¹⁵² Там же. 185.

¹⁵³ Там же. С. 186.

¹⁵⁴ Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XXI в. Элиста, 2011. С. 86.

¹⁵⁵ Ханинова Р. М. Портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова // Вестник КИГИ РАН, 2008. №1. С. 148.

¹⁵⁶ Ган. Е.А. Идеал. Утбалла. Джелаледин. ... Т. 1. С.175.

¹⁵⁷ Там же. С. 182.

¹⁵⁸ Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста, 1998. С.59.

Между тем, писательница не может не заметить непривычность кочевого образа жизни для цивилизованного человека: в описании быта и устройства селений калмыков следует имагологической дихотомии «цивилизация-дикость». Её героиня внезапно оказалась «...посреди дикого народа, которого язык, обычаи и образ жизни сделались ей совершенно чуждыми; она принуждена жить в грязной и дымной войлочной кибитке, питаться яствами, которых один вид производит отвращение, сносить неопрятность, невообразимую для городских жителей...»; «...бедная Утбалла сидела по-прежнему у дымящего очага среди вооруженных дикарей и страшных уродов, которые выдают себя за колдунов, – красивый цветок в гнезде отвратительных гадин, – мечта утонченной образованности, брошенная в мир варварства и невежества!»¹⁵⁹.

Такое изображение быта калмыков необходимо Ган, чтобы показать глубину трагедии Утбаллы, объяснить горестное состояние героини, вырванной из уже ставшей привычной среды. Позднее Утбалла свыкается с кочевой жизнью, ей даже нравится романтика перекочевки. В ней просыпается лихая наездница:

«... она пристрастилась к верховой езде, единственному наслаждению в степях. Сколько раз, бросаясь на дикого скакуна, Утбалла носилась по необозримым равнинам и обгоняла вихрь пустынный или преследовала испуганного сайгака»¹⁶⁰.

Раскрывая быт инонационального этноса, Ган описывает праздник дня наступления лета (Урюс сар), который подчинен определенному регламенту. Она старается не упустить важного в деталях, выявить своеобразие и неповторимость национальных традиций. Очень подробно автор описывает главный хурул в день праздника: «Стены этой кибитки были покрыты дорогими материями и увешаны изображениями уродливых богов с синими, красными и золотыми лицами <...>, а под изображением Шакья-Муни <.....> стояла на столе, покрытом парчою, кумирня с вызолоченным истуканом Далай-ламы. Перед ним теплились благовонные свечи и были расставлены разные чудные игрушки из кусков лент и

¹⁵⁹ Ган. Е.А. Идеал. Утбалла. Джелаледин. ... Т. 1. С. 147, 151.

¹⁶⁰ Там же. С. 156-157.

материй, серебряные и полевые цветы, чаши с пшеницей, оливковым маслом и водой»¹⁶¹

Ган описывает гелюнгов в красных халатах с желтыми «перевязями» через плечо, головы которых были обриты, а руки обнажены до плеч. Они сидели на вышитых подушках, держали перед собой разные музыкальные инструменты (медные тарелки, колокольчики, флейты, бубны, медные трубы) и раскачивались из стороны в сторону, читая молитвы на тибетском языке и сопровождая чтение аккомпанементом, который становился с каждым разом все громче. «Наконец раздался гром барабанов, трубы заревели, зазвучали литавры и, сливаясь со звоном колокольчиков, разноголосым писком флейт <.....> Голоса и инструменты то утихали, то снова возвышались...»¹⁶².

Подробно описывая ритуал буддийского богослужения, она отмечает торжественность происходящего. Иначе смотрят на праздник представители иной культуры – Борис и Зерков. Для них происходящее – «адская гармония звуков», «совершенное отсутствие гармонии»¹⁶³.

Ган в повести уделяет внимание и одежде калмыков. Когда Утбалла впервые увидела своего возлюбленного Бориса после долгих лет разлуки и упала в обморок, «голубой халат прикрывал стан ее, две длинные черные косы извивались, как змеи на полу, а парчовая шапка лежала в стороне»¹⁶⁴. Действительно, «главным типом одежды являлся распашной халат, подпоясывавшийся либо мягким поясом, либо кожаным ремнем»¹⁶⁵.

Праздничная одежда нойона Джиргала отличалась особенным богатством: «сверх парчового архалука, застегнутого на жемчужные пуговицы, на нем был голубой шелковый халат с прорезными рукавами, закинутыми на плечи, вроде польских кунтушей. Верхняя и нижняя одежда была обшита золотыми позументами. Нойон все время держал в руке шапку из золотой парчи,

---

¹⁶¹ Там же. С. 200.

¹⁶² Там же. С.201.

¹⁶³ Там же. С. 158.

¹⁶⁴ Там же. С. 187.

¹⁶⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 3. С. 45.

опушенную соболем, которую сейчас, по выходе из хурула, он надел на голову»¹⁶⁶.

Русские путешественники стали свидетелями игр, которые продолжались «даже после заката солнца»: сначала «мужчины и даже мальчики ловили арканами диких лошадей из пригнанного табуна и, вцепившись в гриву, вскакивали на них, как птицы»¹⁶⁷; затем подробно описывается калмыцкая борьба: два богатыря «долго рассматривали один другого, наконец, сошлись; атлетические мышцы их напряглись, глаза выпучились, они несколько раз разбегались, схватывались, перегибались, вывертывались, падали, барахтались на земле и вскакивали на ноги, после долгой борьбы один победил, повалил другого на землю и стал коленом на плечо его при радостных криках народа. Но никакие усилия не могли положить побежденного на спину, а это одно считается у них победою»¹⁶⁸.

Из других развлечений калмыков Ган упоминает стрельбу в цель, игру в карты и шахматы. И. А. Житецкий в своих этнографических наблюдениях о жизни и быте калмыков указывает на то, что «редкий хотон не имеет шахматы, и мало калмыков, неиграющих в них», а также отмечает игру в карты¹⁶⁹. Ган подчеркивает, насколько сильно у калмыков укоренилась страсть к игре: они могли проиграть скот, одежду, жилище и даже себя на условное число лет¹⁷⁰.

Писательница отмечает такую особенность быта калмыцкой женщины, как «полная свобода»: «Женщины здесь пользуются полной свободой: противоположно обычаям кочевых сынов Магомета, супруги и дочери поклонников Будды, исполнив домашние обязанности, участвуют во всех играх»¹⁷¹.

---

¹⁶⁶ Ган. Е.А. Идеал. Утбалла. Джелаледин ... Т.1. С.202.

¹⁶⁷ Там же. С. 204.

¹⁶⁸ Там же. С. 205.

¹⁶⁹ Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М., 1893. С. 38.

¹⁷⁰ Ган. Е.А. Идеал. Утбалла. Джелаледин ... Т. 1. С. 205.

¹⁷¹ Там же. С.182.

Использование автором без эквивалентной лексики (хурул, багша, эмч, хурул, худуг и т.п.), включение национальных имен, топонимов, локусов, пословиц и песен, наименований представителей фауны, описание обрядов (чайной церемонии, религиозных обрядов и т.д.), описание предметов быта (жилище, кибитка, одежда, еда) усиливают этнографизм повести.

Если рассматривать образ Утбаллы в имагологической парадигме «свой – чужой», то он занимает пограничное положение: по воспитанию и образованию, по образу мышления она европейка, а по вере – христианка. В то же время писательница отмечает ее безрассудность, граничащую с безумием, которая присуща натурам необузданным и диким, кочевникам. В частности, Ган говорит о бесстрашии Утбаллы: заведомо зная, какое наказание ее ждет (быть погребенной заживо), сознательно идет на смерть. Жертвенность Утбаллы – это «...быть истерзанной руками извергов, поруганной, оскверненной <...> слышать только слова ярости, мести, проклятий, – вот на что, наверное, не решилась бы ни одна Европейка. И сама Утбалла поколебалась бы при мысли о такой смерти. Здесь нужна была вся энергия *монгольской* крови, чтобы поддержать ее у жертвенника, на который несчастная добровольно клала свою голову. Эта кровь текла в ее жилах»¹⁷².

Душой, мыслями, чувствами Утбалла принадлежит светскому обществу, утонченность и чувственность которого чужды диким народам, а непоколебимостью, уверенностью в сделанном выборе, в силе и твердости духа, она принадлежит своему народу. Так своеобразно в образе героини повести преломляется антитеза «свой-чужой».

Конфликт личности и общества в повести двойственный: Утбаллу не принимают ни в светском обществе, ни в своем родном улусе. Везде она «чужая», и говорит об этом Борису. В светском обществе ее не принимают в силу «сомнительного происхождения», в калмыцком улусе – в силу ее приверженности светскому образу жизни, в неприятии устоев кочевого общества, его обычаев и

---

¹⁷² Там же. С. 232.

традиций. Представляется, что такая двойственность образа Утбаллы необходима была Ган для выражения наднациональных и надрелигиозных идей.

Имаголог Дж. Леерссен отмечает, что периферические территории в литературном произведении характеризуются деформацией времени, являются местами, где можно встретить «ожившее прошлое». В «центре», по его мнению, присутствует «система моральных ценностей, социальный престиж, экономическая мощь, культурные нормы»¹⁷³, на «периферии» все это отсутствует. Именно так чувствует героиня повести, которая транслирует мысли самой Ган. На национальной окраине «периферия» и географически и по субъективным ощущениям являет собой «ожившее прошлое», где человеческая цивилизация находится в своем первобытном состоянии.

2.4.3. Инонациональные образы в этнографической прозе Н.А. Дуровой («Серный ключ»)

Надежда Андреевна Дурова (1783–1866 гг.) – одна из плеяды писателей–романтиков первой трети XIX века. Десять лет Дурова прослужила в армии, принимала участие в двух заграничных походах и Отечественной войне 1812 года. За совершенные подвиги, мужество и отвагу была награждена Георгиевским крестом. Однако в историю русской литературы она вошла не только как храбрый воин, защитник Отечества, но и как писатель–беллетрист. Дурова автор известных «Записок кавалерист–девицы» (1836 г.), которые вызвали восторженный отклик читательской публики. В.Г. Белинский высоко оценил литературный талант писательницы: «Боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок...Что за слог у девицы–кавалериста!»¹⁷⁴.

---

¹⁷³ Leerssen J. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. Amsterdam, 2007. P. 294.

¹⁷⁴ Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839-1840 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 149.

Помимо «Записок», Н.А. Дурова является автором более десяти художественных произведений, которые она публиковала в течение пяти лет с 1836 по 1840 гг. Среди них рассказы «Елена, Т-ская красавица», «Граф Мавриций», повести «Павильон», «Серный ключ», «Клад», «Нурмека», «Угол», «Ярчук–собака-духовидец», новелла «Оборотень», роман «Гудишки».

В 1839 году выходит ее полное собрание сочинений в 4-х томах. В этих произведениях писательницы немалую долю составляет изображение национальных мирообразов и национальных характеров различных народов, среди которых ей довелось жить: татар в «Нурмеке» и «Кладе», черемисов (марийцев) в «Серном ключе», евреев в «Кладе», поляков в «Павильоне», цыган в «Ярчуке»¹⁷⁵.

Исследователь Е.Е. Приказчикова рассматривает творчество Дуровой в контексте социокультурного дискурса мемуарно-автобиографической прозы писательницы, нравственный мир ее героини, отражающий мысли, чувства, идеи и настроения автора¹⁷⁶.

В своей диссертации Е.И. Болух предприняла попытку показать глубинную связь произведений писательницы с традициями русской и зарубежной литературы, в частности, с готической прозой эпохи предромантизма¹⁷⁷. Обращая внимание на фольклорно-историческую основу многих произведений Дуровой, Болух отмечает оригинальное соединение в них традиций русского, марийского, польского, литовского, татарского фольклора, однако этнографическая составляющая ее произведений не становится специальным предметом изучения.

Использование национального фольклора и этнографических зарисовок дает основание рассматривать отдельные произведения Н.А. Дуровой как этнографическую прозу инациональной тематики.

---

¹⁷⁵ Об этом см.: Аристангалиева Н. Б. Жизнь и нравы марийцев в повести Н.А. Дуровой «Серный ключ» / Н. Б. Аристангалиева // Казанская наука. 2021. № 12. С. 9-12.

¹⁷⁶ Приказчикова Е.Е. Женщина на фоне наполеоновской эпохи: Социокультурный дискурс мемуарно-автобиографической прозы Н.А. Дуровой. Екатеринбург, 2015. 256 с.

¹⁷⁷ Болух Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 160 с.

Поселившись после отставки в городах Елабуга и Сарапул, Н.А. Дурова не оставила своей привычки совершать пешие и конные прогулки по окрестностям. Она записывает легенды и сказания проживающих там народов – татар, удмуртов, марийцев и других национальностей. На основе собранных материалов Н.А. Дурова создает повесть «Серный ключ». Эта повесть в 1839 году будет включена в книгу «Сто русских литераторов» известного издателя А.Ф. Смирдина.

Повесть построена по принципу «рассказа в рассказе». Героиня повести – исправница Лязовецкая – рассказывает собеседнику историю, которую ей поведали во время пребывания в деревне Курцем на целебном источнике – Серный ключ. Это короткий рассказ про одно событие из жизни марийцев, живущих в густых, непроходимых лесах. Но, помимо этого, в повести присутствуют заметки о жизни, нравах и быте этого народа.

Главной темой произведения выступает трагическая история любви двух героев: молодой черемиски Зеилы и пастуха Дукмора. Они одиноки, резко отличаются от окружающих. Зеила была всеобщей любимицей: «...Зеила осталась без отца и матери трехлетним ребенком, но столь восхитительно прекрасным, что все крестьяне взялись кормить ее, одевать»¹⁷⁸, а Дукмор, наоборот, был бедным и никому ненужным: «Дукмор не был так счастлив..... его превосходство ... возбуждало зависть, заставляло ненавидеть и с нетерпением ожидать набора, чтобы отдать его в солдаты»¹⁷⁹. Отношения любящих людей рушатся под давлением внешних обстоятельств: главного героя убивает огромный черный медведь. А Зеила тяжело переносит потерю любимого человека: сначала сходит с ума, а потом ее находят мертвой на могиле Дукмора: «У могилы Дукмора ... упала на нее, с восторгом обняла и так сильно прижалась к ней лицом, что когда подняли уже ее с могилы, мертвую»¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 374.

¹⁷⁹ Там же. С. 375-376.

¹⁸⁰ Там же. С. 389-390.

Мифологическая составляющая воплощается в образе марийского бога зла – Керемета. В повести он принимает облик черного медведя. Черемисское предание о грозном Керемете соединяет в повести две самостоятельные линии повествования. Во-первых, это этнографическое повествование о жизни марийцев, небольшого народа, обитающего в верховьях Волги к северу от Татарии и Чувашии. Во-вторых, воплощение религиозно-мифологических верований марийцев в духе литературных традиций романтизма. На этнографическую основу повествования накладывается романтический сюжет о бесстрашном пастухе Дукморе и прекрасной Зеиле, ставших жертвами злого духа Керемета. Передать неповторимость духовной жизни и внешности черемисов помогают Дуровой описания их верований и обрядов, повседневного образа жизни, включая национальную одежду – белый холстинный шабур (верхняя одежда в виде кафтана). Писательница не только создает художественные образы представителей марийского народа, но и пытается проникнуть в психологию коллективного сознания этноса, выделить те черты, которые отличают ее представителей от людей других племен и народностей. Образ жизни и выбор места для проживания, по мнению Дуровой, сказываются на характере и психологии народа: «... образ жизни черемисов, их нравы, обычаи, язык, тайная привязанность к идолопоклонству, выбор места для жилищ всегда среди лесов отделяют их совершенно от других племен и осуждают на всегдашнее одиночество ... он (черемис-Н.А.) молчалив даже в своей семье и дышит свободно тогда только, когда остается один. Он уходит в лес, в свое отечество, свою стихию, углубляется в чащу его и там без помехи предается вполне природной меланхолии. Там он чувствует себя как нельзя ближе к доброй матери своей, природе»¹⁸¹.

Одной из самых привлекательных черт этого народа является его способность к поэтической импровизации, умение не только видеть и чувствовать, но и воспевать красоту окружающего мира природы: «...с восторгом поет красоты ее. Он воспекает, хвалит все предметы, на какие только

---

¹⁸¹ Там же. С. 388.

устремляется взор его. Смотри на красивую березу, могучий дуб, высокую сосну, он поет, что дерево приятно для глаз, что зелены и густы его листья, как снег, бела его кора, прохладна тень и гибки ветви, по которым скачет проворная белка. В дубе хвалит он другие преимущества, его крепость и даже назначение...»¹⁸².

Фольклор писательница использует для поэтизации трагической, но вполне реальной истории любви, через фольклор реализует способы реалистического изображения людей, картин природы, тему и сюжет своего произведения. Именно поэтому она подробно описывает образ жизни, нравы и быт реального народа – черемисов (марийцев), а не изображает неведомых жителей дремучих лесов.

В повести Н.А. Дурова приводит балладу собственного сочинения, стилизованную под фольклорную, которую поет Зеила: «Бежит, гремит, кипит, клокочет//Волшебный ключ моей страны!//Злой Керемет в лесу хохочет//В часы полночной тишины.//Бежит, гремит, на камнях скачет//Волшебный ключ моей страны!//На берегу девица плачет//В часы полночной тишины//Бежит, гремит, кипит, сверкает//Волшебный ключ моей страны!//С кудрей девица кровь смывает//В часы полночной тишины"//¹⁸³. «Для такой песни, какую сочинила Зеила, не нужно уменья, а просто природная способность к поэзии, которую в высшей степени одарены все черемисы, – пишет Дурова – черемисы – поэты, и еще в высшей степени!»¹⁸⁴.

В повести Дурова обращает внимание читателей и на религиозные верования марийского народа, веру в потусторонние силы, главным представителем которых был Керемет. «Раза два думала она (Зеила – Н.А.), что слышит в страшном соседнем лесу зловещий хохот Керемета. (По их вере, хохот его бывал всегда предвестием какого-нибудь ужасного бедствия, и всегда слышится только тому, с кем оно должно было случиться). К умножению грусти ее, Дукмор сказал, что также слышал по две ночи ужасный смех их злого духа»¹⁸⁵.

---

¹⁸² Там же. С. 388.

¹⁸³ Там же. С. 386.

¹⁸⁴ Там же. С. 389.

¹⁸⁵ Там же. С. 378.

Дурова описывает древний марийский обычай: «Известно, что полудикие народы, всегдашние обитатели непроходимых лесов, нисколько не боятся единоборства с медведем; <...> из всех окружных молодых людей один кто-нибудь, род богатыря у них, решается <...> вступить в единоборство с ужасным зверем. В случае успеха смелый ратоборец покрывается неувядаемою славою и, сверх того, продает кожу побежденною зверя, что бывает иногда довольно ценно. В случае ж неудачи он платит своею жизнью, и о предприятии его узнают только по остаткам белого шабура и нескольким костям...»¹⁸⁶. Именно следуя этому обычаю, герой повести решается на поединок с медведем: ведь победа обеспечила бы ему освобождение от рекрутского набора и воссоединение с любимой Зеилой.

Легенда о влюбленных сопровождается красочным описанием местности, где проживают черемисы: «...окрестности его очаровательны: зеленые луга, множество цветов, душистых трав, тенистые рощи, тьма соловьев и прекрасные виды вдаль делают это место раем...»¹⁸⁷.

В имагологическом аспекте образ «другого» в повести Дуровой отличается толерантностью, т.е. происходит включение «другого» в сферу своего миропонимания, совмещая в себе противоречивые и несовместимые характеристики. «Дикость» в дихотомии «цивилизация-дикость» является инаковостью в негативном плане, но у Дуровой этот маркер укладывается в теорию «естественного человека», говоря о черемисах как о «диком», «полудиком» народе, она рассматривает их как часть окружающего мира, как часть природы. Под «дикостью» здесь подразумевается первобытность и первозданность, особая ментальная связь с природой, существование в одном «энергетическом поле». Это подтверждает эпизод с серным ключом, когда окружной лекарь решает открыть лечебницу на роднике. Местные жители недовольны таким оборотом дел, их пугает все, что может изменить привычный ход жизни, и то, что родник может исчезнуть («злые духи покроют песком»).

---

¹⁸⁶ Там же. С. 378-379.

¹⁸⁷ Там же. С. 371.

Таким образом, обращение к мифологии, использование фольклорных мотивов в создании образов героев, этнографическое описание быта, нравов и обычаев черемисского народа создают, несмотря на приверженность романтическому направлению, всеобъемлющий образ этноса, с характерными чертами и психологией, со своеобразной культурой и обычаями.

Действительно, в повести «Серный ключ» фольклорно-этнографические элементы органично вплетаются в ткань повествования и придают художественному произведению особую эмоционально-выразительную окрашенность и логическую завершенность. В этом проявляется особый метод художественного восприятия действительности писательницей.

2.4.4. Оппозиция «свой-чужой» в повести В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак»

Повесть Василия Аполлоновича Ушакова «Киргиз-кайсак» – одно из первых серьезных художественных произведений о казахском народе. В это время в литературе утверждаются эстетические принципы правдивого изображения действительности, воплощение идей демократизма, гуманности. Появление первых русских повестей на казахские темы явилось откликом на возросший интерес к национальным окраинам Российской империи.

А.С. Пушкин в своих романтических поэмах от «Кавказского пленника» до «Цыган» описывал не только инонациональный этнос, но и ставил проблему взаимоотношений России с национальными окраинами. Вслед за А.С. Пушкиным многие писатели отправляются «на поиски живописных тем и восточной экзотики в пределах европейской и азиатской России»¹⁸⁸.

Страны и народы, ранее не известные русскому читателю, вводились в контекст русской романтической литературы. Русская романтическая проза активно выполняла экстралитературные функции – становилась источником информации о национальных окраинах империи. Наравне с Кавказом казахская степь становится в романтическом жанре предметом художественного описания.

---

¹⁸⁸ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 294.

Образ казаха-кочевника появляется в литературе: поэма «Киргизский пленник» Н. Муравьева, роман Ф. Булгарина «Иван Выжигин», поэма А. Крюкова «Каратай», повесть П.М. Кудряшева «Киргизский пленник», повесть В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак», «Бикей и Мауляна» и «Майна» В.И. Даля.

Значение правдивых повестей о казахском народе 30-х годов XIX в. состоит в том, что они вводили читателей в незнакомый круг переживаний и представлений жителей степи, в своеобразную этнографическую обстановку их бытового уклада, утверждали уважение к ним. Писатели стремились показать отдельные типичные стороны народной казахской жизни. И, в связи с этим, повесть В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак» заслуживает особого внимания.

Писатель и журналист Василий Аполлонович Ушаков (1789-1838 гг.) родился в дворянской семье. Он получил военное воспитание в Пажеском корпусе. Военная служба прапорщика Ушакова с 1811 г. протекала в лейб-гвардии Литовском полку. Он выделялся всесторонней образованностью, незаурядным умом, резко выраженными романтическими настроениями. Ушаков принимал участие в Отечественной войне 1812 года, сражался на Бородинском поле и был тяжело ранен. После выздоровления вновь вернулся в действующую армию, участвовал в заграничных походах, дошел вместе с русскими войсками до Парижа.

Печататься В.А. Ушаков начинает в середине 20-х годов. Предметом его критических выступлений будут вопросы театрального искусства. Рецензии, статьи, очерки и рассказы Ушакова публиковались почти во всех крупных периодических изданиях 20–30-х годов: «Московском телеграфе», «Сыне отечества», «Библиотеке для чтения» и др.

Обращаясь к издателю журнала «Телескоп», Белинский писал в 1835 г.: «Вам, почтеннейший Николай Иванович, известен гибкий и универсальный талант г. Ушакова; вы, верно, еще не забыли, что он писал некогда предлинные, преисполненные славянского остроумия и прескучные статьи о театре; вы помните также, что он, г. Ушаков, писал презлые, хотя уж и чересчур холодные, сатирические аллегории, и в этом роде явился основателем и главой важной, хотя

и безлюдной школы: я разумею «Кота Бурмасека»; потом знаете, что он написал очень порядочный роман «Киргиз-кайсака» .

В.Г. Белинский будет неоднократно упоминать имя Ушакова и его «очень порядочный роман «Киргиз-кайсака». Именно эта повесть принесла Ушакову шумную и продолжительную известность. За ним прочно укрепилось нарицательное имя автора «Киргиз-кайсака». В 1849 г. один из видных сотрудников «Отечественных записок», Н.Д. Мизко, отражая распространенное мнение, утверждал: «Киргиз-кайсака» Ушакова при появлении своем был по достоинству лучшим романом; впрочем, познание сердца человеческого и удачная характеристика общественных нравов, соединенная с поэтической идеей создания, состоящего в противоположности отношений героя и героини в общественном быту, делают этот роман достойным занять почетное место в нашей литературе».

Ушаков в годы написания «Киргиз-кайсака» был близок к передовым деятелям пушкинской эпохи. Именно в 20-30-е годы он частично разделял литературные взгляды братьев Н. А. и К. А. Полевых, дружил с А. С. Грибоедовым и А. А. Жандром, встречался с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем, был сотрудником «Московского телеграфа», в котором и была опубликована его повесть.

Заслуга В.А. Ушакова в том, что он в меру своих сил и способностей стремился к правдивости и гуманности в описании казахской действительности. В повести Ушакова изображение национального своеобразия казахского народа сочеталось с утверждением их равноценности с представителями любого европейского народа.

Виктор Славин – главный герой повести Ушакова – сын казашки, но воспитанный в русской национальной среде, европейски образованный. Славин вырастает человеком высокой интеллектуальной культуры и сравнивается в повести в отдельных чертах даже с грибоедовским Чацким. Примечателен его портрет: «...лицо длинное и лоб высокий. Он смугловат и имеет черные волосы.

Этим похож на азиатца. Впрочем, так статен и хорошо!»¹⁸⁹. Товарищи шутливо называли Славина татаринном, «рыцарем татарского образа», подчеркивая национальные особенности в его облике и характере. Также на черту его национального характера указывает сестра Евгения: «Если бы твой необыкновенный ум не умерял порывов твоих страстей <.....> дикость, необузданность и мстительность кочующих народов отражались бы в тебе, как в зеркале. Сердце у тебя также добро и просто, как и у *них*»¹⁹⁰.

Повесть «Киргиз-кайсак» начинается с письма, случайно попавшего в руки героини – Софье Любской. В письме неизвестного ей автора переплетаются два мотива, создавая лирически-эмоциональное вступление к развитию повествования: исповедь героя повести и признание его в любви к той, кто с девичьим любопытством читает это послание.

В исповеди неизвестного героя присутствует описание пейзажей Европы и России, размышления об укладе общественной жизни. Так, «плодоносные и обработанные поля Германии», по мнению автора письма, указывают на «ничтожность рода человеческого», а тамошнее стремление к размежеванию, разделению земель делает из людей «голодных волков», которые делят добычу¹⁹¹. Западной упорядоченности автор противопоставляет простор «зеленеющих равнин», Москва предстает как воплощение бесконечной свободы. «Москва, находящиеся в центре России, есть решительно панорама нашего общемирового царства»¹⁹². Автор письма также размышляет о заслуге Петра I, заставившего «Россию сделать скачок от младенчества к зрелому возрасту»¹⁹³. В письме чувствуется тоска по степным просторам, смутные воспоминания об иной жизни, чем та, которая окружала героя в Петербурге и Москве: «Не знаю почему, я чрезвычайно люблю степи, в которых никогда не бывал во дни нравственного моего бытия <....> Весьма часто в сновидениях моих я вижу какую-то

---

¹⁸⁹ Ушаков В.А. Киргиз-кайсак: повесть. М., 1835. Ч. 2. С. 58.

¹⁹⁰ Там же. С.105.

¹⁹¹ Ушаков В.А. Киргиз-кайсак: повесть ... Ч. 2. С. 11.

¹⁹² Там же. С. 6.

¹⁹³ Там же.

необозримую степь, каких-то диких сынов природы, мчащихся на бодрях конях; я слышу их напевы, как будто мне знакомые, я люблюсь на бесчисленные стада, бродящие по сему зеленому травяному морю, и, поверишь ли?... когда в ясную летнюю ночь я в задумчивости гляжу на звездное небо, мне кажется, что это та самая мечтательная степь, усеянная беловолнистыми овцами; мне кажется, что это небо я видел в другом месте, где оно сливалось с неизмеримою земною равниною, подобно тому, как для морехода оно сливается с поверхностью океана»¹⁹⁴. Это письмо создает необходимое настроение, подчеркивает особенные черты героя и намекает на его кровные связи с нерусской национальной средой. (О том, что Славин родился и провел детство в казахском ауле, он сам узнает позднее).

Степь будет появляться в повести в воспоминаниях героя, в снах, как образ родины, вольной жизни, как образ патриархальной старины: «Мне хотелось бы, как Бедуину, пожить на безопасном материке, в необозримой степи, вдали от городов <.....> от жалкого рассчитывания пространства и времени у просвещенных народов, между тем как дикие пользуются ими гуртом без деления»¹⁹⁵, «...недаром я люблю степи и свободную жизнь кочующих народов»¹⁹⁶, «Нет! Я должен непременно побывать в степи! Мне душно в столицах!...»¹⁹⁷, «...опять степь! ... Степь была моей колыбелью, степь станет моей могилою»¹⁹⁸.

Взаимная любовь Виктора и Софьи завершается обрядом обручения. Однако незадолго до свадьбы Славин получает завещание умершего отца и узнает, что он сын простой казашки, продавшей его в детстве его отцу – Ипполиту Славину, который, потеряв родного сына, усыновил и воспитал купленного казахского мальчика. (Происхождение Славина нельзя отнести к

---

¹⁹⁴ Там же. С. 10, 13-14.

¹⁹⁵ Там же. С. 14-15.

¹⁹⁶ Там же. С. 28.

¹⁹⁷ Там же. С. 31.

¹⁹⁸ Там же. С.175.

области романтической фантазии. В казахской степи в начале XIX в. существовала открытая работоторговля – Н.А.).

Виктор решает не скрывать свое происхождение, и сообщает об этом отцу невесты. Князь Любской, отец Софьи, возражает против брака дочери с киргиз-кайсаком, и Софья, не смея перечить отцу, отказывается от жениха. Потрясенный Славин уезжает в действующую армию, получает ранение, а затем умирает от воспаления мозга. Софья выходит замуж за другого, но в сердце продолжает хранить светлое воспоминание о любимом.

В интересной по замыслу повести Ушакова встречаются реалистические эпизоды и описания, но повествованию в целом придан «дух модных литературных веяний той поры, романтический характер. В рассказе о горькой доле сына казахских степей проявились сентиментальные ноты с целью возбудить жалостливое отношение к нему», считает М.Фетисов¹⁹⁹.

Ушаков не был близко знаком с жизнью казахов, не обладал конкретным знанием казахской жизни, каким отличался его современник Даль. Но, тем не менее, среди многих произведений того времени «Киргиз-кайсак» выделялся конкретно-исторической определенностью, стремлением к географической и этнографической точности.

Популярность повести Ушакова обеспечило то, что автору удалось показать своеобразные характеры, отметить отдельные социальные противоречия. Повесть отличается силой воздействия на читателей 1830-х годов, постановкой проблем, которые до этого не поднимались в русской литературе.

Умный и благородный Славин лишается возможности вступить в брак с любимой потому, что его мать – женщина кочевого казахского народа. Ушаков не мирится с этим и стремится доказать, что киргиз-кайсак, да еще получивший блестящее образование, такой же человек, как лучшие представители русского дворянского общества. Помимо резкой критики социального неравенства и сословных предрассудков, повесть ставит проблему включения

---

¹⁹⁹ Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана 30-50-е годы XIX века. М., 1956. С. 79.

инонационального этноса в культурное, политическое, экономическое и правовое поле Российской империи.

В имагологической оппозиции «свой-чужой» Славин и «свой» и в то же время «чужой». Он «свой» по воспитанию и образованию, но «чужой» по происхождению. Ушаков на языке художественного произведения хотел показать, что несмотря на происхождение представитель инонационального этноса при благоприятных условиях может стать одним из «своих» (тот же мотив отразился и в «Утбалле» Е.А. Ган).

Примечательно, что в вышеназванном письме Славин как бы недвусмысленно намекает на своих предков: « ... мое азиатское лицо, может быть, доказывает лучше всякой родословной, что я происхожу от одного из отважных сопутников Батыя»²⁰⁰.

Инонациональные этносы, несмотря на различие в общественном развитии, в образе жизни, в религиозных верованиях становились частью общеимперского сообщества, и категория «чужого» в художественных произведениях трансформируется в категорию «иноного», что предполагает изображение инонационального образа не как чуждого, негативного, а «другого», не враждебного.

Ушаков на примере образа Славина доказывал, что люди европейски просвещенные, и люди, кочующие в казахских степях, не разнятся по своим человеческим качествам. Эта мысль подтверждается писателем и аналогией с природой: «Природа везде является чадолюбивой матерью <.....> Все эти цветы из родной почвы пересажены на чужую сторону; но и здесь они живут и являют свою красоту и даже силу жизни, свойственную их отечественному климату»²⁰¹.

Вместе с тем, Ушаков в романтизированной форме ставил и вопрос о благотворной роли русской культуры. В уста Ипполита Славина он вкладывает

---

²⁰⁰ Ушаков В.А. Киргиз-кайсак. ... Ч. 2. С.37.

²⁰¹ Там же. С. 91.

свои мысли о роли России в судьбе народов национальных окраин: «Ты, рожденный в степи, отыскал новое отечество в образованном Государстве»²⁰².

Таким образом, Ушаков в своей повести пропагандирует гуманное и человеколюбивое отношение к инациональному этносу.

Выводы по главе 2

Как было показано во второй главе настоящего исследования, в русской литературе 1830-х гг. активно развивается этнографическая проза, «этнографическая беллетристика». Известно, что В.И. Даль являлся основоположником этнографического направления в русской литературе, однако предпосылки возникновения этнографической прозы можно заметить в произведениях А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и других авторов рубежа веков, в жанре путевых очерков. Важными чертами этнографической прозы являются документализм, исследовательский подход к материалу, хроникальность повествования и объективность описания. Характерные признаки этнографической прозы можно заметить в творчестве писателей-романтиков 1830-х гг. Реалистичные картины быта инационального этноса в их произведениях способствовали развитию реализма в русской литературе в жанре этнографической повести и этнографического очерка.

Ученый-беллетрист А.И. Лёвшин и писатели-романтики (А.А. Бестужев-Марлинский, Н.А. Дурова, Е.А. Ган, В.А. Ушаков) в своих произведениях стремились к достоверному изображению народной жизни, быта, традиций и обычаев инациональных этносов. Очерки и рассказы В.И. Даля, научно-художественная монография А.И. Лёвшина, а также повести писателей-романтиков представляют собой многогранные исследования инационального этноса. У Даля этнографическая точность сочетается с художественным описанием, что придаёт его рассказам и очеркам яркость и образность. Лёвшин углубляется в анализ социальных и культурных особенностей казахского народа,

---

²⁰² Там же. С. 29.

уделяя внимание их мировоззрению, нравственным принципам и религиозным верованиям. Писатели–романтики включают этнографические детали в художественные сюжеты, придавая своим произведениям историческую достоверность.

Объединяет всех названных писателей идея культурного диалога, стремление разглядеть общечеловеческие ценности у представителей национальных окраин, что, безусловно, способствовало взаимопониманию, уважению и сближению культур.

Однако несмотря на общность во взглядах на инонациональный этнос, у каждого писателя свой подход к предмету изображения. У Даля преобладает наблюдательность и этнографическая точность. Его повествование объективно и основано на личных наблюдениях. Лёвшин, будучи ученым, беллетристом-этнографом, делает акцент на научном анализе, вплетая художественные элементы в свои описания. Его метод заключается в систематическом исследовании народной жизни, географии, истории, быта и социальных отношений казахов. У В.И. Даля и А.И. Лёвшина доминирует исследовательская объективность, стремление к научной точности.

У писателей-романтиков инонациональный этнос представлен сквозь призму личных переживаний героев, окрашенных особой эмоциональностью, чувством восторга перед экзотическим миром «другого».

В произведениях А.А. Бестужева-Марлинского Кавказ становится не просто фоном для развития событий, а символом свободы. Познание «иного» у него расширяет восприятие мира и становится способом самопознания.

У Н.А. Дуровой мифологическое сознание инонационального этноса помогает раскрыть духовную связь героев с природой, подчёркивая их единение с окружающим миром.

Е.А. Ган уделяет внимание оппозиции «свой-чужой», подчёркивая трагедию героини, балансирующую между двумя мирами.

В.А. Ушаков, описывая трагическую историю любви своих героев, раскрывает тему социального неравенства и отношений между народами,

утверждая, что люди разных национальностей обладают одинаковыми человеческими качествами и достоинствами, акцентируя внимание на необходимости гуманного отношения к народам национальных окраин Российской империи.

Картины быта инонационального этноса, точное описание этнографических деталей способствовали развитию реалистических тенденций в русской литературе 1830-х гг., что ускорило смену литературных течений, переход от романтизма к реализму. Появление этнографической прозы в жанре очерков, рассказов и повестей заложило предпосылки развития этнографического романа в творчестве Д.В. Григоровича, Ф.М. Решетникова, Г.П. Данилевского, П.И. Мельникова-Печерского.

Особое географическое положение России (между Востоком и Западом) с одной стороны, и наличие национальных окраин в территориальном составе, с другой, обусловило одну из важнейших особенностей русской литературы – ее особую восприимчивость к инонациональным культурным традициям. Рецепция и репрезентация образа «чужого», несущего в своем характере сочетание привлекательного, манящего, близкого, но, одновременно, непонятного, порой чуждого, и, вместе с тем, стремление расширить границы собственного мировидения – такова была задача русских писателей в изображении инонациональных этносов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития общества изучение национальных окраин играет важную роль в осмыслении полиэтничности Российской государственности. Взаимоотношения «окраины» и «центра» складывались неоднозначно, в этом сказывалось многообразие этнического состава и обширность территорий – Казахские и Поволжские степи, Кавказ, Сибирь. Русские государственники стремились к учету национального своеобразия при выборе формы управления и степени свободы администрации каждой из национальных окраин. Они склонялись к просвещению вновь присоединенных народов и, одновременно, избегали полной ассимиляции. Сохранение особенностей быта и традиций этноса, стремление, чтобы в имагологической парадигме «свой-чужой» для жителей центра он становился ближе «своему», – все это предполагало тщательное изучение каждого из народов, населяющих Российскую империю.

Наряду с администраторами и учеными эту государственную адаптационную миссию по отношению к представителям иных этносов несли и русские писатели. В 1830-е гг. с развитием методов научно–аналитического изучения действительности, со становлением в литературе документальных жанров интерес к исследованию народного быта разных национальностей достиг своего расцвета. Эти исследования не только углубили научное понимание специфики этнического и конфессионального разнообразия национальных окраин, но и стали основой для переосмысления общественно-политической роли окраин в развитии Российской империи. Полученные материалы легли в основу дальнейших исследований и способствовали формированию реалистичного восприятия жизни различных этносов национальных окраин.

Используя историко-литературный и культурно-исторический методы исследования, имагологический подход с акцентом на изучение оппозиции «свое-чужое», в диссертации представлена попытка выявить преемственность в описании русской литературой 1830-х гг. иноязычных этносов России.

В исследовании показана выдающаяся роль В.И. Даля как истинного родоначальника этнографического направления в русской литературе. Как беллетрист–этнограф он одним из первых обратился к изучению национальных окраин России. В.Г. Белинский отмечал широту этнографических интересов писателя: Даль сообщал о нравах, быте казахов, башкир, молдаван, цыган, болгар. На основе документальных изысканий и собственных наблюдений, изложенных в научных статьях, используя фольклорные жанры, такие как легенды, предания, сказания, писатель создал ряд оригинальных художественных произведений: «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумысе», «Скачки в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Башкирская русалка», «Охота на волков», «Бикей и Мауляна», «Майна» и др. Даль в своих рассказах и очерках акцентировал внимание на коллективных вкусах и развлечениях (скачки, охота) инонационального этноса, которые могли дать читателям представление обо всем народе, а не только об отдельных его представителях. Он сосредотачивался не только на деталях быта и образе жизни, но и на воссоздании психологии и системе нравственных ценностей каждого этноса с позиции отыскания универсальных моральных качеств.

Подвигнутый интересом к трудам В.И. Даля, А. И. Лёвшин в 1832 году опубликовал первое всестороннее исследование казахского этноса «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». Строго документальный этнографический материал представлен в «Описании...» в форме художественного повествования, отмечен присутствием авторского мнения, расширяющего научную монографию до философских размышлений и выводов. Произведение Лёвшина представляет собой пример гуманного и вдумчивого подхода к восприятию казахского этноса, демонстрирует уважение к их культуре и образу жизни, в отличие от распространённой практики «просвещённого попечительства», где кочевники рассматривались как народ «дикий», нуждающийся в насильственной цивилизации. Такая позиция позволяет ему осмыслить казахский этнос как равноправную часть общечеловеческой культуры, где разнообразие форм человеческого существования – это норма, а не

исключение. Труд Лёвшина подчеркивает необходимость диалога между культурами, взаимного уважения и признания ценности каждой из них в контексте мировой цивилизации.

Представители русского романтизма А.А. Бестужев-Марлинский, Е.А. Ган, Н.А. Дурова и В.А. Ушаков так же, как и писатели-этнографы, обратились к изучению быта и нравов инонациональных этносов. Романтические коллизии сюжетов их произведений не заслоняют изображение «чуждой» среды: одежды и предметов домашнего быта, народных праздников, фольклорных и мифологических преданий, раскрывающих своеобразие национальной духовной культуры.

Романтические повести А.А. Бестужева-Марлинского углубляют свободолобивые идеи при описании традиционно романтизированного вольного Кавказа. Свообразие поэтики Бестужева-Марлинского заключается в том, что он выступает и как «документалист» Кавказа, и как художник. Взгляд А.А. Бестужева на образ «чужого», его стремление к пониманию национальной специфики восточного мира заключается в том, что он выходит за рамки традиционного восприятия «чужого» как противоположности «своему». Этот переход от «чужого» к «своему» отражает более глубокое понимание национальной специфики и человеческой общности, что было нетипично для литературы того времени. Его герои – это не просто представители «чужой» культуры, а носители универсальных человеческих качеств. Образ Мулла-Нура («Мулла-Нур») – яркий пример того, как Бестужев соединяет поэтику романтизма с этнографической точностью: с одной стороны, он романтизирует разбойника, изображая его как благородного героя, который бросает вызов обществу, с другой стороны, он сохраняет реальные черты горского характера, показанного в привычной герою среде: мстительность, эмоциональность, сентиментальность. Эта двойственность делает образ Мулла-Нура живым и убедительным. Бестужев не идеализирует его, но и не демонизирует, что говорит о глубоком уважении к культуре горцев. Писатель ищет точки соприкосновения между культурами,

расширяет границы собственного мировидения через диалог с «чужим», создает образы, которые становятся мостом между Востоком и Западом.

В повести Е.А. Ган «Утбалла» на фоне этнографических зарисовок образа жизни калмыцкого этноса разворачивается драматическая история любви, раскрывающая сложный и противоречивый характер героини. Двойственность личности Утбаллы проявляется в промежуточном положении между двумя мирами: по воспитанию и образу мышления она ближе к европейской культуре, но по происхождению и моральному духу она связана со своим народом (калмыками). История Утбаллы – пример жертвенности, внутренней свободы и универсальности человеческого духа – выходит за рамки национальных и религиозных границ, олицетворяет единство и многообразие человеческой цивилизации.

Повесть Н.А. Дуровой «Серный ключ» также представляет собой органичное сочетание романтизма и этнографических, фольклорных элементов. Использование фольклора помогает автору поэтизировать реальные события и создать эмоционально насыщенный текст. Описывая подробно образ жизни марийцев, их связь с природой, религиозные верования и обычаи она подчеркивает особую ментальность черемисов, их меланхоличность, склонность к уединению и способность к поэтической импровизации. Описание образов черемисов в повести демонстрирует толерантное отношение к «инаковости». Дурова не рассматривает их как «чужих» или «диких», а видит в них людей, обладающих уникальной культурой и менталитетом.

В повести В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак» двойственность образа Виктора Славина проявляется в пограничном положении между «своими» и «чужими», между двумя мирами: по воспитанию и образованию он «свой», его европейское образование, мировоззрение и культурные нормы делают его частью просвещённого светского общества, но по происхождению он «чужой», его «азиатское лицо» и родословная, восходящая к кочевникам, напоминают о его связи с казахским этносом. Славин осознаёт свою двойственную природу, но не

видит в ней противоречия. Герой, как и автор повести, убежден, что происхождение не является преградой для приобщения к другой культуре.

В.А. Ушаков показывает, как отношение к «чужому» может перерасти в принятие «иного». Это важный шаг в осмыслении инационального этноса: «чужой» – это тот, кто кажется чуждым и непонятным, а «иной» – кто признаётся «другим», но не менее ценным или достойным членом общества. Писатель показывает, что интеграция в русскую культуру не означает отказ от собственных корней, а скорее их дополнение. Инациональный этнос представлен не «дикарями», нуждающимися в насильственной цивилизации, а равноправными участниками общечеловеческой культуры. Этот авторский подход был прогрессивным для своего времени и предвосхищал более современные взгляды на межкультурное взаимодействие. Ушаков пропагандирует гуманное и человеколюбивое отношение к инациональному этносу, что делает его произведение значимым не только в литературном, но и в историко-философском плане.

Итак, непрерывно развивающиеся характерные черты этнографической прозы, выделенные современными исследователями (А. Фокеев, В. Соколова, Л. Сарбаш), можно встретить во всех рассмотренных произведениях 1830-х гг.: этнография и фольклор как элементы культуры и быта, элементы народознания как отражение национального мирозерцания и бытовая живопись. Обращаясь к теме «чужого», писатели 30-х гг. XIX века стремились не только описать экзотический мир, но и расширить границы собственного мировидения. Они осмысливали культурное многообразие России, находя общечеловеческие ценности, которые объединяли бы разные народы. Это способствовало развитию культурного диалога, взаимопонимания и уважения между народами. Писатели 1830-х годов в своих произведениях создавали целостную картину духовно-нравственных ценностей, через бытовые описания и фольклор шли к познанию этносов, населяющих национальные окраины России, развивали инациональную струю в этнографическом направлении русской литературы.

Литература 1830-х гг. стала важнейшим этапом в развитии русского литературного процесса, когда внимание к народной культуре, фольклору и этнографическим исследованиям приобрело особую значимость. Этнографическая проза, основанная на научной точности и правдивом описании, способствовала развитию реализма, ускорила переход от романтизма к реализму. Литература этого периода формировала у читателей представление о многонациональной России как едином, но многообразном целом. Этот процесс не только обогатил художественную палитру русской литературы, но и заложил основы для дальнейшего её развития.

Перспективы дальнейшей работы над темой связаны с обращением к инонациональному этнографическому направлению в русской литературе 1840-1900-х гг. Заданные прозой 1830-х гг. художественные тенденции получают развитие в очерках П. И. Мельникова-Печерского («Очерки Мордвы»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Баймаган», «Лебедь Хантыгая», «Слезы царицы»), Ф. Д. Нефедова («Зигда», «Ушкуль»), Н. Д. Телешова («Живой камень»), Н. Г. Гарина-Михайловского («Зора»), А. М. Федорова («Степь сказалась»), М. Горького («Немой») и других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. CLAY C. Russian ethnographers in the Service of Empire, 1856-1862 // Slavic review. – Chicago, 1995. – Vol.54, no.1. – P. 46-61.
2. Der Kirgis-Kaissak. Erzählung von W.Uschakov. Aus dem Russ. Übers.v. E. Goldhammer. – Leipzig, 1834.
3. Elisabeth Cheaure: Elena Can – die russische George Sand? In: Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Ingeborg Ohnheiser. – Innsbruck, 1996. – P. 307-318.
4. Guyard M.-K La litterature comparee. – Paris, 1951. – P. 119.
5. Leerssen J. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey. – Amsterdam, 2007. – 294 p.
6. Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world // Iberic@1, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. – 2016. – № 10. – P. 13-31.
7. Алексеев, М.П. Этюды о Марлинском / М.П. Алексеев. Иркутск : Изд. Иркутского ун-та, 1928. – 64 с.
8. Алексеев, П.В. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования / П.В. Алексеев // Филология и человек. – 2013. – №4. – С.18–26.
9. Анненков, П. В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году / П.В. Анненков // Воспоминания и критические очерки: Собрание статей и заметок. – СПб. : Тип. М.М. Сталюсевича, 1879. Отд. Второй. – С. 46–83.
10. Багaley, Д.И., Сумцов, Н.Ф., Бузескул, В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования / Д.И. Багaley, Н.Ф. Сумцов, В.П. Бузескул. – Харьков : Тип. Адольфа Карре, 1906. – 329 с.
11. Базанов, В. Г. Очерки декабристской литературы. М., 1953. / В. Г. Базанов – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953. – 528 с.
12. Базанов, В. Г. Русские революционные демократы и народознание / В.Г. Базанов – Л. : Сов. писатель, 1974. – 558 с.

13. Бакаева, Э. П. Сакральные коды культуры калмыков / Э.П. Бакаева. Элиста : «ИКИАТ», 2009. – 159 с.

14. Бахтикиреева, У.М. Упуская время, жил счастливо... Памяти Георгия Дмитриевича Гачева [Электронный ресурс] / У.М. Бахтикиреева // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 2008. – 4 апреля. – Режим доступа: <https://daz.asia/ru/upuskaya-vremya-zhil-chastlivo/>.

15. Бахтикиреева, У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева / У.М. Бахтикиреева // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929-2008). – Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – С. 23-30.

16. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979 – 424 с.

17. Белинский, В.Г. Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе) / Белинский В. Г. // Белинский, В. Г. Собр. соч. В 9 т. Т. 2. / В.Г. Белинский. – М. : Худ. лит., 1977. – С. 119 – 148.

18. Белинский, В.Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); ред. : Н. Ф. Бельчиков и др. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1958. Т. 1. – 574 с.; Т. 2. – 768 с.; Т. 3. – 684 с.; Т. 5. – 863 с.; Т. 7. – 740 с.; Т. 8. – 728 с.; Т. 9. – 804 с.; Т. 10. – 474 с.

19. Бессараб, М.Я. Владимир Иванович Даль / М.Я. Бессараб. – М. : Моск. рабочий, 1968. – 264 с.

20. Бестужев-Марлинский, А.А. «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века». Сочинения Н. Полевого. М. 1833. / А.А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А.А. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. / А.А. Бестужев-Марлинский. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 412-464.

21. Бестужев-Марлинский, А.А. Мулла-Нур / Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести / А.А. Бестужев-Марлинский. – СПб. : Наука, 1995. – С. 185-288.

22. Бестужев-Марлинский, А.А. О романтизме. / А.А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А.А. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. / А.А. Бестужев-Марлинский. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 465 – 470.
23. Бестужев-Марлинский, А.А. Письмо к доктору Эрману / А.А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2 т. / А.А. Бестужев-Марлинский. – М. : Гослитиздат, 1958.Т. 1. – С. 234-251.
24. Болух, Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой: дисс. ... канд. филол. наук. / Е. А. Болух. – Тверь, 2001. – 160 с.
25. Борисова, Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология-лингвистика-перевод: дисс. ... д-ра филол. наук / Е.Б. Борисова. – Самара, 2010. – 383 с.
26. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира / Фернан Бродель; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М. : Прогресс, 1992. – 681 с.
27. Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / Ч.Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2. – 416 с.
28. Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / А.Н. Веселовский. – М. : «Автокнига», 2010. – 688 с.
29. Вестник Европы. – М. : Университетская типография, 1820. – Ч.114.
30. Вяткина, Е.А. Калмыцкое предание о любви в повести Елены Ган «Утбалла» // «Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин». Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Д. Н. Кугультинова 10-14 апреля 2012 г. – Элиста : КГУ, 2012. – С. 87-89.
31. Ган, Е.А. Сочинения Зенеиды Р-вой. В 4 т. Т. 1. / СПб. : Тип. Константина Жернакова, – 1843. – 226 с.
32. Гасанова, З.И. Кавказский горский менталитет в изображении русской литературы XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / З. И. Гасанова. – Махачкала, 2009. – 23 с.

33. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М. : Эксмо, 2008. – 365 с.
34. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия) / Г.Д. Гачев. – М. : Издательский сервис, 2002. – 780 с.
35. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г. Д. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 445 с.
36. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Е. Г. Новикова, А. И. Щербинин, С. В. Вировец и др; под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. – 288 с.
37. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : [В 14 т.] / Н. В. Гоголь. – [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
38. Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. /Гоголь Н.В. Т. 6. 992 с.
39. Головнёв, А.В. Феномен колонизации / А.В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН. – 2015. – 592 с.
40. Горелов, А. А. Введение // Русская литература и фольклор (конец XIX в.) – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 367 с.
41. Горький, А.М. История русской литературы / А. М. Горький. – М., 1939. – 352 с.
42. Горюшкин, Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Горюшкин Л.М.; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. И.Д. Ковальченко – Новосибирск : Наука, – 1976. – 342 с.
43. Гречаная, Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797-1825) / Е. П. Гречаная; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. А. Д. Михайлов. – М. : ИМЛИ, 2002. – 317 с.

44. Григорьев, А. Литературная критика / А. Григорьев. – М. : Худож. лит., – 1967. – 646 с.
45. Гуляев, Н. А. Литературные направления и методы в русской и зарубежной литературе XVII – XIX веков: книга для учителя / Н. А. Гуляев. – М. : Просвещение, 1983. – 142 с.
46. Гундова, О.Е. Образ казахского народа и казахской степи в «Описании киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» А.И. Лёвшина / О.Е. Гундова // Известия Алтайского государственного университета. – 2020. – №2(112). – С. 29.
47. Гусев, В. Судьба А. Бестужева / В. Гусев // Память и стиль. – М. : Советский писатель, 1981. – 352 с.
48. Даль, В. И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя/ сост. А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская и др. – Оренбург: Оренбург. книжн. изд-во, 2001. – 416 с.
49. Даль, В.И. Полн. собр. соч. в 10 т. Т.7. / В.И. Даль. – СПб., М : Изд. т-ва М. О. Вольф, – 1897-1898.
50. Даль, В.И. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т.5. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Изд. т-ва М. О. Вольф, 1897-1898.
51. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М. : Иностраннх и национальных словарей, 1955 – 1956. – 2716 с.
52. Даль, В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В.И. Даль. – М. : Изд-во «Аргументы недели», 2017. – 164 с.
53. Даль, В.И. Повести, рассказы, очерки, сказки. / В. И. Даль (Казак Луганский); сост. Л. П. Козлова и В. П. Петушков. – М.; Л. : Гослитиздат: Ленингр. отд-ние, 1961. – 463 с.
54. Дамешек, Л.М. Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в / Л.М. Дамешек // Изв. Иркут. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т.17. С.35-47.

55. Дамешек, Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л.М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2018 – 456 с.
56. Дамешек, Л.М., Дамешек И.Л. Нормативные акты как источник изучения окраинной политики самодержавия в России в начале XIX – XX в / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек И.Л. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2013. – № 2(5) – С.6-16.
57. Дамешек, М.И., И.Л. Дамешек. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков: учеб. пособие / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, – 2015. – 223 с.
58. Добролюбов, Н.А. Полн. собр. соч. в 6 т. Т.5 / Н.А. Добролюбов. – М.; Л. : Тов. Просвещение, 1911. – 453с.
59. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1981. – Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. – 407 с.
60. Дуброва, Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии / Я.П. Дуброва. – Элиста : Калмыц. книжн. изд-во, 1998. – 263 с.
61. Дурова, Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / Н.А. Дурова. – М. : Моск. рабочий, 1983. – 374 с.
62. Евстратов, А.Н. Путевые очерки В.Г. Короленко в литературном процессе конца XIX века / А.Н. Евстратов. – Уральск : Изд. центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. – 127 с.
63. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин / В.М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1978. – 425 с.
64. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л. : Наука, 1979. – 497 с.
65. Житецкий, И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. / Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. LXXVII,

вып. 1; Труды Этнографического Отдела. Т. XIII, вып. 1. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. – П. – 73 с.

66. Замятин, Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин и др. – Вып. 1. – М. : Инс. Наследия, 2004. – 431 с.

67. Земсков, В.Б. На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. – М. : Новый хронограф, 2011. – 696 с.

68. Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. 1 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. – М. : Знак, 2010 – 720 с.

69. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: ГУ «Издат. дом Герел», 2009. – Т. 3. – 752 с.

70. История русской литературы XIX века. 40-60-е годы: учебное пособие для вузов / Под ред. В.Н. Аношкиной, О.Д. Громовой. – 3-е изд., испр. – М. : Изд. Оникс, 2006. – 512 с.

71. История русской литературы. Т. 6. Литература 1820-1830-х годов. / Под ред. Д.Д. Благого, Б.П. Городецкого, Б.С. Мейлаха. М. : Изд. Акад. Наук СССР, 1953. – 612 с.

72. История русской литературы: В 3 т. / ИМЛИ; ИРЛИ; Гл. ред. Д.Д. Благой. – М.; Л. : АН СССР. Наука, 1958–1964. Т. 2. Литература первой половины XIX века / Ред. кол.: А.М. Лаврецкий и др. – М.; Л., 1963. – 918 с.

73. Казин, А.Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры / А.Л. Казин. – СПб.: Росс. инст-т истории искусств; изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – 244 с.

74. Канкава, М.В. О влиянии В. Даля на стиль писателей этнографической школы / М.В. Канкава // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л., 1971. – С. 174-180.

75. Киреевский, И. В. Литературно-критические статьи, художественные произведения и собрание русских народных духовных стихов / Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 2. / Сост. и комм. А. Ф. Малышковского. 2020.
76. Кореневский, А. В., Сень Д. В. Запад и Восток: власть (не)знания и право "говорить за чужого" // НП/НР. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapad-i-vostok-vlast-ne-znaniya-i-pravo-govorit-za-chuzhogo> (дата обращения: 23.04.2022).
77. Кулешов, В.И. Александр Бестужев-Марлинский / В.И. Кулешов. Вступ. статья // А.А. Бестужев-Марлинский. Соч.: в 2 т. – М. : Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 5-36.
78. Лёвшин, А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А.И. Лёвшин. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
79. Леруа-Болье, А. Колонизация у новейших народов / А. Леруа-Болье. – СПб.: изд-во журн. Всем. путешественник., 1877. – 512 с.
80. Литературная газета. 1831. №2, 3.
81. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред А.Н. Николюкина. Инс-т науч. информ. по общест. наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
82. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М.Кожевникова, П. Николаева. – М. : Совет. энциклопедия, 1987. – 750 с.
83. Лихачев, Д.С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-6.
84. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман. – СПб.: Изд. «Искусство», 1994. – 399 с.
85. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. Об Искусстве. – СПб. : Искусство, 1998. – 285 с.
86. Луков, В.А. Эволюция драматургического метода Эдмона Ростана: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. / В.А. Луков. М., 1975. – 58с.
87. Маймин, Е.А. О русском романтизме / Е.А. Маймин. – М. : Просвещение, 1975. – 237 с.

88. Максимов, С.В. Литературные экспедиции / С.В. Максимов. – М. : Современник, 1986. – 423 с.
89. Манн, Ю.В. Поэтика русского романтизма / Ю.В. Манн. – М. : Наука, 1976. – 375 с.
90. Мельников, П.И. В.И. Даль. Критико-биографический очерк / В.И. Даль // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1 / В.И. Даль. – СПб.; М. : Изд. Тов. М.О. Вольф, 1897. – С. I- XC.
91. Мизко, Н.Д. Столетие русской литературы / Н.Д. Мизко. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. – С. 317-318.
92. Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. / Н.П. Михальская. – М. : МПГУ, 1995. – 150 с.
93. Михновец, М.В. «Окраины» Российской империи в геополитической картине мира Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okrainy-rossiyskoy-imperii-v-geopoliticheskoy-kartine-mira-dostoevskogo> (дата обращения: 21.05.2024).
94. Михновец, М.В. «Киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С.120-127. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>
95. Мустафина, Р.М. Русская литература на Кавказскую тему в критике В.Г.Белинского: автореф. дис...канд. филол. наук. / Р.М. Мустафина. – Баку, 1991. – 24 с.
96. Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. – 1992. – №5/6. – С.31-36.
97. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Ответственные редакторы [С.Г. Агаджанов], В.В. Трепавлов. – М. : Славян. диалог, 1998. – 416 с.
98. Нелидов, Ф.А. А.Н. Островский в кружке «молодого Москвитянина» / Ф.А. Нелидов // Русская мысль. –1901. – №3. – С. 229-264.

99. Николоюкин, А.Н. Типология романтической повести / А.Н. Николоюкин // О русской литературе. Теория и история. – М. : ИНИОН РАН, 2003. – С. 143.
100. Нурбагандова, Л.А. Кавказская публицистика А.А. Бестужева-Марлинского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Л.А. Нурбагандова. – Махачкала, 2008. – 25 с.
101. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты / Е.В. Дзюба С.А. Еремина, В.Ю. Миков, И.С. Пирожкова, А.И. Суетина, О.В. Томберг. / Под ред. Е. В. Дзюбы. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2019. – 209 с.
102. Орехов, В.В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге) / В.В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
103. Основы теории литературы: учебное пособие для студентов педагогических институтов / Л.И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1976. – 447 с.
104. Ощепков, А. Р. Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251-253.
105. Ощепков, А. Р. Образ России во французской литературе XIX в. : дисс. .... д-ра фил. наук. / А.Р. Ощепков. – М., 2011. – 410 с.
106. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина/ Е. В. Папилова // Rhema. Рема. 2011. №4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distiplina> (дата обращения: 23.04.2022).
107. Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. Часть I / публ.А.А. Ильина-Томича // Лица: Биографический альманах. 2. – М.; СПб.: Феникс : Atheneum, 1993. – С. 287-388.
108. Письмо А. И. Лёвшина к А. Г. Тройницкому. Деревня Пятая Гора, 10 октября 1838 г. // Русский архив. – 1894. – Т. I. – С. 584.
109. Письмо И. И. Срезневского к А. И. Лёвшину. Харьков, 2 сентября 1833 г. // ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2649, л. 1 (об.).

110. Полевой, К.А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого / К.А. Полевой. – СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1888.

111. Поляков, О.Ю., Полякова, О.А. Имагология: теоретико-методологические основы / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. – Киров: Радуга-Пресс, 2013. – 162 с.

112. Поспелов, Г. Может ли быть романтизм без романтики? / Г. Поспелов // Вопросы литературы. – 1964. – № 9. – С.111-118.

113. Приказчикова, Е.Е. Женщина на фоне наполеоновской эпохи: Социокультурный дискурс мемуарно-автобиографической прозы Н.А. Дуровой / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 256 с.

114. Проблемы современного сравнительного литературоведения / Под ред. Н. А. Вишневской, А. Д. Михайлова. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 96 с.

115. Пыпин, А. Н. История русской этнографии. В 4 т. Т. 1. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – 424 с.

116. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. В 4 т. Т.2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская / А.Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. – 428с.

117. Пыпин, А.Н. Новейший этнографический стиль / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1877. – №3. – С. 320.

118. Пыпин, А.Н. О задачах русской этнографии / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1885. – Т. 2. – Кн.4. – С.784.

119. Рахманов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. – Душанбе, 2020. – 276 с.

120. Рахманов, Б.Р. Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода). – Душанбе: РТСУ, 2016. – 314 с.

121. Репина, Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» / Л.П. Репина // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 9-19.

122. Реслан, Г. Проблема восточного колорита в прозе А.А. Бестужева-Марлинского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Г. Реслан. – М., 2001. – 28 с.
123. Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В. П. Трыков. – М. : МПГУ, 2017. – 252 с.
124. Русская литература и фольклор (Первая половина XIX века) / Под.ред. А.А. Горелова, А.Д. Соймова. – Л. : Наука, 1976. – 456 с.
125. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / Под ред. Б.С. Мейлаха. – Л. : Наука, 1973. – 565 с.
126. Русская романтическая повесть /Сост. В.И. Сахарова. – М. : Сов. Россия, 1980. – 672с.
127. Русские писатели о Грузии: (О. Форш, Ю. Тынянов, В. Гольцев) / сост. М.С. Клдиашвили. –Тбилиси : Мицниереба, 1980. – 103 с.
128. Русские повести и рассказы. Полн. собр. соч. В 8 ч. Ч. 8. СПб. : Тип. К. Винберга, 1838. – 256 с.
129. Рычков, П. И. Топография Оренбургская, то есть Обстоятельное описание Оренбургской губернии / П. И. Рычков. – СПб. : Императ. акад. наук, 1762. – Ч. 1-2.
130. Рычков, П.И. «История оренбургская», «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» / СПб., 1759.; Доношения И. К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг.
131. Сайтова, З.Р. Проблема национального характера в прозе Н.С. Лескова: дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / З.Р. Сайтова. – Бирск, 2007. – 177 с.
132. Сарбаш, Л.Н. Изображение жизни и верований народов Поволжья в русской литературе и публицистике XIX в. / Л.Н. Сарбаш. – Чебоксары: Изд. Чуваш. ун-та, 2012 – 402 с.
133. Сарбаш, Л.Н. Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX века: Проблематика и поэтика: дисс. .... д-ра филол. наук. / Л.Н. Сарбаш. – Чебоксары, 2013. – 516 с.
134. Северный архив. – 1823. – ч. VI. – №12. – С.381-339 ; ч. VII. – № 13. – С.1-14; №14. – С.101-120; №15. – С. 163-188.

135. Северный архив. – 1824. – Ч.9. – № 4. – С.179-190.
136. Серова, М.И., Трехбратов, Б.А. Декабристы в кубанской ссылке / М.И. Серова, Б.А. Трехбратов. – Краснодар: Изд. «Традиция», 2008. – 256 с.
137. Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей / отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб. : МАЭ РАН, 2014. – 299 с.
138. Сизова, М.А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А. Ган: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / М.А. Сизова – М., 2007. – 23 с.
139. Словарь литературоведческих терминов / сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
140. Созина, Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века/ Е.К. Созина // Уральский вестник. – 2016. – №1. – С. 7-10.
141. Соколова, В.Ф. Народознание и русская литература XIX века / В.Ф. Соколова. – Могилев: Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 368 с.
142. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культур 2-изд., испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М. : Акад. проект, 2001. – 989 с.
143. Сухих, О.Е. Образ казах-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII- первой половине XIX века: дисс. ... канд. истор. наук. / О.Е. Сухих. – Омск, 2007. – 258 с.
144. Токарев, С.А. Истоки этнографической науки / С.А Токарев. – М. : Наука, 1978. – 167 с.
145. Токарев, С.А. История русской этнографии / С.А. Токарев. – М. : Наука, 1966. – 453 с.
146. Трыков, В.П. Французский литературный портрет XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1999. – 58 с.
147. Тургенев, И.С. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского / И.С. Тургенев // Отечественные записки. – 1847. – № 1. – С. 72-78.

148. Умарова, Г.С. В.И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. – Уральск: Ред. центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012, – 305 с.

149. Ушаков, В.А. Киргиз-кайсак в 2-х ч. / В.А. Ушаков 2-е изд.. М. : Тип. Н. Степанова, 1835. – ч. 1. – 234 с. ; ч. 2. – 239 с.

150. Фесенко, Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск ; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с.

151. Фетисов, М.И. Литературные связи России и Казахстана 30-50-е годы XIX века / М.И. Фетисов. – М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. – 383 с.

152. Филатов, А.В. Ссылка и каторга в Российском имперском законодательстве XVI – начала XX века (Обзор) // Вестник НГУ. – 2008. – Т. 7. вып.1: История. – С. 122-127.

153. Фокеев, А.Л. Литературная школа писателей-этнографов / А.Л. Фокеев. – Саратов : Наука, 1994. – 72 с.

154. Фокеев, А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: дис. .... д-ра филол. наук. / А.Л. Фокеев. – М., 2004. – 516 с.

155. Фольклор и историческая этнография / Сб. ст. – М. : Наука, 1983. – 261 с.

156. Хабибуллина, Л.Ф. Миф о России в современной английской литературе /Л.Ф. Хабибуллина. – Казань: Казанск. ун-т, 2010. – 206 с.

157. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М: Высшая школа, 2002. – 438 с.

158. Ханинова, Р. М. Что значит «Утбалла»? О символике цветов в повести Елены Ган / Р.М. Ханинова // Изв. Калмыкии. – 2011. – 20 авг. – С. 3-7.

159. Ханинова, Р.М. Портрет калмычки с трубкой в аспекте имагологии: лирика Михаила Хонинова / Р.М. Ханинова // Вестник КИГИ РАН. – 2008. – №1. – С. 144-148.

160. Хорев, В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки) / В.А. Хорев. – М. : Изд. «Индрик», 2012. – 240 с.

161. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В.А. Хорев.– М. : Изд. Индрик, 2005. – 231 с.
162. Цейтлин, А.Г. Становление реализма в русской литературе / А.Г. Цейтлин. – М. : Наука, 1965. – 322 с.
163. Черноземова, Е.Н. Система жанров английской драматургии 80-90-х годов XVI века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. / Е.Н. Черноземова. – М., 1995. – 58 с.
164. Чистов, К.В. Фольклор и этнография / К.В. Чистов. – Л. : Наука, 1970. – 322 с.
165. Шараева, Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XX в.) / Т.И. Шараева. – Элиста : НПП «Джангар», 2011. – 223 с.
166. Шейман, Л.А. Пушкин и киргизы. / Л.А. Шейман. – Фрунзе : Изд. Киргизучпедгиз, 1963. – 143с.
167. Шорэ. Э. Елена Ган – русская Жорж Санд? // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э Шорэ, К. Хайдер, Г. Зверевой. – М. : РГГУ, 2009. – С. 498-521.
168. Эмирова, Л.А. Кавказская проза А.А. Бестужева-Марлинского проблемы русского менталитета в евразийском диалоге культур: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Л.А. Эмирова. – Махачкала, 2002. – 25 с.
169. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XXV (49).
170. Юган, Н.Л. В.И. Даль и русская литература 30-60-х гг. XIX в. / Н.Л. Юган. – Луганск : ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2011. – 400 с.
171. Юган, Н.Л. Инонациональная этнография в творчестве В.И. Даля как этап развития русской литературно-этнографической школы / Н.Л. Юган // Науч. Вестн. Междун. гум. ун-та. Сер. Филология. – 2015. – №19. – С.76-80.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

ВТОРНИКЪ.

ТОМЪ Ш, № 2.

ЯНВАРЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходить
через
каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№, въ С. П. 6. 55 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (въ Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

о Киргизъ-Кайсацкихъ или Киргизъ-
Козачьихъ Ордахъ.

(Выписки изъ большаго сочиненія (*).

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Образъ жизни Киргизовъ есть живая картина вре-
мени патриархальныхъ. Видъ цѣлаго народа паспуща-
ющаго и живущаго почти только для своихъ стадъ,
селенія или *аулы*, мгновенно исчезающіе и на другихъ
мѣстахъ опять вновь являющіеся; простота и бли-
зость сего состоянія къ природѣ, имѣющъ много зани-
мательнаго и впечатлительнаго для глазъ Романиста и

(*) Сія статья, равно какъ и та, которая будетъ помеще-
на въ слѣдующемъ № Литературной Газеты, почерпнута изъ
большаго сочиненія о Киргизъ-Кайсакахъ. Почтенный Ав-
торъ (А. И. Левшинъ) долго путешествовалъ по Киргизской
степи, и собралъ всѣ возможные свѣдѣнія о народѣ, кочующемъ
по оной. Любопытное свое сочиненіе раздѣлилъ онъ на три
части: первая двѣ посвящены топографическому обзорно
мѣстъ, обитаемыхъ кочевыми Киргизъ-Кайсаками, и истори-
ческими разсказами о семъ народѣ; третья заключаетъ въ
себѣ этнографическія свѣдѣнія о его нравахъ, обычаяхъ, вѣрѣ, и
пр. и пр. Лепкое докѣрѣ Автора позволило намъ отчасти
съ его сочиненіемъ: рукопись его была у насъ въ рукахъ по-
сколько времени, и мы смѣло скажемъ, что у насъ рѣдко появ-
ляющіяся книги, столь богатыя учеными изысканіями, столь за-

Поэта. Люди съ воображеніемъ пылкимъ могутъ, гля-
дя на Киргизовъ, предшамаять себѣ безпечныхъ па-
стуховъ счастливой Аркадіи, или спокойныхъ совре-
менниковъ Авраамовыхъ; могутъ мечтать о множествѣ
блаженствъ людей, незнакомыхъ съ пороками, парсипу-
ющими въ большихъ городахъ; могутъ искать у нихъ
предметовъ для эллога и пиллий. Но хладнокровный
Путешественникъ видитъ въ нихъ только полудикихъ
и сравниваетъ ихъ съ Геродотовыми Скинами, Чингис-
совыми Монголами-Татарами, илькинскими Бедунами,
Курдами, жителями береговъ Евфрата, Готтентотами,
и другими подобно имъ грубыми племенами Азии и Аф-
рики.

И действительно, Киргизскія Орды много сходству-
ютъ съ ними нравами и образомъ кочевой жизни, не-
обходимымъ для прокормленія многочисленныхъ стадъ,
за конями онѣ слѣдуютъ съ подвижными домами своими
изъ одного мѣста въ другое.

Жилище Киргиза есть *кибитка* или *юрта*, то есть
со всѣхъ сторонъ округленная палатка, состоящая
изъ деревянныхъ рѣшетокъ, покрытыхъ войлоками, и
имѣющая сверху надъ самою ерединою большое круглое
отверстіе, по произволу открываемое и закрываемое:
въ него проникаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ, когда
разводитъ въ кибиткѣ огонь. Вышина таковыхъ *юртъ*,
совершенно сходныхъ съ Калмыцкими, простирается
отъ 4 до 8 аршинъ; діаметръ отъ 8 до 15 и болѣе.
Рѣшетчатые стѣны оныхъ привязываются волосяны-
ми веревками ко вбитымъ въ землю кольямъ; двери
бываютъ деревянныя рѣзныя, съ разными украшеніями
и вставленными въ нихъ разноцвѣтными косточками;

юсть шупренность юрты отъ пыли и сора. Кибитки проспыхъ Киргизовъ обыкновенно дѣлаются изъ войлоковъ *стрыхъ*; знатные и богатые употребляютъ для сего бѣлые войлоки; а у нѣкошорыхъ сильныхъ Султановъ, Средней и Большой Орды, юрты бывають обшлянуты краснымъ сукномъ и подбиты шелковыми пикаями. Въ противоположность послѣднимъ, самые бѣдные вмѣсто войлоковъ покрываютъ жилища свои рогожами, дерномъ и камышемъ.

Часть кибитки, противоположащую дверямъ, обыкновенно занимають сундуки, покрытые коврами; на нихъ кладутся халаты, шубы и другія одежды; по споропанамъ развѣшываются сабли, ружья, луки со стрѣлами, сѣдла, конская збруя, порошницы и разныя снаряды; также утиральники или полотенца, чайники, кубзины, шурсуки, (кожаные мѣшки), иногда конченныя лошадинныя ноги и мясо. На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, сполщъ большія чаши, котлы, деревянныя изголовья, на которыхъ кладутъ подушки, и особаго рода ящики, съ разными украшениями, въ коихъ держатъ мѣшки, наполненные *кумызомъ*.

Снимая и вновь разбивая такую кибитку въ полчаса времени, Киргизъ перевозитъ ее тѣломъ на верблюды шуда, гдѣ находятъ для скота своего дошаточный кормъ и воду. Свѣдѣтельно, онъ зависитъ отъ спадъ и шабуновъ своихъ болѣе, нежели отъ чего нибудь. Частное и подробное описаніе ихъ скотоводства предложимъ мы послѣ; между тѣмъ должны напередъ сказать, что на семь зайиши основаны почти все обязанности и общественныя отношенія его, такъ что съ какой стороны ни взглянемъ на него, вездѣ увидимъ въ немъ вооруженнаго пастуха, и найдемъ испочинку болшей части какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ его дѣйствій въ охотѣ и привычкѣ къ скотоводству.

Безпрерывные переходы или перекочевки Киргизъ-Козаковъ съ мѣста на мѣсто, нисколько не кажутся имъ тяжельми; напротивъ они находятъ въ оныхъ одно изъ первыхъ удовольствій, и починають себя счастливыми, что не привязаны къ землѣ.

Дѣломъ кочевая жизнь дѣйствительно имѣетъ много пріятностей; но зимою она ужасна. Тогда занесенные со вѣхъ сторонъ снѣжными сугробами и дрожаще отъ несноснаго холода, жители степей Киргизскихъ почти не выходятъ изъ кибитокъ своихъ, и, сидя безпрестанно у огня (*), съ одной стороны страдаютъ

всѣми въ немъ укрывающимися. Между тѣмъ пагѣ дѣши выползають изъ-подъ войлоковъ, или овчинъ, которыми они обыкновенно бывають накрыты, и садясь въ горячую зоду, обжигаютъ себя руки или ноги, и вопли ихъ раздирають слухъ.

Въ защиту отъ вѣхъ бѣдствій и непріятностей зимы, Киргизы стараются проводить оную въ лѣсахъ, въ камышахъ, между буграми, или въ пескахъ южной части степи.

Сказавъ выше, что какъ *зимилъ*, такъ и *лѣтилъ* кочевья ихъ не могутъ быть ни почто опредѣлены, ни всегда сохраняемы одними жилищами, мы прибавимъ однако жъ, что они довольно постоянно возвращаються на первыя. Это потому, что не всегда можно найти необходимыя для зимняго кочевья выгоды, и что въ срединѣ зимы глубокіе снѣга не позволяютъ перемѣнять мѣсть.

Припомъ, нѣкошорые Киргизы, особенно изъ кочующихъ при границѣ нашей, осенью заготовляютъ сѣно, дѣлають для скота землянки, и городятъ, гдѣ можно, плешни для защиты отъ вѣтра, особенно Сѣвернаго.

Теря много отъ морозовъ и бурановъ, Киргизъ-Козакъ всегда съ восхищеніемъ встрѣчаютъ весну. Большую часть лѣсныхъ дней просыпають, или пьютъ кумызь, почти не употребляя мяса; а по ночамъ собираются вмѣстѣ, пируютъ и разсказываютъ другъ другу сказки, или слушаютъ музыканшовъ, играющихъ на чибызѣ, кобызѣ, или балалайкѣ.

Самымъ лучшимъ временемъ года починается у нихъ осень. Тутъ совершаютъ они опдѣленнѣйшія путешествія (*); шуть бывають празднества; шуть же по болшей части производятся и бараншны, коимъ тогда опособствуютъ пемноша ночей и достаточная шучность лошадей для выдержанія быстрыхъ и болшихъ перегоновъ.

Киргизы рѣдко кочуютъ болшимъ числомъ въ одномъ мѣстѣ, ибо спадамъ ихъ иногда бывають шѣсно; но составляютъ общество изъ нѣсколькихъ семействъ, связанныхъ родствомъ или взаимными выгодами, и переходя вмѣстѣ съ одного кочевья на другое, не различаються безъ особенныхъ причинъ. Таковое подвижное селеніе называютъ они *аулъ*; количество кибитокъ въ ономъ зависитъ отъ случая.

Нѣкошорые живутъ въ Хивѣ, Бухарѣ, Китайскихъ владѣніяхъ, Ташкентѣ, Кокандѣ, и имѣють тамъ свои дома, земли, сады (**); но число ихъ очень невелико.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТОМЪ III, № 3. ЯНВАРЯ 11⁰⁰.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходить
через
каждые пять дней.

1831 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№, въ С. П. б. 55 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январь Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Четвертокъ), — 6-го (во Вторникъ), — 11-го (въ Воскресенье), — 16-го (въ Пятницу), — 21-го (въ Среду), — 26-го (въ Понедѣльникъ), и 31-го (въ Субботу).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

о Киргизъ-Кайсацкихъ или Киргизъ-Козацкихъ Ордахъ.

(Вторая выписка изъ соч. А. П. Левшина.)

ВѢРА И СУЕВѢРІЯ.

Какой вы веры? Спросилъ я однажды двухъ Киргизъ-Козаковъ. «Не знаемъ», отвѣчали они. Ошвыпъ сей услышавъ ошъ большей части ихъ соотечественниковъ. И въ самомъ дѣлѣ шрудно рѣшить, что такое Киргизы: Магомешане, Манихейне (*), или язычники!

Всѣ они вообще имѣютъ понятіе о Высочайшемъ Существомъ, сотворившемъ міръ; но одни поклоняются Оному по законамъ Корана; другіе смѣшиваютъ ученіе Исламизма съ ошашками древняго идолопоклонства; третіи думаютъ, что кромѣ Божества благого, некущагося о счастья людей, и называемаго ими *Кудай*, есть злой духъ, или *Шайтанъ*, источникъ зла (**). Сверхъ того Киргизы признаютъ существованіе многихъ другихъ духовъ; вѣрятъ колдунамъ, ворожеямъ. Однако же изъ всѣхъ частей сего смѣшенія различныхъ исповѣданій, преимущественно предъ прочими обларуживается Магомешанское (**); и хотя оное совѣмъ

(*) Манесъ, основатель Манихейзма, признавалъ, что міръ управляется двумя равносильными началами: добрымъ и злымъ.

(**) *Шайтанъ*, *Сатаиъ* (у Евреевъ), *Аришанъ* (у Маговъ) и *Элисъ* (у Магомешанъ), есть одно и то же.

(***) Незвѣстно, когда сдѣлалась Магомешанская религія общемо у Киргизовъ; но знаемъ, что Кучумъ, послѣдній Ханъ Сибирскій, пришелъ въ Сибирь изъ Козацкой орды и утвердившись на престолю, пошчасъ началъ обращать новыхъ поданныхъ своихъ въ вѣру Магомешанскую, которую самъ исповѣдовалъ, и для разпространенія которой ошецъ его *Муртаза* прислалъ

не производить въ Козацкихъ Ордахъ того фанатизма, которымъ одушевлены прочіе Мусульмане; но они увѣрены, что люди, не чшущіе ихъ пророка, суть невѣрные (*кафиръ*), которыхъ можно мучить и противъ которыхъ должно употреблять оружіе. Киргизы также мнѣнія не только о Христіанахъ, Ламайцахъ, или пародахъ всякаго другаго исповѣданія, но даже о Магомешанцахъ *Шитскаго толка*: ибо сами себя причисляютъ къ *Суннитамъ*, или лучше сказать, не понимая сего различія, знаютъ только, что Турки, Ташаре, Бухарцы, Хивинцы и другіе сосѣди, одинаково съ ними вѣроисповѣданія; а Персіанъ и прочіихъ учениковъ Али почитаютъ раскольниками. По сей-то причинѣ ни одинъ Суннитъ не можетъ быть рабомъ въ Киргизскихъ Ордахъ; а Шиттъ, Христіанинъ и Калмыкъ, взятый въ плѣнъ, продаются и содержатся одинаково.

Одно изъ главнѣйшихъ правилъ Корана, соблюдаемыхъ Киргизами, есть многоженство. Они весьма усердно слѣдуютъ оному, когда достатокъ позволяетъ имъ платитъ за женъ установленный народными обычаями *Калымъ*.

Посновъ и омовенія, весьма благоразумнаго постаповленія Магомешова, Киргизы не соблюдаютъ; молились по плѣни разъ на день, находясь они для себя шруднымъ; мечешей и избранныхъ изъ среди себя Муль не имѣютъ. Иногда молишвы читаются стариками въ присутствіи многихъ, споящихъ около нихъ на козляхъ; но по большей части всякой молился, когда и гдѣ хочешь. Нѣкоторые же совѣмъ никакихъ обрядовъ религіи не исполняютъ. Число усердныхъ *Мусульманъ* шакъ рѣдко въ семь народѣ, что *Исламизмъ* совѣмъ бы въ немъ угаснулъ, если бы не поддерживали онаго духовные, часто пріѣзжающіе изъ Бухаріи, Хивы, Туркестана, и Музлы, опредѣляемые Россійскимъ Правительствомъ къ Ханамъ и родона-

ему Ахума и множеству Муль. Произшествіе сіе случилось, какъ весьма извѣстно, въ половинѣ XVI-го столѣтія. Соч. Сибир. Исторію Финера, Введеніе § 86, 87 и проч.

чальникамъ, для исправленія при нихъ должности писмоводителей. Сильные Султаны сами занимають такъ называемыхъ секретарей, и они, будучи единственными толкователями Корана, заключающаго въ себѣ и гражданскіе законы, дѣлаются судьями и совѣтниками правителей народныхъ. *Хаджи*, т. е. посѣдившіе Мекку и подобные имъ святыни, объѣзжая Орды Киргизскія, обогащаются въ нихъ совершеніемъ богослуженій, гадаіемъ по Алкорану, предсказаніями и продажей шамановъ, или писанныхъ молитвъ, которыхъ, какъ сказали мы выше, пришиваются въ сумочкахъ къ плащю и по суевѣрному мнѣнію Киргизъ-Козаковъ, дѣлають ихъ непобѣдимыми, сохраняють отъ ранъ и нападений, удерживають на предпріятомъ пути, не позволяють сбиваться съ оная, и избавляють отъ всякихъ золъ.

Едва ли кто нибудь изъ Киргизъ-Козаковъ былъ въ Меккѣ; но они почитаютъ Туркестанъ святымъ мѣстомъ, и многіе изъ нихъ, особливо изъ кочующихъ близъ сего города, вѣдять въ оный для поклоненія гробу Святаго Кара-Ахметъ Ходжи, чрезвычайно ими уважаемаго. Кромѣ сего, по ихъ мнѣнію, многія могилы, въ степяхъ еущесшующія, скрываютъ въ себѣ останки святыихъ (дѣлю). Они вѣдять имъ поклоняться, читають надъ ними молитвы, призываютъ ихъ, приносятъ имъ въ жертву овецъ, которыхъ шкуру же сами съѣдаютъ, и призывають къ правѣ, кушарникамъ, или вѣсивымъ въ землю кольямъ лоскушка, волосы и ленты^{*)}, полагая, что души святыихъ обвинають надъ своими грѣхами въ летахъ счастливыхъ, и что онѣ низходятъ на гробы свои при воззваніи къ нимъ. Равнымъ образомъ думаютъ, что и души всѣхъ прочихъ покойниковъ во время поминовенія сходятъ на землю со звездъ, гдѣ пребываютъ онѣ, и гдѣ, смотря по роду жизни своей, онѣ находятся у духовъ добрыхъ, или злыхъ; что, Киргизы полагають, также каждый день зависить отъ особой звезды, счастливой или несчастливой; и отъ того они раздѣляютъ дни на благополучныя и злосчастныя.

Для умилостивленія злаго духа читають молитвы, приносятъ ему жертвы, разкидываютъ оныя на всѣ стороны и потомъ, протягивая руки къверху, заклинають его быть снисходительнымъ.

Успокоему, для полученія мѣсна въ Киргизскихъ Святыняхъ, иногда бываетъ довольно того, чтобы надъ прахомъ его выросло какое нибудь большое дерево.

Между Киргизами являютя и полусвятыя, или юродивыя, которые, не имѣя пропитанія, одѣваются въ изорванныя рубища, ходятъ изъ одного аула въ другой, поютъ пронзительнымъ голосомъ молитвы, пред-

спавляютъ изъ себя вдохновенныхъ, дѣлають предсказанія и достигаютъ своей цѣли, то есть, поправляютъ свое состояніе, или покрайней мѣрѣ получаютъ нужное содержаніе. Нѣкоторые еще даже проспирають свои желанія, и, являясь подъ названіемъ пророковъ, собирають многочисленныя толпы последователей. Такого рода люди показывались не разъ, и послѣдній изъ нихъ проповѣдывалъ въ Средней Ордѣ въ 1821 году; но недолго. Ни одинъ изъ сихъ проповѣдниковъ не выдалъ однако жъ новаго ученія, и не оставилъ послѣ себя учениковъ.

Дабы имѣть самое убѣдительное доказательство суевѣрія почти всѣхъ Киргизовъ вообще и плутовства немногихъ, пользующихся онымъ, опишемъ ихъ колдуновъ и гадашелей, которымъ приписываютъ они силу не только узнавать прошедшее, настоящее и будущее, но производить холодъ, жаръ, бури, громъ, вѣтры, дождь, снѣгъ; излечивать всякаго рода больныхъ; отворачивать грозящія бѣдѣныя; и все чрезъ знакомство съ духами.

Колдуны и гадашеля раздѣляются на нѣсколько родовъ.

Многочислѣннѣйшіе называются *Джауручи* или *Юручи*; они гадаютъ по бараньимъ костямъ, которыхъ сначала очищаютъ отъ мяса, потомъ кладутъ въ огонь и жгутъ до тѣхъ поръ, пока онѣ обгорятъ и изпрекнутся. Въ прещеніяхъ, такимъ образомъ произведенныхъ, видятъ они все на свѣтъ; по нимъ разсказываютъ прошедшее и предвѣщаютъ будущее. Капитанъ Рычковъ, о которомъ говорено въ этомъ сочиненіи, описываетъ любопытное гаданіе одного Юручи, происходившее при немъ у Хаи Нурали, когда сей послѣдній пожелалъ знать: гдѣ находились Калмыки, бѣжавшіе изъ Россіи, и догонитъ ли ихъ посланное за ними войско наше? Вотъ его слова:

« По мнѣнію сего гадашеля, все предбудущее изображалось нѣкими черпами на сожженной лопаткѣ; а потому разсмотрѣвъ ее съ задумчивостію и вниманіемъ, повѣдалъ спящимъ вокругъ него нижеслѣдующее: что въ полудни прошедшаго дня соединился съ Калмыками нѣкій невидимый духъ, именуемый *Аврахъ*. Онъ только везетъ въ народъ великую робость и смущеніе принесемъ Россійскихъ войскъ: по въ полудни сего дня достигъ до нихъ другой *Аврахъ*, который произвелъ въ нихъ еще больше страху нѣкими ужасными предзнаменованіями, приемлемыми ими за знаки предвѣщающей имъ погибели. Наконецъ вся судьбина ихъ должна зависѣть отъ прещенія *Авраха*, который, если придетъ къ нимъ на другой день послѣ

«Хана, почитали истиннымъ пророчествомъ. Легко предвидѣть можно, что онъ самъ предсказаніемъ такимъ, имѣющимъ двойное толкованіе, всегда соблюдеши пародное почтеніе и вѣру: ибо если бы подлинно случилось съ Казмыками какое-либо несчастье, слова перваго предсказанія показали сіе событіе: но когда случилось бы тому совсѣмъ противоположное, то онъ напомнилъ бы своимъ суевѣрамъ, что они спасены отъ напасти принесеніемъ прешьяго Авраха.»

Если Дельфійскій Оракулъ могъ давать подобныя отвѣты Грекамъ: то мудрено ли, что и Джауручи пользующія доверіемъ Киргизовъ? Нѣсколько Султановъ клялись мнѣ, что таковой прорицатель, бывшій у Хана Меньшой Орды Джанишори, предъ смертію его, говорилъ ему, глядя на горящую кость баранью, что убійцы его вѣдутъ назначалъ разстояніе, въ которомъ они находились; опредѣлялъ часъ, въ которой лишится онъ жизни; и что будто бы все сіе исполнилось по словамъ емъ съ величайшею точностію. Ханъ смѣялся надъ предсказаніемъ; но въ минушу смерти разкался, и тѣмъ еще болѣе утверждалъ свидѣтелей сего произшествія въ смаромъ ихъ предразсудкѣ (*).

Ралги, составляющіе второю классъ прорицателей, гадаютъ по цвѣту пламени, которымъ горитъ баранье сало, бросаемое ими въ огонь; при семъ читаютъ они молитвы и призываютъ духовъ.

Джудузи суть Астрологи, предсказывающіе и гадающіе по звездамъ, въ которыхъ живутъ знакомыимъ духи (**).

Всѣхъ забавитъ и вмѣстѣ спршитъ *Баксы* или *Бакхи*, очень похожіе на Сибирскихъ Шамановъ. Одежіе ихъ бываетъ иногда обыкновенное длинное, иногда же короткое, или изорванное рубище, одною паружностію своею уже дѣйствующее на зрителей ихъ прагматическихкихъ представлений. Образъ прорицанія ихъ то же не всегда одинаковъ. *Баксы*, котораго мнѣ случилось видѣть, вошелъ въ кибитку самымъ тихимъ шагомъ, съ понушенными глазами, съ важнымъ лицемъ, и въ рубищѣ. Взявъ въ руки *кобызъ*, составляющій подобіе гудка, сѣлъ онъ на коверъ, заигралъ, запѣлъ и началъ тихо качаться, а потомъ дѣлалъ разныя тѣлодвиженія. Съ возвышеніемъ голоса, ускорались и спановились пруднѣе его кривлянія. Онъ бился, вертѣлся, выпячивался и сгибался, какъ пенсовый; потъ лилъ съ него градомъ, пѣна клубилась изо рта. Бросивъ *кобызъ*, вско-

чилъ онъ, вспрыгнувъ, запрясъ головою, спалъ кричащъ пронзительнымъ голосомъ и созывая духовъ, то маня ихъ къ себѣ руками, то отмахивая отъ себя пѣхъ, которые были ему неужны. Наконецъ, выбившись изъ силъ, съ лицемъ блѣднымъ, съ глазами налившимися кровью, бросился онъ на коверъ, изпустилъ дивнѣй крикъ, и умолкъ, какъ мертвый. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, привставъ, озирался онъ на всѣ стороны, какъ будто не зная, гдѣ онъ, прочелъ молитву, и началъ предсказывать, основываясь, какъ говорилъ, на бывшемъ ему тогда видѣніи.

Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1820 года (книжка 6) помѣщено любовнѣе описаніе Киргизскаго чародѣя другаго рода. Вышеемъ оное.

«Онъ былъ Ташкенецъ спеленаго вида, имѣлъ на головѣ чалму, подобно Ходжѣ или Муллѣ; а на себѣ былое по-лосаеое длинное плащье, подолсанное бѣлымъ же кушакомъ; въ рукахъ держалъ онъ высокой костью, оправленный мѣдою, убранный разноцвѣтными камнями и обвитый проволокою, съ привязанными къ нему тремя долгами и широкими значками, однимъ изъ бѣлой шкуры и двумя изъ шелковой. Онъ сѣлъ на скамью по срединѣ юрты, читалъ молитвы и призывалъ поименамъ почитаемыхъ Магометами угодинокъ, назначая каждому изъ нихъ завѣщаніе, которые будто бы къ нему и предсказали; при чемъ чувствовалъ онъ великое восхищеніе и вмѣстѣ досаду, что одинъ злой духъ препятствовалъ ему слышать ихъ опроверженіе. Для прогнанія сего, принужденъ онъ былъ соскочить съ своего мѣста, бѣгалъ съ костью по юртѣ, даже выскочилъ изъ оной вошь, сѣлъ на осѣдланную лошадь и у-скакалъ въ поле болѣе четверти версты; по возвращеніи же опшуда повертывался, сѣлъ на лошади, нѣсколько разъ на всѣ стороны, размахивалъ костью и вошелъ въ юрту съ спокойнымъ духомъ, радуясь, что прогналъ своего непріятеля. Тамъ сѣлъ по прежнему на скамью и съ особеннымъ благоговѣніемъ призывалъ своихъ угодинокъ; а спустя нѣсколько времени, всталъ въ нѣкоторое безпамятство, повалился на землю и производилъ етоль сильныя движенія, что четверо человека едва могли его держать. Наконецъ чрезъ 10 минутъ успокоился, пришелъ въ совершенное чувствіе и на вопросы присутствующихъ, пересказывалъ сдѣланныя ему опроверженія. Онъ говорилъ мнѣ, что текущій годъ окончится благополучно безъ войны и всякихъ другихъ несчастій для народа, словомъ, все обѣщавъ, что только могло ихъ утѣшать, или пипать пріятною надеждою.»

Въ Большой Ордѣ. Баксы наряжаются въ бѣлыя са-

(*) Точно также гадали на бараньихъ костяхъ Мангу-Ханъ, вѣдухъ Чингиса, когда былъ у него Рубриковъ. Слюшр. Описаніе

кои приписываютъ себѣ искусство обворожать плѣнныхъ такъ, что они въ побѣгѣ непременно должны сбившя съ дороги. Для сего вырываютъ у нихъ волосы, сыплютъ имъ на языкъ золу, велишь опшупавшъ на три шага назадъ и проч.

Есть кромѣ того у Киргизовъ другіе способы ворожиль и колдовашъ, которые однако жъ мало разнятся отъ вышеписанныхъ. Не входя въ подробности, скажемъ вообще, что многіе изъ занимающихся симъ ремесломъ дѣйствуютъ не одними кривляньями, но имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Бошаникѣ и Химин. Искуснейшіе изъ нихъ, какъ говорятъ, безвредно ходятъ голыми ногами по раскаленному желѣзу, сползая на оспиряхъ сабляхъ и горящихъ угольяхъ, гномятъ ножи, плети и выпускаютъ въ горло сабли.

Колдовство и обманъ составляютъ не только часть религіи Киргизъ-Козаковъ, но и главнѣйшую часть Медицины ихъ: ибо они прибѣгаютъ къ онымъ въ самыхъ опасныхъ болѣзняхъ.

Баксъ лечитъ слѣдующимъ образомъ:

Сначала садится онъ противъ больного, играетъ на кобызѣ, поетъ, кричитъ дикимъ гологомъ, бѣспуется и дѣлаетъ разныя вышеописанныя кривлянья; потомъ вскакиваетъ съ мѣста, читаетъ безсмысленныя рѣчи, беретъ плетъ и бьетъ оное спраждающаго, въ надеждѣ изгнать изъ него всѣхъ нечистыхъ духовъ, производящихъ болѣзнь; наконецъ, лижетъ его языкомъ, кусаетъ до крови зубами, плюетъ ему въ глаза, и схватывая пощъ, бросаетъ на него, будучи съ намѣреніемъ зарѣзатьъ.

Такое леченіе иногда сопровождается разными другими, столь же смѣшными обрядами, и продолжается 9 дней. Нѣкоторые Медики увѣряютъ, что оно, не смотря на всю его странность, можетъ быть полезно въ болѣзняхъ, онъ раздраженій производящихъ.

Другаго рода Киргизскіе обманщики, называющіе себя лекарями, имѣютъ еще нныя средства для легковѣрныхъ. Они разводять огонь, раскаляютъ въ ономъ желѣзо, и топятъ баранье сало; потомъ, соединяясь съ предположенными зрительями, и давъ каждому изъ нихъ по зажженной свѣчѣ въ руку, дѣлаютъ торжественныя ходы, и посягаютъ около больного или при чашѣ съ горящими свѣчами, паноченныя всякою всячиною, или разпущенныхъ козъ и овецъ, конми толкаютъ больного 9 разъ, и конныхъ кожи предоставляютъ въ пользу врача.

Иногда вмѣсто Баксовъ лечатъ Мулы. Ся послѣд-

запимал мѣсто искусства, дѣлаетъ и сей претій способъ леченія иногда дѣйствительнымъ. Подобныя примѣры встрѣчаемъ у многихъ просвѣщенныхъ народовъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, больные Киргизы призываютъ съ себѣ на помощь въ одно время и Мулъ и Баксовъ, и разныхъ другихъ обманщиковъ. Первые не ищутъ впорымъ, послѣдніе живутъ въ согласіи съ ними и другими. Вся дѣйствующіе въ таковыхъ собраніяхъ имѣютъ одну цѣль: получить плату за труды; а потому всякой осправляетъ свое ремесло безъ раздоровъ.

Невѣжество, суевѣріе и обманъ всегда подають другъ другу помощь и вездѣ, хотя въ разныхъ видахъ, но соединенными силами угнетаютъ родъ человѣчскій.

З И М А.

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой шпесей
Онъ утра поднято до ранней нѣмы ночной.
Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкой скокъ коня по доламъ и горамъ
И звучная гоньба по ушренимъ зарямъ!
Когда пройдеши зима? когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимова,
Лѣса, согранные дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?
Вошше, исполненный невольнаго помянь,
Чтобъ разогнать тоску и скуку започенья,
Гляжу въ замерзшее и шуклое окно:
Вокругъ все холодно и мертво и шемно!
Вдали шумитъ мятежь и на землѣ печальной
Разкинувшъ бѣлый снѣгъ, какъ саванъ погребальщій;
Вокругъ все холодно; но что жъ? Въ груди моей
Теплѣе кровь бѣжитъ и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта проснулася: и чудныя видѣнья
Рисуешь предо мной игра воображенья.
Мнѣ помнялся край, гдѣ, пушистикъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылакою душой
Бродилъ среди карликовъ и прелестей природы.
Скалы Швейцарціи, и пашпиріи народы,
И роскошь Франціи, и пы, спирача чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ.